

МОЛИТВА СВЯТОМУ ПРЕПОДОБНОМУ РОМАНУ СЛАДКОПЕВЦУ

Преподобне отче Романе! Воззри на нас милоспивно и к земли приверженных возведи к высоте небесней. Ты горе на небеси, мы низу на земли, удалены от тебе, не только местом, елико грехми своими и беззаконии, но к тебе прибегаем и взываем: настави нас ходити путем твоим, вразуми и руководствуй. Вся твоя святая жизнь бысть зеркалом всякия добродетели. Не престани, угодниче Божий, о нас волия ко Господу. Испроси предстательством своим у Всемилощиваго Бога нашего мир Церкви Его, под знаменем креста воинствующей, согласие в вере и единомудрие, суемудрия же и расколов испребление, утверждение во благих делах, больным исцеление, печальным утешение, обиженным заступление, бедствующим помощь. Не посрами нас, к тебе с верою припекающих. Все православнии христиане, твоими чудесы исполненнии и милостями благодетельствованнии, исповедуют тя быти своего покровителя и заступника. Яви древняя милости твоя, и ихже отцем вспомоществовал еси, не отрини и нас, чадо их, стопами их к тебе шествующих. Предстояще всещестней иконе твоей, яко тебе живу сущу, припадаем и молимся: приими моления наша и вознеси их на жертвенник благоупробия Божия, да примем твоею благодатью и благовременную в нуждах наших помощь. Укрепи наше малодушие и утверди нас в вере, да несомненно уповаем получитьи вся блага от благосердия Владыки молитвами твоими. О, превеликий угодниче Божий! Всем нам, с верою припекающим к тебе, помози предстательством твоим ко Господу, и всех нас управи в мире и покаянии скончати живот наш и преселитися со упованием в блаженныя недра Авраамова, идеже ты радостно во трудех и подвизех ныне почиваеши, прославляя со всеми святыми Бога, в Троице славимаго, Отца и Сына и Святаго Духа, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Духовный Собеседник

2018 №5 (97)

Председатель
редакционного совета
Высокопреосвященнейший Сергей,
митрополит Самарский и Тольяттинский

Редакционный совет:
Епископ Никифор (Хотеев)
Епископ Софроний (Баландин)
Епископ Фома (Мосолов)
Архимандрит Георгий (Шестун) – гл. редактор
Протоиерей Николай Манихин
Протоиерей Николай Агафонов
Архимандрит Вениамин (Лабутин)
Протоиерей Олег Агапов
Протоиерей Евгений Зеленцов
Протоиерей Игорь Макаров
Протоиерей Дмитрий Лескин
Протоиерей Александр Урывский
Протоиерей Рустик Гузь – секретарь ред. совета
Протоиерей Алексей Подмарицын
Д. В. Сивиркин
Монахиня София (Бельчикова)
Ю. В. Изъятский

Над номером работали:
Монахиня Феофания (Купер) – ответственный секретарь
Мария Винникова – редактор
Анна Коваленко – редактор
Анастасия Лукьянцева – набор
Александр Филимонов – верстка

Адрес редакции: Россия, 443110, г. Самара, ул. Радонежская, 2.

Почтовый адрес: 443110, г. Самара, ул. Радонежская, 2.

Тел.: (846) 334-12-72, 336-84-41. Факс: (846) 336-18-99.

Эл. почта: redaktor@духовныйсобеседник.рф

Электронная версия «ДС» в Интернете: духовныйсобеседник.рф

Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви

СОДЕРЖАНИЕ

**МОЛИТВА СЯТОМУ ПРЕПОДОБНОМУ
РОМАНУ СЛАДКОПЕВЦУ** 1

СВЯТИТЕЛЬСКОЕ СЛОВО
Свяпипель Иоанн Злапоусп
О церковном пении..... 4

ГЛАГОЛЫ ЖИЗНИ
Епископ Петр (Екатериновский)
«Награда дается не за делание, но за смирение» 8

ТРИБУНА РУССКОЙ МЫСЛИ
Александр Панарин
Можно ли возродить идею «Третьего Рима»?..... 12

ЖИЗНЬ ВО ХРИСТЕ
Митрополип Мануил (Лемешевский)
«Поминайте наставников ваших» 32

БОГОСЛОВИЕ В ЗВУКАХ
Владимир Коваленко
«До дрожи в сердце слышу родную землю» 58
Констанпинос Фопопулос
Введение в историю, теорию и практику
византийского церковного пения 89
Евгений Мравинский
Тишина присутствующая..... 104

ВОЗВРАЩЕНИЕ ОБРАЗА
Нина Жукова
Человечность в любых обстоятельствах
К столетию «Союза православных
женщин» России..... 114

СВЯТАЯ РУСЬ
Архимандрит Георгий (Шестун)
«Всякий любящий рожден от Бога»..... 120

ЧАС УЧЕНИЧЕСТВА
Монахиня Александра (Захарченко)
Педагогические этюды..... 124

О ЦЕРКОВНОМ ПЕНИИ

Для чего употребляется пение? Послушай. Бог, видя, что многие из людей нерадивы, тяготятся чтением духовных писаний и неохотно принимают на себя этот труд, и желая сделать этот труд вожделенным и уничтожить чувство утомления, соединил с пророчествами мелодию, чтобы все, услаждаясь стройностью напева, с великим усердием возносили Ему священные песнопения. В самом деле ничто, ничто так не возвышает и не окрыляет душу, не отрешает ее от земли, не избавляет от уз тела, не располагает любомудрствовать и презирать все житейское, как согласное пение и стройно составленная божественная песнь. Природа наша так услаждается песнями и стройными напевами и имеет к ним склонность, что и грудные дети, когда плачут и бывают беспокойны, усыпляются ими. Кормилицы, нося их на руках и ходя взад и вперед, напевают им какие-нибудь детские песни и тем погружают в сон глаза их. Часто и путешественники, в жаркий полдень погоняя выючных животных, продолжают путь с пением, и этими песнями облегчают тягость путешествия. И не только путешественники, но и земледельцы, выжимая виноградный сок, собирая или очищая виноград, или делая что-нибудь другое, часто также поют. И мореплаватели, работая веслами, делают то же. Даже и женщины, когда прядут и спутавшуюся пряжу расправляют гребнем, иногда каждая порознь, а иногда все вместе поют какую-нибудь песню.

Все же, и женщины, и путешественники, и земледельцы, и мореплаватели, делают это для того, чтобы пением облегчить трудность работы, так как душа при звуках стройной песни легче может переносить скуку и труд. Поэтому, так как душа наша имеет склонность к этому роду наслаждения, то дабы злые духи введением развратных песен не испортили всего, Бог для ограждения от них установил псалмы, от которых бывает и удовольствие и вместе польза. От мирских песен может произойти вред, гибель и много других зол, потому что все то, что есть в них дурного и безнравственного, проникая в душу, расслабляет ее и развращает. Напротив, духовные песни доставляют великую пользу, великое назидание, великое освящение и служат руководством ко всякому любомудрию, потому что и слова их очищают душу, и Дух Святой скоро нисходит в душу, поющую эти песни. А что действительно поющие их с разумением призывают на себя благодать Духа, о том, послу-

Печатается по: *Иоанн Златоуст, свт.* Творения. В 12 т. Т. 5. Кн. 1. Беседа на псалом 41. М.: Златоуст, 1995. С. 151 – 154.

шай, как говорит Павел: *не упивайтесь вином, в немже есть блуд: но паче исполняйтесь Духом*, – далее указывает и способ исполнения Духом: *воспевающе и поюще в сердцах ваших Господеви* (Еф. 5. 18 – 19). Что значит: в сердцах ваших? Значит: с разумением, не так, чтобы уста произносили слова, а душа блуждала где-то по внешним предметам, но чтобы душа внимала тому, что произносит язык.

Как туда, где грязь, бегут свиньи, а где цветы и благоухания, там пребывают пчелы, так и туда, где развратные песни, собираются бесы, а где песни духовные, туда нисходит благодать Духа и освящает уста и душу. Говорю это не для того, чтобы вы только хвалили меня, но чтобы вы и детей и жен учили петь такие песни не только при занятии пряжею и при других работах, но особенно за трапезою.

Так как диавол строит козни большею частью во время пиршеств, при помощи упоения, пресыщения, непристойного смеха и душевного расслабления, то особенно тогда, и пред трапезою и после трапезы, нужно защищать себя от него оградою псалмов и, вставши из-за стола, вместе с женою и детьми воспевать Богу священные песни. Если Павел, имея на себе нестерпимые раны, нося на ногах колоду и находясь в темнице, в полночь, когда все покоятся особенно сладким сном, вместе с Сиолом воспевал славословие Богу, и ни место, ни время, ни заботы, ни склонность ко сну, ни утомление от тяжких трудов и ничто другое не принудило его прекратить песнопение, – то тем более мы, наслаждаясь благоденствием и дарами Божиими, должны возносить Богу благодарственные песни, чтобы, если от упоения и пресыщения войдет в нашу душу что-нибудь нечистое и порочное, псалмопением прогнать все нечистые и порочные пожелания. И как многие из богатых, намочив губку бальзамом, вытирают ею столы, чтобы, если останется от кушаньев какое-нибудь пятно, стереть его и сделать стол чистым, так точно будем

*Святитель Иоанн Златоуст.
Икона. XV век. НИМ(С)*

поступать и мы, вместо бальзама наполняя уста духовною мелодией, чтобы, если от пресыщения произойдет в душе какая-нибудь нечистота, смыть ее этою мелодиею, и встав все вместе будем восклицать: *возвеселил мя еси, Господи, в творении Твоем, и в делех руку Твоюю возрадоуюся* (Пс. 91, 5). К псалмопению пусть присоединится и молитва, чтобы вместе с душою нам освятить и самый дом. Подобно тому, как те, которые приводят на пиршества шутов, плясунов и непотребных женщин, призывают туда бесов и дьявола и наполняют свои дома множеством безчинств, – потому что отсюда происходят ссоры, блуд, прелюбодеяние и множество зол, – так те, которые призывают к себе Давида с псалтирью, чрез него призывают к себе Христа. А где Христос, туда ни один бес никогда не осмелится не только войти, но и заглянуть; напротив, мир, любовь и все блага польются туда, как из источников. Те обращают дом свой в зрелище, а ты сделай свое жилище церковью. Подлинно, где псалом, молитва, ликование пророков и боголюбезное настроение духа поющих, – там собрание безошибочно можно назвать церковью. Даже хотя бы ты не разумел силы слов, приучай по крайней мере уста произносить их. И язык освящается этими словами, когда они произносятся с усердием. Если мы приобретем себе такой навык, уже ни по воле, ни по лености никогда не оставь этого прекрасного занятия, потому что навык будет побуждать нас даже помимо воли каждый день совершать это прекрасное служение. При таком песнопении, будет ли кто стар или молод, или с грубым голосом, или совершенно незнаком со стройностью пения, в том не будет никакой вины. Здесь требуется целомудренная душа, бодрый ум, сердце сокрушенное, помысл твердый, совесть чистая. Если с этими качествами ты вступишь в святой хор Божий, то можешь стать наряду с самим Давидом. Здесь не нужно ни псалтири, ни натянутых струн, ни смычка, ни искусства и никаких орудий; но, если захочешь, можешь сделать самого себя псалтирью, умертвив члены плотские и настроив свое тело согласно с душою. Когда плоть не будет *похотствовать на духа* (Гал. 5, 17), но будет повиноваться его велениям и приводить их в исполнение на этом прекрасном и дивном пути, тогда ты составишь духовную мелодию. Здесь не требуется искусство, приобретаемое долговременным упражнением, а нужна только твердая решимость, и мы в самое короткое время приобретем опытность. Для этого не требуется ни особенное место, ни особенное время, но на всяком месте и во всякое время можно петь мысленно. Ходишь ли на торжище, находишься ли в путешествии, сидишь ли в обществе друзей, везде можно возбудить душу, можно звать и молча. Так зывал Моисей, и Бог услышал. Ремесленник

«Благослови, душе моя, Господа...»

ли ты? Сидя в мастерской и занимаясь работой, ты можешь петь. Воин ли ты, или заседаешь в суде? Можно делать то же самое.

Можно петь и без голоса, когда душа внутри издает звуки, потому что мы поем не для людей, но для Бога, Который может слышать сердца и проникать в сокровенную глубину нашей души. Об этом свидетельствует и Павел, когда говорит: *сам Дух ходатайствует о нас вздыханиями неизглаголанными. Испытай же сердца весть, что есть мудрование Духа, яко по Богу ходатайствует о святых* (Рим. 8, 26 – 27). Так он говорит не в том смысле, будто Дух вздыхает, но в том, что духовные мужи, обладающие дарованиями Духа, молясь о ближних и вознося прошения, делают это с сокрушением сердца и вздыханиями. То же будем делать и мы, и каждый день станем обращаться к Богу с псалмопением и молитвами.

«НАГРАДА ДАЕТСЯ НЕ ЗА ДЕЛАНИЕ, НО ЗА СМИРЕНИЕ»

По отношению к ближним смиренный, сознавая свою греховность, считает себя худшим других во всех отношениях, поставляет себя ниже всех, не ищет никаких преимуществ перед другими, не завидует. Почитая других лучшими себя, всех уважает и никого не презирает. Сознавая свои слабости, снисходительнее судит о других, благосклоннее сносит чужие слабости, никого не осуждает, ни на кого не сердится, не питает ненависти. Сознавая свои немощи, тем охотнее помогает немощным и усерднее оказывает другим послушание и услуги. Питает христианскую любовь к людям, при которой удобнее сохраняется взаимное согласие, мир и дружба, а от них главным образом зависит благоденствие в жизни. Как только человек смирится, он будет представлять собой достойный подражания образец многих добродетелей. Напротив, гордость и высшего архангела превратила в страшного демона. И хотя бы кто, как орел, вознесся на высоту добродетелей и между звездами поставил престол своего величия, однако же гордость низвергнет его на дно ада, до крайней степени нравственного унижения¹.

Святые отцы считают смирение одной из самых важных добродетелей, без которой нельзя спастись. «Если увидишь, – говорит святой Макарий Великий, – что кто-нибудь превозносится и надмевается тем, что он – причастник благодати, то хотя бы и знамения творил он, и мертвых воскрешал, но если не признает души своей безчестной и уничиженной и себя нищим по Духу и мерзким, окрадается он злобою и сам не знает того. Если и знамения творит он, – не должно ему верить, потому что признак Христианства – и тому, кто благоискусен пред Богом, стараться таить сие от людей, и если имеет у себя все сокровища царя, скрывать их и говорить всегда: “Не мое это сокровище, другой положил его у меня, а я – нищий; когда положивший захочет, возьмет его у меня”. Если же кто говорит: “Богат я, доволен с меня и того, что приобрел, больше не нужно”, – то таковой не христианин, а сосуд прелести и диавола. Ибо наслаждение Богом ненасыσιμο, и в какой мере вкушает и причащается кто,

Печатается по: *Петр (Екатериновский), еп.* Указание пути к спасению. М.: Сибирская Благовонница, 2008. С. 228 – 232.

¹ См.: Авд. 1, 4.

в такой делается более алчущим. Такие люди имеют горячность и неудержимую любовь к Богу; чем более они стараются преуспевать и приобретать, тем паче признают себя нищими, как во всем скудных и ничего не приобретших. Они говорят: “Недостойн я, чтобы это солнце озаряло меня”»¹.

Таков признак христианства – смирение! Смиранный никогда не падает. Куда и пасть тому, кто ниже всех? Высокомудрие есть великое унижение. А смиренномудрие есть великая высота, честь и достоинство. Обитель или упокоение Святого Духа есть смиренномудрие, любовь, кротость. Человек не получит пользы от других добродетелей, хотя бы и на небе жительствовавал, если будет иметь гордость, которою диавол, Адам и многие другие пали.

Святой авва Дорофей учит, что для спасения прежде всего нужно смиренномудрие². Без него никакая добродетель не может быть совершенна. Смирение и одно может ввести нас в Царство Божие, хотя и медленно, – а без смирения нельзя спастись. Смиренномудрием сокрушаются все стрелы врага. По словам святого Антония Великого, одно только смирение бывает выше всех сетей диавольских и избегает их³. Оно избавляет человека от многих зол и охраняет его от великих искушений. По мере того как человек смиряется, он получает помощь от Бога и преуспевает в добродетели. Если даже диавол подвигнет все хитрости злобы своей со всеми демонами своими, то все коварства его упразднятся и сокрушатся от смирения, по заповеди Христовой.

По слову святого Варсонофия, смирение есть мать всех добродетелей и имеет первенство между добродетелями. Смирение есть сокращенное спасение. Смирение соделывает человека селением

Образ Пресвятой Богородицы
«Призри на смирение»

¹ Макарий (Великий), прп. Духовные беседы. Беседа 16.

² Дорофей авва, прп. Душеполезные поучения к своим ученикам.

³ Добротолюбие. Изд. Св.-Троицкой Сергиевой Лавры, 1993. С. 134.

Бога. Чем более кто нисходит в смирение, тот тем более преуспева-ет в добродетелях. Смирению подаются многие дарования от Бога. В душах смиренных почивает Господь, а в сердце гордых постыдные страсти, ибо ничто так не усиливает их в нас, как гордые помыслы, и ничто так удобно не искореняет этого злого бытия души, как блаженное смирение.

«Пока не смирится человек, – говорит святой Исаак Сирин, – не получает награды за свое делание. Награда дается не за делание, но за смирение»¹. Смирение и без дел многие прегрешения делает простительными. Напротив того, без смирения и дела бесполезны (например, пост, бдение, безмолвие, прочитывание многих молитв и т.п.), даже уготовляют много худого (то есть дают пищу самомне-нию, тщеславию, гордости, которая есть явная погибель). Что соль для всякой пищи, то смирение для всякой добродетели: оно может сокрушить крепость многих грехов. Если приобретем оное, то сдела-ет нас сынами Божиими и без добрых дел представит Богу, потому что без смирения напрасны все наши дела, всякие добродетели и вся-кое делание. «Кто не почитает себя грешником, того молитва не при-емлется Господом»². Бог открывает тайны только смиренномудрым. Как благодать близка к смиренномудрию, так болезненные приклю-чения близки к гордости. Очи Господни на смиренномудрых, чтобы возвеселить их. Лице же Господне против гордых, чтобы смирить их. Смирение всегда приемлет от Бога милость. А жестокосердию и маловерию, происходящим от гордости, сопутствуют страшные события. Умаляй себя во всем перед всеми людьми, и будешь возвы-шен перед князьями века сего. По мере смиренномудрия дается тебе терпение в бедствиях твоих, а по мере терпения облегчается тяжесть скорбей твоих и приемлешь утешение; по мере же утешения твоего увеличивается любовь твоя к Богу, и по мере любви твоей увеличи-вается радость твоя о Святом Духе.

Где произошло грехопадение, там привитала уже гордость, пото-му что падение служит указателем гордости. За гордость Бог часто наказывает попусшением подвергаться большим порокам, например, запойному пьянству, распутству, которые унижают человека до ско-топодобного состояния и поневоле заставляют смиряться. Гордели-вый человек, по слову Лествичника, не будет иметь нужды в демоне, потому что сам для себя стал уже демоном и врагом. Есть двенадцать

¹ Исаак Сирин, *прп.* Путь в жизнь вечную.

² Исаак Сирин, *прп.* Указ соч.

страстей безчестных; если возлюбишь одну из них, именно гордость, то она восполнит собой место прочих одиннадцати. Не постился, не предавался бдению, не возлегал на голой земле, но смирился, и вскоре спас меня Господь. Смирение есть дверь в Царствие Небесное, вводящая приближающихся к оному. Без него никто не взойдет в брачный чертог небесный. Если гордость некоторых ангелов сделала демонами, то смирение, без сомнения, может и демонов сделать ангелами. Подвижники благочестия говорят, что Богу угоднее кающийся грешник и ленивый человек с сокрушенным и смиренным сердцем, нежели гордый праведник, делающий добро с тщеславием.

Святой Златоуст говорит, что величайшие бедствия, удручающие всю вселенную, произошли от гордости, от которой и диавол. Это же сказал апостол Павел: *чтобы не возгордился и не подпал осуждению с диаволом* (1 Тим. 3, 6). Так и первый человек, обольщенный от диавола, пал и сделался смертным, ибо, надеясь быть богом, потерял и то, что имел. За то и Бог, порицая его и как бы издеваясь над его неразумием, сказал: *вот, Адам стал как один из Нас* (Быт. 3, 22). И каждый после Адама, мечтая о своем равенстве с Богом, впадал в нечестие. Поскольку гордость есть верх зол, корень и источник всякого нечестия, то Спаситель и приготовляет смирение как врачевство, соответствующее болезни, полагая этот первый закон как крепкое и безопасное основание. Ибо на этом основании с безопасностью можно созидать все прочее. Когда же не будет этого основания, то, хотя бы кто до небес возвышался своей праведной жизнью, все это легко разрушится и будет иметь худой конец. Хотя бы кто отличался постом, молитвой, милостыней, целомудрием или другой какой добродетелью, все это без смирения погибнет.

МОЖНО ЛИ ВОЗРОДИТЬ ИДЕЮ «ТРЕТЬЕГО РИМА»?

КОНЕЦ КОНЦЕПЦИИ «ОБЩЕГО ДОМА»

Александр Сергеевич Панарин

Вопрос о цивилизационном и политическом самоопределении России сегодня стоит очень остро: никому не ясно, как поведет себя «загадочный гигант» после завершения нынешнего смутного периода. На своих развилках история бывает максимально открытой, отзывающейся на такие субъективные факторы, как воля элит, настроения народа, модные учения времени. Однако логика, диктуемая долгосрочными факторами существования – цивилизационными, геополитическими, экономическими, все же присутствует в истории. Она не

так принудительна, как это представлялось сторонникам «непреложных исторических закономерностей», – ее можно нарушать в угоду сиюминутным интересам или провокациям извне, но, как показывает опыт, довольно мстительна. Между логикой истории и исторической утопией складываются непростые отношения. Логика соответствует суровому «принципу реальности», утопия – заманчивому «принципу удовольствия». В массовом обществе, где ослаблено влияние норм и традиций,

Панарин А. С. (26.12.1940 – 25.09.2003) – русский философ, критик глобализма. Окончил философский факультет МГУ им. М. В. Ломоносова и аспирантуру, достиг значительных высот в научной сфере: доктор исторических наук, заведующий отделением теоретической политологии философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, директор Центра философских исследований Института философии РАН, действительный член 5 академий, в том числе Нью-Йоркской Академии Наук.

А. С. Панарин написал более 250 научных работ, в т.ч. 18 крупных монографий и книг. Наиболее значимые из них: «Политология», «Глобальное политическое прогнозирование», «Православная цивилизация в глобальном мире», «Агенты глобализма» (позднее эта работа целиком вошла в книгу «Искушение глобализмом», за которую учёный удостоился Солженицынской премии) и, наконец, «Стратегическая нестабильность в XXI веке».

Печатается по: *Панарин А.С. Политология. М.: Проспект, 1997.*

«принцип удовольствия» получает непропорционально большое значение, что и объясняет нам злосчастную популярность утопий. Прежде, когда социальная среда была еще достаточно здоровой – поддерживалась нерастратенным духовным капиталом множества предшествующих поколений, – между обещаниями утопии и реваншем реальности пролегла историческая дистанция. Одно-два поколения могли жить в пространстве утопии, не ведая того, что живут на проценты от капитала «Отцов». Но сегодня опустошения духовно-исторической среды так велики, что она реагирует почти незамедлительно: реванш реальности настигает утопистов в апогее их общественно-политической карьеры.

Именно это имеет место сегодня в постлиберальной России. Хотя радикал-либералы все еще находятся у власти, Россия успела стать постлиберальной, распортившись с иллюзиями очередного прогрессистского утопизма. Правящему режиму история бросает вызов, хотя ответить на этот вызов он, по-видимому, не в состоянии: это придется делать народу России. Новейшая история развивается по законам драмы: каждая новая ее фаза представляет собой ответ на крайности и недочеты предыдущей. И чем выраженнее были эти крайности и односторонности, тем более резким – крайним в своей инверсионной логике – будет ответ... Традиционные общества жили в более преемственной политической истории, потому что не знали современного нетерпения масс и меньше соблазнялись иллюзиями. Посттрадиционный человек лишен подобного здравомыслия и потому обречен жить между двумя крайностями: «светлого будущего» и «обескураживающего будущего».

Технократически воспитанное мышление строит свои прогнозы в основном методом экстраполяции. В какой-то мере это оправданно по отношению к технико-экономическим процессам. Но дискурс об истории требует возврата к гуманитарному мышлению, умеющему постигать ее по законам драмы, «вызова и ответа».

Циклы истории – это драматическое чередование крайностей, которые в объективном плане выступают как инверсионные фазы «большого цикла», а в субъективном – как этапы политической биографии народа, зреющего в борьбе с искушениями утопии. Применительно к современной России это можно представить как противостояние утопии европеизма и реальности евразийства.

Все революции в России происходили под знаком «большой утопии». Пора, кажется, задуматься над тем, как формируется поколение, которому не жаль крушить собственное общество, культуру и традицию. Под знаком ожидаемых «частичных улучшений» делать

это невозможно. Требуется утопия, обещающая эпохальный, миропотрясающий скачок. Таким скачком на рубеже 80 – 90-х гг. представлялось возвращение России в «мировую цивилизацию», а точнее – в «Большую Европу».

РОССИЯ И «ПЕРВАЯ ЕВРОПА»

Когда Россия «выходила» из состава СССР и поставила себя в положение «демократического авангарда» в постсоветском пространстве, США обещали ей «стратегическое партнерство». Предполагалось, что смена идентичности не отразится на державном статусе России: бывшая тоталитарная сверхдержава превратится в демократическую сверхдержаву, разделяющую с США все блага и преимущества, связанные с окончанием «холодной войны».

Все акции демонтажа великой военной державы – уничтожение танков и ракет СС-20 (18), разрушение военно-промышленного комплекса, уход из Германии и стран Восточной Европы – были осуществлены под вексель сугубо «идейного» плана – нового мирового порядка.

Наша «западническая» интеллигенция дважды на протяжении XX в. безоглядно расправлялась с прошлым, исходя из предположения, что «главный враг» в собственной стране и необходимо превратить внешнюю войну во внутреннюю, гражданскую («горячую» или «холодную»). В 1917 г. армию, фронт и государство разваливали левые «западники» – радикалы, живущие в ожидании мировой пролетарской революции на Западе. Спустя три четверти века правые «западники»-радикалы проделали то же самое в предвкушении нового мирового порядка, препятствие которому они видели в собственной стране. Иллюзии «нового мирового порядка» и возвращения России в «европейский дом» нашими «партнерами» поддерживались до тех пор, пока Россия и в самом деле не разоружилась в военном и геополитическом отношениях (лишившись большинства союзников). После этого ей было объявлено, что до «европейского дома» она еще явно не созрела, а новый мировой порядок требует не равенства, а гегемонии демократического Запада.

Так, в течение четырех-пяти лет возникло необычайно острое противоречие между «западнической» утопией правящего режима и реальностью.

По сути, это явилось не меньшим ударом для сегодняшних правящих «западников», чем крах надежд на «мировую пролетарскую революцию» для большевиков. Большевикам в ответ на это пришлось создавать новую концепцию «строительства социализма в одной стране»

и произвести акцию самоочищения от утопистов «перманентной революции». Какая реакция последует теперь у наших правящих «западников»?

Одна из попыток, соответствующая «реакции отрезвления», представлена в концепции «второй Европы». Как пишет один из разработчиков этой концепции, «мы понимаем под “второй Европой” западные европейские или евразийские страны... Теоретически “вторая Европа” – это второй эшелон европейского развития. Введением концепта “вторая Европа” достигается отказ от рассмотрения проблем России и других посткоммунистических стран только как посткоммунистических следствий. Сам коммунизм является модернизационной идеологией стран второго эшелона развития. Он появляется в этих странах в связи с одновременной близостью (тяготением) к Западной Европе и отсталостью, не дающей им шанса преодолеть разрыв»¹.

Здесь необходим ряд поправок.

Во-первых, концепция «второй Европы», воспринимаемой в роли послушного адепта «первой Европы», игнорирует проблемы цивилизационной идентичности, приобретающие сегодня столь большую важность. Только теоретики, крайне не чувствительные к вопросам цивилизационного многообразия мира и воспринимающие историческую эволюцию как «культурно нейтральный», униформистский прогресс, могут мыслить дихотомией «центр – периферия». Чем крупнее размер страны и выше ее международные и исторические амбиции, чем острее ощущение специфической идентичности ее народа, тем меньше оснований надеяться, что он удовлетворится ученической ролью и периферийным статусом своего государства. Думается, мы живем в знаменательной фазе мировой истории, когда время пассивных вестернизаций заканчивается. Возможно, что соответствующая попытка российских «западников» начала 90-х годов – последняя в этом роде.

В эпоху активизации диалога мировых культур и пробудившегося цивилизационного самосознания народов модернизации смогут осуществляться уже только в стиле межкультурного диалога, а не попыток механического переноса западных учреждений на почву других культур. Этому новому периоду «западники» – адепты и знатоки европейского опыта – также понадобятся. Но это будут уже другие «западники», умеющие мыслить и работать в духе сравнительной методологии и культурного диалога, когда просветительский мессианизм сменяется уважительным партнерством. Западу нашей эпохи

¹ Федотова В. Г. Судьба России в зеркале методологии // Вопросы философии. 1996. № 3. С. 26, 27.

предстоит разрешить одно из главных противоречий своей культуры, которая провозглашает политический плюрализм как внутреннюю ценность, но не терпит плюрализма вовне, подстегивая планетарную вестернизацию.

Во-вторых, концепция «второй Европы» предполагает соответствующую открытость первой – готовность расширять свой состав и раскрывать объятия вновь прибывающим (по мере их экономического и политического созревания). <...>

В этом же духе эволюционирует иммиграционное законодательство ведущих европейских стран, в первую очередь объединенной Германии. Под вопрос ставится главная ценность, когда-то подаренная Западом миру: идея общечеловеческого прогресса, одной-единой светлой перспективы.

В этих условиях ожидать со стороны других народов актуализации ценностей вестернизации, как это предполагает концепция «второй Европы», у нас все меньше оснований. Применительно к России это тем более справедливо. Запад, судя по всему, готовит ей перспективу не «второй Европы», а «третьего мира». В России идет, всячески подталкиваемый и поощряемый извне, процесс деиндустриализации – свертывание перерабатывающей промышленности и наукоемких отраслей (с сопутствующей образовательной и социокультурной инфраструктурой). Открывается путь превращения в мирового поставщика сырья и энергоресурсов. Это уже не европеизация, а деевропеизация! Кажется, эта перспектива принята нашей правящей элитой в виде «логики международного разделения труда». Такова судьба угодливого «западничества»: адепты лишены творческой воли и потому обречены соглашаться сначала на вторые, а затем и на третьи роли... Социокультурный парадокс модернизации состоит в том, что она требует воли, питаемой идентичностью, а вестернизация подрывает источники этой воли, деформируя нормы и ослабляя идентичность.

Статус России между «первым» и «третьим» мирами нельзя понимать в духе экономикоцентричного фатализма. Статус – это малодоступное технократической рассудочности социокультурное понятие, охватывающее события в сфере духа. Сохраняющий свою идентичность Китай в цивилизационном смысле дальше от Европы, чем Россия. Но у него несравненно больше шансов на творческую реализацию «европейской идеи» (идеи развития), чем у деморализованной России.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ПАРАДОКС РОССИИ: ОПАСНОСТЬ ПАНСЛАВИЗМА

Сегодня Россия в своих отношениях с Западом переживает примерно ту же фазу развития, какую переживала она после Крымской войны, итоги которой на цивилизационном и геополитическом уровне были глубоко проанализированы Н. Я. Данилевским. Он показал, что Россию допускают к участию в европейских делах лишь на той стадии, когда Европа расколота и ей изнутри угрожают гегемонистские притязания (Карл I, Фридрих Великий, Наполеон, Гитлер). Напротив, когда Европа чувствует себя объединенной и стабилизировавшейся, наступает период открыто антирусской политики. Сегодня Западная Европа едина, как никогда, и именно поэтому, как никогда, солидарна в своем цивилизационном неприятии России. Евроцентризм, склонный отождествлять западную цивилизацию с общечеловеческой, а прогресс со всемирной вестернизацией, издавна видит в России главную преграду на пути прогресса. Россия при этом выступает как досаднейший казус истории: «не только гигантски лишний, громадный исторический плеоназм, но даже положительное, весьма трудно преодолимое препятствие к развитию и распространению настоящей общечеловеческой, т.е. европейской, или германо-романской цивилизации. С такой точки зрения становится понятным (и не только понятным, а в некотором смысле законным и, пожалуй, благородным) сочувствие и стремление ко всему, что клонится к ослаблению русского начала по окраинам России, – к обособлению (даже насильственному) разных краев, в которых, кроме русского, существуют какие бы то ни было инородческие элементы, к покровительству, к усилению (даже искусственному) этих элементов и к доставлению им привилегированного положения в ущерб русскому»¹.

Здесь Данилевский не менее прозорливо раскрыл будущую политику «западнического» радикал-либерализма в России, чем Достоевский в «Бесах» и в «Братьях Карамазовых» – политику левого радикал-революционаризма. Указал Данилевский и на готовность Запада разыграть против России «мусульманскую» карту, используя, в частности, великодержавные притязания Турции. Данилевский предложил свою версию ответа на этот опаснейший вызов – объединение славянских государств как альтернативу объединенной Западной Европе.

Ориентация на этот проект означает предположение, что фаза вестернизации Восточной Европы (состоящей в основном из славянских

¹ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 64.

государств) является временной и вскорости сменится инверсионной фазой особой славянской идентичности. И чем активнее Западная Европа будет эксплуатировать мусульманский фактор (как это имеет место и в отношении Югославии и в отношении России), тем скорее может вызреть альтернативная «западничеству» общеславянская идентичность. Не следует забывать, что постсоциалистическая Восточная Европа сегодня является не полноценным членом «европейской семьи», а маргиналом Запада, «второй», низшей по сорту Европой.

Сегодня политический процесс в этой «второй Европе» в целом соответствует инверсионной посттоталитарной фазе: питается реакцией на советский гегемонизм, отождествляемый с «русским империализмом». Но когда эта фаза завершится военной интеграцией в НАТО и страх перед Россией исчезнет, тогда-то может наступить встречное открытие восточноевропейской самобытности, связанной с этническими (славянство), конфессиональными (Православие), а также геополитическими и экономическими особенностями этого региона.

Сейчас все поставлено на карту европейской интеграции, но является ли эта карта безпроигрышной? Одно дело – мыслить европейскую интеграцию как простое расширение системы атлантизма, другое – предположить, что пространственное расширение Запада за счет Восточной Европы неминуемо повлечет за собой ослабление атлантизма и возможность новой дифференциации Европы на Западную (атлантическую) и Центральную во главе с объединенной Германией. Геополитическая интуиция подсказывает, что раскол постсоциалистического пространства чреват симметричной реакцией на Западе – расколом атлантического пространства. Тоталитарный СССР способствовал сплочению Запада, распад его не может не усиливать процессы дифференциации между США и Западной Европой, а также между атлантическим и центральноевропейским Западом.

Сегодня официальная российская политика носит несамостоятельный характер: она является такой же «проамериканской», какой была политика побежденных во второй мировой войне Западной Германии и Японии.

Между объективными долгосрочными интересами России, связанными с возрастающей самостоятельностью Западной Европы по отношению к Америке или самостоятельностью стран Восточной Европы по отношению к Западной, и ее современной политикой «младшего партнера» и порученца США имеется несомненное противоречие. Это противоречие со временем может разрешиться либо на путях экспансии России на Запад, под знаменем панславизма, либо на путях евра-

зийской политики. Главное – это понять, что нынешний капитулянтско-изоляционистский путь России, отступающей с западных, южных и восточных границ, сжимающейся в виде «острова», – сугубо временное явление.

Россия – не этническое «государство русских», а особая цивилизация, обладающая своим суперэтническим потенциалом и соответствующим набором геополитических идей. Одна из таких идей, издавна вынашиваемая в недрах консервативного политического спектра, – византийско-православной сверхдержавы. Это – не «вторая Европа», а «Третий Рим» – наследник Византии. Когда сама память об идеологических столкновениях «классового» типа отойдет в прошлое, уступая место цивилизационно-конфессиональным способам идентичности, идея православной цивилизации может ожить в Европе. Упреждая такую возможность, активизировались миссионеры униатского типа на Украине и в Белоруссии, протестантско-евангелического – в самой России.

Путь России в Европу возможен, но совсем не в том качестве, которое предполагают наши благонамеренные «западники». Если иметь в виду не нынешнюю капитулировавшую и деморализованную Россию, а Россию в привычном качестве великой, обладающей вселенскими амбициями страны, то это будет неминуемо путь геополитического реванша под знаком славяно-православного мессианизма. Здесь кроется настоящий парадокс истории. Те, кто категорически настаивают на вхождении России в Европу, проповедуют «путь на Запад», еще не знают, что Россия не может пойти туда в качестве второй, зависимой и подражающей Европы. Для того чтобы стать общенациональным вдохновительным проектом, этот путь должен обрести давно вынашиваемую «константинопольскую» ориентацию России как «Третьего», восточного Рима. Нет сомнений, что это путь тотальной конфронтации: с Западом и с мусульманским миром одновременно. Не либерально-пацифистские ожидания реализуются здесь, а скорее эсхатологические.

Исключить такой путь вовсе нельзя. Его можно очертить в жанре предостерегающего знания: как одну из тех возможностей истории, которую желательно предотвратить...

В самом деле, какие события делают этот путь вероятным? В первую очередь те, которые вписываются в парадигму С. Хантингтона – грядущего «столкновения цивилизаций». Если в мире будет непрерывно усиливаться политизация мировых религий и насаждаться соответствующий тип идентичности, то пророчество Хантингтона

о неизбежном распаде государств, включающих разные цивилизационные регионы, может сбыться. И тогда сработает логика вызова и ответа: в ответ на крайнюю политизацию ислама, ставшего, с подачи Запада, антирусской и анти-славянской силой, может произойти политизация Православия. Россия, обрубившая свои мусульманские анклавы, приведенная в состояние крайней возбужденности от мусульманского фундаментализма сепаратистского толка, может взять на вооружение православный фундаментализм и модель православной теократии. Такого рода теократия не может не ориентироваться на Балканы и на Константинополь, т.е. на превращение «второй Европы» в альтернативный Западу православный «третий Рим». Не будем забывать, что идеократические модели являются едва ли не единственным способом ускоренной социализации маргиналов, которые успели стать массовым продуктом постсоветских реформ на огромном пространстве мира. Превратить маргиналов в благонамеренный средний класс – долгий и проблематичный путь. А вот конвертировать их асоциальную энергетику в неистовый политический фанатизм сторонников новейшего мессианского учения – путь несравненно более быстрый. Не исключено, что данный путь может вдохновить не одних только маргиналов и люмпенов. Последние в социологическом плане могут рассматриваться как разновидность «доэкономического человека». Но наряду с ним заявляет о себе другой всемирно-исторический тип – «постэкономический человек». Его мотивации уже не сосредоточены вокруг показателей уровня жизни, его все больше мучает духовная жажда. Нельзя исключать такого поворота истории, когда эта жажда «постэкономического человека» на время совпадет с иррациональными томлениями «доэкономического человека», что способно вызвать резонанс катастрофической силы.

Надо сказать, что сегодня политика Запада, категорически противящегося реинтеграции постсоветского пространства и одновременно разыгрывающего «мусульманскую карту» против России и южного славянства, прямо толкает новейшую политическую историю на этот глобально конфронтационный путь. Такая стратегия оправдана (и то лишь в среднесрочной перспективе) при одном допущении: что русский народ окончательно утратил свою пассионарность и ему нечем ответить на геополитическую безцеремонность Запада и фанатизм мусульманского Востока.

Вероятно, что такой диагноз преждевремен и слухи о смерти России «сильно преувеличены». Утрата пассионарности – не природный феномен, а факт определенного периода истории, точнее – определен-

ной фазы исторического цикла. Ценностная неангажированность и аллегория на «большие идеи» – естественная реакция на идеологическую одержимость тоталитарных режимов. Однако прозябание вне ценностного смысла, декаданс со всеми его приметам – имморализмом, коррупцией, гнетущей скукой бытия – этой агрессией пустоты, способны вызвать не менее острую массовую реакцию в следующей, инверсионной фазе цикла. Добавьте к этому оскорбленное патриотическое чувство, питаемое безцеремонностью победителей в «холодной» войне, экономическое обнищание, повсеместное нарушение принципов социальной справедливости. Новая фаза идеократического подъема в значительной мере уже подготовлена. И наша задача в данном случае избежать ее наиболее экстремистских и разрушительных проявлений! Альтернатива есть. Она связана с евразийской идеей. Парадокс этой идеи состоит в том, что, выступая как более жесткая в отношении Запада, связанная с консервативной традицией российских «государственников», она в то же время предотвращает столкновение России с Западом, ориентируя ее на Восток, в привычную цивилизационную нишу. Европейско-просветительская традиция России при этом не отбрасывается, а, напротив, усиливается, так как не требует «византийской» ревизии.

«ВОЗВРАЩЕНИЕ В ЦИВИЛИЗАЦИЮ» КАК ПУТЬ НА ВОСТОК

Выше был отмечен парадокс пути на Запад: для России он чреват не вхождением в «первую», благополучную Европу, не укреплением светского, либерального и деидеологизированного режима, а формированием православной теократии и альтернативной Западу «восточноримской», или «византийской», Европы.

Путь на Восток, в Евразию не менее парадоксален, но в данном случае имеется продуктивная парадоксальность мощного созидательного плана. Для России подтвердить свое ответственное присутствие в Евразии как стягивающего, интегрирующего и консолидирующего центра – значит посрамить варварский прогноз Хантингтона и доказать, что конфессионально разнородные регионы (в данном случае – славяно-православный и тюрко-мусульманский) могут образовать устойчивые цивилизационно-федеративные образования в качестве основы прочной, созидательной государственности.

В силу привычки во всем поддакивать авторам модных западных теорий, российские интеллектуалы не заметили, какое отступление культуры, какое забвение великих заветов Просвещения знаменует

собой концепция «столкновения цивилизаций». То отождествление этнического и конфессионального начал, которое заложено в концепции С. Хантингтона, означает не что иное, как возврат к трайбализму, к «доосевому» времени племенных религий и племенных конфликтов. Мы, жители великой Евразии, на протяжении тысячи лет осваивали систему общежития, основанную на суперэтнических и межконфессиональных универсалиях, имеющих повседневную экзистенциальную значимость – верифицируемых в совместном освоении трудных пространств, в различных видах хозяйственной кооперации, в обороне единого Отечества. Мы явочным порядком освоили межэтническую модель, затем концептуально оформленную и осмысленную европейским Просвещением. Это – религиозная и этническая терпимость, преобладание «культуры-проекта» (совместного) над разъединяющей «культурой-памятью», умение актуализировать в сознании смыслы, относящиеся к совместной созидательной деятельности, и вынести за скобки, в тень приватно-сокровенного (неприкасаемого) конфессиональную и этническую специфичность. <...>

В России – Евразии этот синтез в своих внешних границах, как правило, совпадал с государственным, но никогда к нему не сводился. Ключевский отмечал, что история Российского Государства – это история колониального освоения пространств, а вехи ее – это стоянки, временные рубежи процесса освоения территорий. Если продвижение России на Запад носило собственно государственно-политический характер и было связано с внешними войнами, то продвижение на Восток обрело цивилизационный характер. Колонисты-первопроходцы не были «охотниками за скальпами», не насаждали заранее заданный («доктринально чистый») уклад, а ассимилировали и ассимилировались одновременно – как истинные «плюралисты» и мастера межкультурного диалога. В этом – великий парадокс российской цивилизации: она не знала партийно-политического плюрализма западного толка, но плюрализм социокультурный, связанный с терпимостью и сохранением этнического и конфессионального многообразия, образов жизни и укладов, ей был свойствен изначально. Большевизм в значительной мере извратил эту великую традицию, что и породило современные центробежные тенденции. Племенной сепаратизм, выдаваемый ныне за «столкновение цивилизаций», – это плата за насильственную большевистскую унификацию, за нарушение принципов социокультурного плюрализма. С одной стороны, большевики осуществили «рационализацию» окраин, придав им обременительную, обставленную ложными атрибутами фикцию политической суверенности («право

на самоопределение вплоть до отделения»). С другой – подавили этническое своеобразие там, где оно было законным и вписывалось в цивилизационную парадигму в форме культурной автономии.

Сегодня Запад взял на вооружение двойной стандарт: политическая философия этноцентризма и этносуверенитетов категорически запрещены в Европе, но всячески поощряются в постсоветском пространстве. Там – принцип единых политических наций, объединяющих людей различной этнической и конфессиональной (католики, протестанты, иудаисты, мусульмане и т.д.) принадлежности. Здесь – «допросвещенческий» принцип этноконфессиональных размежеваний и этнократически организованных государств.

Вот еще один парадокс новейшей российской политической истории. Россия не может выжить и возродиться как великое государство, не подтвердив, не снабдив новыми, убедительными для современного поколения аргументами, великий принцип европейского Просвещения: принцип суперэтнических универсалий. Ее призвание – отвергнуть двойные стандарты, разоблачить и преодолеть новейшую ересь проповедников «конфликта цивилизаций», подтвердить свою способность к суперэтническим и межконфессиональным синтезам – к цивилизационной, внесиловой сборке (интеграции) распадающегося и варваризирующегося евразийского пространства.

Здесь завязывается большая политическая драма. Дело в том, что на Западе фактически сложился внешнеполитический консенсус, связанный с категорическим неприятием реинтеграционного процесса в постсоветском пространстве.

За любыми проявлениями этого процесса видят «русский империализм». Здесь опять-таки проявляется двойной стандарт: интеграционные процессы в западном пространстве признаются неизбежными, соответствующими экономическим и политическим императивам нашей эпохи; в восточном, постсоветском и постсоциалистическом пространстве они категорически осуждаются и блокируются. Между тем в этом пространстве, где этносуверенитеты, как правило, оказались чреватými провалами в варварство, на наших глазах складывается общенациональный (или межнациональный) консенсус относительно необходимости реинтеграции. То, что этот консенсус не переводится еще на язык государственных и межгосударственных решений, – вина соответствующих политических элит, которым уготовлено неизбежное банкротство.

Если народная воля к реинтеграции действительно созрела, она рано или поздно найдет политическую форму своей реализации.

Ставки здесь нешуточные. Сегодня всем уже ясно, что без реинтеграции, без образования единого постсоветского рынка вся обрабатывающая промышленность – поле приложения наиболее квалифицированной рабочей силы – обречена на вымирание по причине своей неконкурентоспособности на рынках дальнего зарубежья.

Следовательно, налицо жесткая историческая дилемма: либо сохранение сложившегося цивилизационного (не в хантингтоновском, а в «просвещенческом» смысле) потенциала на основе воссозданного единого экономического пространства, либо совместный провал в «третий» и даже «четвертый» мир и превращение большинства населения Евразии в маргиналов и люмпенов, во «внутренний и внешний пролетариат» – этот антипод цивилизации.

Таким образом, возник величайший, чреватый трагизмом парадокс истории: России предстоит отстаивать свое право быть Европой в борьбе с «первой» Европой, не только отказывающей ей в этом, но и прямо блокирующей великое созидательно-восстановительное дело, связанное с предотвращением тотальной маргинализации нашего евроазиатского континента.

Евразия, в определенном смысле, – это «третья Европа», отличающаяся от «второй», Восточной, Европы тем, что она не может быть организована на началах «западнического» эпитонства, а требует самостоятельного цивилизационного творчества, связанного с особенностями евразийских (в первую очередь, славяно-тюркских) синтезов. Эпитоны здесь явно не годятся, о чем убедительно свидетельствует банкротство нынешнего «западнического» режима в России, не породившего ни одного яркого государственного характера, не имеющего в своем активе ни одного масштабного политического и экономического успеха.

Создатели русской идеи прекрасно осознавали цивилизационную специфику России и ее историческое призвание, назвав ее «Третьим Римом». Россия – Рим, сохраняющий великие интенции европейской цивилизации с ее прометеевым духом, с ее творческим беспокойством, обращенностью не в прошлое, а в будущее. Но она – особый «Третий Рим», умеющий творчески распорядиться специфическим евразийским наследием, и творчески освоить опыт двух «предыдущих Римов». Вероятно, русская идея, в отличие от идей эпитонствующего «западничества», содержит особый тип откровения, обращенный к опыту современности, включая продуктивную критику современности. Наши «западники» целиком погружены в дихотомию «традиционализм – модернизм» (современность) и приписывают все изъяны, все недочеты исторического развития сопротивлению цепляющегося за жизнь тра-

диционализма. Этим «плагиаторам модерна» неведомо, что современность требует не менее критического (самокритического отношения), что модернизм может порождать не менее масштабные и трагические проблемы, чем пресловутый традиционализм. В конечном счете, коммунистический тоталитаризм – дитя модерна, плод утрированного, не признающего никаких резонансов преобразовательного активизма, следующего принцип, о котором уже говорилось: «знание – власть» (Ф. Бекон), и отвергающего знание – мудрость.

Не успели мы справиться с одной болезнью модернизма, как оказались подвержены другой: декадансу тотального безволия, отсутствия вдохновительных ценностей и урезонивающих норм, разнузданного нигилизма и коррупции. Приписать и эти изъяны традиционному духу – значит ничего не смыслить в метафизике традиционализма. Перечисленные приметы декаданса – не результат традиционной «темноты» и невежества, ибо традиционализм – это «невежество», организованное нормой и традицией, ориентированное на культурную память и в этом качестве «невежеством» не являющееся. Не надо путать культуру с образованностью: бывает культура без образованности и образованность без культуры. Последнее как раз и характеризует эпохи декаданса: здесь нередко царит многознание, не знающее своего применения, лишённое нравственной воли – организующего идеала.

Молодая, едва обретшая государственную самостоятельность после монгольского ига Россия впервые столкнулась с декадансом в лице Византии – своей материнской культуры. Декаданс последней не мог восприниматься как нечто сугубо внешнее – он изначально был пережит как собственная возможность, как злоключение родственной цивилизации. Именно тогда Россия научилась критическому отношению к модерну, способному деградировать в повальный имморализм и скептицизм. Русская идея – это идея бытия, организованного вокруг идеала и получающего благодаря этому высокий духовный тонус – «ценностную пассионарность». Наш новейший посттоталитарный опыт дает нам веские основания для критики модерна – не с позиций традиционализма, а с позиций нетленных нравственно-религиозных норм, высокой духовности. Нынешняя Россия больна не традиционализмом – она сегодня наименее традиционалистская из всех стран, принадлежащих к «первой», «второй» и «третьей» Европе. Она поражена изъянами постмодерна – предельной релятивацией всех норм, отсутствием надежных процедур, посредством которых культуре предъявляются достаточно убедительные различия Добра и Зла, Прекрасного и Безобразного, высокого воодушевления и тупого фанатизма.

Речь идет о Просвещении, вырождающемся в декаданс. Вопрос о том, как преодолеть декаданс, сохранив и умножив Просвещение? Эта проблема и решалась в русле русской идеи.

Посттоталитарная Россия как «третья Европа» воспроизводит свою исконную ситуацию «Третьего Рима» – ситуацию народа, которому предстоит отбить натиск декаданса, сохранив Просвещение.

В начале русской истории эта ситуация сложилась в ходе цивилизационной встречи России с Византией – Римом, который нес декаданс в «упаковке» Просвещения. Сегодня аналогичная ситуация складывается в ходе новейшей (посттоталитарной) встречи с Западом. Запад провозгласил себя генератором всемирного модернизационного процесса в тот самый момент, когда его культура поражена релятивизмом постмодерна. Поэтому перед культурами, выступающими в роли «рецепиентов», возникает опасность освоить постмодерн прежде модерна, по-своему рафинированную критику самоуверенного Логоса – прежде самого Логоса. Справиться с задачами новейшей модернизации, не впадая в саморазрушительный скепсис постмодерна, – это и означает отстоять идеал европеизма (Просвещения) порою и в противоборстве с самой «первой Европой», то отказывающей России в праве на современность, то дискредитирующей современность в целом с позиций постмодерна.

Дистанцирование от Запада, экспортирующего деморализующий постмодерн прежде модерна, предполагает, естественно, путь на Восток – не экзотический Восток теократий и мусульманского фундаментализма, а новый, тихоокеанский Восток, доказавший свою способность овладевать Просвещением, не впадая в декаданс.

Аналогичный прием был использован в ходе неоконсервативной волны в США, деятели которой всеми силами осуществляли сдвиг центра общественно-политической жизни своей страны с охваченного декадансом атлантического побережья на сохранившее здоровые консервативные основы западное, тихоокеанское побережье. Аналогичный сдвиг явно назрел в России и имеет то же самое значение: преодоления соблазнов эпигонствующего европеизма, питающегося тлетворным воздухом западного декаданса, но не способного к действительно продуктивным заимствованиям.

ЧТО НАС ЖДЕТ НА ВОСТОКЕ?

Евразийская идентичность России представляет единственно надежную цивилизационную альтернативу крайностям теократического панславизма, способного столкнуть нас и с Западом, и с мусульманским

миром одновременно. Этот путь означает, что Россия подтверждает свое назначение – быть государством-цивилизацией (а не государством-островом, лишенным собственной цивилизационной ниши и обреченным на ретроградный изоляционизм). Консолидируясь как сверхдержава в своем традиционном цивилизационном ареале, Россия не бросает вызов (как в панславистском варианте) законным интересам Запада, не вторгается в давно освоенную им экологическую нишу. Нет сомнений, что, подтверждая свои права и статус в качестве субъекта реинтеграционных процессов в постсоветском пространстве, она будет сталкиваться с сопротивлением Запада. Но это будет не то законное сопротивление, которое связано с защитой жизненно важных интересов, а сопротивление самоуверенного гегемонизма, которому в самом деле необходимо дать отпор и шантажу которого российская государственная элита не имеет права поддаваться.

Евразийская идентичность России – единственное средство мобилизации национального (не в этническом, а в политическом смысле) духа, что необходимо для цивилизованного освоения огромных пространств русского Севера, Восточной Сибири и Дальнего Востока. Если такой мобилизации еще при жизни нынешнего поколения не произойдет, а российская правящая элита по-прежнему будет цепляться за химеру «общеевропейского дома», упуская ради нее действительно национальное дело в Евразии, то может последовать цивилизационная катастрофа на нашем континенте, связанная с ломкой его идентичности под влиянием натиска тихоокеанского региона. Об этом предупреждал еще Д. И. Менделеев, основываясь на опыте русско-японской войны 1904 г. «Необходимость же недалеко предстоящего напора на нас с разных сторон видна, по мне, уже из того, что у нас на каждого жителя... приходится в два раза более земли, чем для всего остального человечества... если же принять во внимание лишь наших непосредственных соседей, то еще в большей пропорции... Войны же (как и переселения) ведут прежде всего из-за обладания землей, т.е. чаще всего сообразно с теснотой населения. Так ветер идет из мест большего давления в места с меньшим давлением... Поэтому-то нам загодя надо, во-первых, устраивать так свои недостатки и все внутренние порядки, всю частную жизнь, чтобы размножаться быстрее своих соседей и всего человечества, а во-вторых, нам необходимо помимо всего быть начеку, не расплываться в миролюбии, быть готовыми встретить внешний напор, т.е. быть страшною, быстро возвышающей свои недостатки всемерно (как земледельцы, как промышленники и как торговцы), пользующеюся богатствами и условиями своей земли, блюдущею внутренний

свой порядок и внешний мир...»¹. Сегодня, подводя итоги трагического для нас XX века, поражаешься тому опустошению, какое произвел большевистский эксперимент в самой сердцевине нашей цивилизации. Технократически ориентированные революционеры-модернизаторы создавали мир Машины, опустошая мир Человека. Если бы не произведенная ими «национализация» семьи, женщин (посланных работать фактически бесплатно) и молодежи, превращенных в придаток индустрии, не говоря уже о бесчисленных жертвах большевистского геноцида, население страны к концу века могло бы составить не менее 600 – 650 млн человек – надежная база для культивации бесчисленных пространств Евразии.

Большевизм превратил нашу Евразию из «пространства человека» в пространство индустрии, которая, в отличие от человека, имеет свойство морально устаревать, превращаясь в металлический лом и хлам, – что сегодня с нею и произошло. Надо сказать, демографический критерий является одним из самых надежных показателей действительных социальных результатов проводимых реформ. Количество и качество человеческой основы цивилизации – вот самое главное. С этой точки зрения приходится признать, что нынешняя реформа – это второй после большевистского обвал в человеческом измерении цивилизации. Депопуляция плюс катастрофическое ухудшение образовательных, культурных и нравственных показателей – вот результаты, которые нельзя прикрыть никакими ухищрениями болтливой политической гуманитаристики, хвастающейся «свободой слова» как решающим достижением.

Надо прямо сказать: демократия тогда имеет шанс стать общенациональной ценностью, когда она менее декоративна – способна верифицироваться в опыте массовой хозяйственной, политической и социокультурной самостоятельности. Если же она тестируется лишь в опыте богемствующей журналистики, празднующей освобождение от цензуры (в основном, сексуальной), то ее апологетика означала бы опасную подмену ценностей.

Демократия в определенных условиях (российские сегодня именно таковы) представляет собой консервативное, а не либерально-эмансипаторское дело. Если понимать демократию не в сугубо отрицательном смысле – как снятие определенных внешних ограничений, а в позитивном – как создание условий для неподопечного самостоятельного существования, что и предусматривается европейским понятием гражд-

¹ Менделеев Д. И. Заветные мысли. М., 1995. С. 216, 217.

данского общества, то демократия выступает как сочетание свободной соревновательности с самодисциплиной. Диалектика здесь жесткая: либо самодисциплина в ее экономическом, социокультурном и государственно-политическом (относящимся и к делу обороны) измерениях, либо дисциплина, навязываемая извне, в форме «неоавторитаризма». Следовательно, главной гарантией от различных разновидностей авторитаризма и диктатуры является готовность к самодисциплине, что связано с особым типом менталитета, близким к протестантской аскезе. Различные мировые цивилизации вырабатывали свои технологии очищения человеческого духа от скверны безответственности и нигилистического своеволия. Выработаны они и в Православии, и в мусульманстве. Проблема, по-видимому, состоит в том, чтобы не отвергать, не дискредитировать этот великий духовный опыт, а попытаться «конвертировать» его в современные формы социально ответственного поведения. Никакая продуктивная экономика невозможна без такого поведения и никакие внешние, институциональные формы не дадут соответствующих гарантий вне этой интимной духовной основы, относящейся к нравственной инфраструктуре цивилизации. Не рынок сам по себе создает продуктивную экономику – он может, как показывает опыт нынешней экономической реформы, в изобилии порождать криминальную среду менял и спекулянтов, а только рынок как система партнерского обмена, базирующаяся на определенном социокультурном, ценностном базисе.

Важно отметить главное: в процессе выстраивания евразийской идентичности, предполагающем усиленное внимание к благоустройству Восточной Сибири и Дальнего Востока, России предстоит «встреча» с тихоокеанской (конфуцианско-буддийской) цивилизацией, сохранившей традиционную аскезу и мобилизованную на эту религиозно-нравственную основу. Ответить на ее вызов и вступить с нею в достойный, взаимообогащающий диалог при воцарившемся у нас климате криминально-богемной «раскованности» – безнадежное дело. Если западные «постмодернисты» нас здесь кое-как еще «поймут» (хотя на уважение рассчитывать не приходится), то при встрече с народами тихоокеанского региона необходим совершенно другой уровень внутренней мобилизованности. Крайне необходим он и для того, чтобы не откладывая решать неотложные, указанные еще Менделеевым, задачи по укреплению «человеческого фактора» российской цивилизации. Богемствующие, пораженные недугом декаданса нации физически вырождаются. Об этом свидетельствует опыт всех «сумеречных» эпох, в том числе – довоенной Франции.

Для надежного демографического воспроизводства, как и для воспроизводства промышленно-экономического, необходим определенный минимум аскезы. Многодетных семей не бывает в обществах или сословиях, представители которых боятся тягот повседневности и не верят в будущее.

Высокая рождаемость – это инвестиции в человеческий капитал, главный вид богатства. Экономическая инфляция, подтачивающая сбережения, и моральная, подтачивающая дух, нормы и ценности, равным образом исключают эффективность таких инвестиций. А сегодня они сверхнеобходимы ввиду задач, ждущих Россию на Востоке.

Численность нашего населения за Байкалом – всего около 10 млн. Между тем население соседнего Китая превысило 1,2 млрд человек. Пахотный клин в расчете на душу населения в этой стране в 9,5 раза меньше, чем в бывшем СССР. Сложилась ситуация беспрецедентной встречи перенаселенного цивилизационного региона, имеющего сотни миллионов свободных и энергичных рук, и нашего, отличающегося огромными природными богатствами и демографическим вакуумом. На долю Сибири приходится 80 процентов всех разведанных запасов угля (свыше 160 млрд тонн), 7,1 млрд тонн железных руд, 98,5 млн тонн марганцевых, свыше 41 млрд куб. м древесины¹. Вне человеческого приложения все эти богатства лежат мертвым грузом. В мире, по-видимому, зреет «казак» на освоение этого неиспользованного или бездарно разбазариваемого богатства и число соответствующих претендентов, ждущих своего часа, растет. «Омертвление» огромных пространств Сибири и Дальнего Востока связано не только с демографическим вакуумом, но и с фактической недоступностью коммуникаций. Население страны все быстрее утрачивает сознание единой нации в силу того, что стоимость проезда из сибирских и дальневосточных глубин в европейский центр стала не по карману громадному большинству людей. Феномен этот, несомненно, не является чисто экономическим; за ним стоит дефицит политической воли, способной обеспечивать единство страны, и ложная система приоритетов правящего «западничества».

Характерно, что мобилизовать технический потенциал цивилизации и выстроить технократические приоритеты можно и без преодоления декаданса. Но мобилизовать человеческий потенциал на декадентской основе невозможно в принципе. И когда социологическая и экономическая теория утверждает, что основным богатством постиндустриальных обществ становится человек, отдают ли они себе при

¹ Деловая Сибирь. 1995. № 17.

этом отчет в том, что тем самым предполагается и новое усиление ценностно-нормативных начал, новый уровень духовной мобилизации?

Именно за счет этого тихоокеанский регион вырвался вперед, опередив Атлантику; при равном с последней уровнях образования, квалификации и инвестиций, он имеет значительно более высокую отдачу за счет статистически неизмеримых факторов социокультурного плана. Если бы прогресс в современном мире в самом деле измерялся вестернизацией, то регионы, более близкие Западу в социокультурном и территориальном отношениях (Восточная Европа, затем Россия), должны были бы опережать те, что по обоим названным критериям больше удалены от него. На деле произошло обратное; рост – на Дальнем Западе и на Дальнем Востоке, при впадине посредине – в регионах, поддавшихся эпигонствующей вестернизации. Все это можно констатировать в пессимистическом духе: культуры, «расслабленные» вестернизацией, с распатанным генетическим кодом и ослабленной идентичностью, отныне не способны мобилизовать народы и предотвращать их расползание в диаспору.

Думается все же, что справедливо другое мнение. Культура живет под знаком христианского парадокса: находит утешение на дне отчаяния. Иными словами, такие ее высокочтимые состояния, как просветленность, ценностный пафос, осязаемое присутствие идеала в делах повседневности, – не природный дар, а обретаются через подвиг опamięтования и покаяния. Культура подчинена циклической динамике, в которой интенсивность смысла обретается в процессе борьбы с удушающей бессмысленностью, высокая мораль – в преодолении имморализма. Для позитивистской методологии, оценивающей будущие возможности по стартовым условиям, т.е. на основе «экстраполяций», эта динамика культуры остается закрытой для понимания.

Для сознания, сохранившего чуткость к заветам «осевого времени», культура выступает не как пассивная «надстройка», а как мощная компенсаторская система, наделяющая отставших и потерпевших более высокой энергетикой, чем почивающих на лаврах победителей. Она и объясняет периодические смещения центров мирового развития. Завтра он снова начнет смещаться. Быть может, в сторону России.

«ПОМИНАЙТЕ НАСТАВНИКОВ ВАШИХ»

Блаженный Миша Косов

Блаженный Миша Косов жил в Новгороде Великом. Он считал себя «начальником Новгорода» и всем в городе помогал. Был он среднего роста, глаза имел косые, изо рта слюни текли, и нос был нечист. Говорили, что он кончил Академию. Заметит на обеде, что сосед его по столу не ест, скажет: «Ну что не ешь, брезгуешь мной?» Ходил всегда в рваной одежде, бывало еще и рассуждает: «Вот возьму свое белье, снесу на Волхов мост – и никто его не возьмет, а ты платок оставишь, и то его украдут!» Помогал всему Новгороду: у кого какая нужда случится, он возьмет и снесет человеку десять-двадцать рублей без отдачи, или принесет целый ворох вещей и начнет всех оделять. Как ни мыли его, никак не могли избавить от вшей. «Ничего-ничего», – скажет он – и убежит.

Когда мы приехали в Новгород, он встретил нас в храме и закричал: «Зачем вы сюда приехали, да еще к мощам святым вперлись! Я вот вас отсюда сейчас погоню!» Мы все бежать кто куда. Потом пришел в трапезную, запел «Отче наш» и спрашивает: «Где монашки приезжие?» – «А кто куда побежал, попрятался» – отвечают ему. «Это я их пугаю только, узнаю их смирение, а так я их всех очень люблю».

Когда отбирали монастырскую лошадь, он сидел на кухне и пел песни. «Великая скорбь настанет, но плакать не надо. Семь лошадей вместо одной будет», – сказал он. Так и случилось.

То барином Миша лежит, о чем его спросят, ответит, а иногда, напротив, скажет: «Уходи-уходи, не хочу с тобой говорить!» А потом жалеет, пошлет за монахиней: «Прости меня, я неумный, дурак ведь, а врагов у меня нет», – просит у нее прощения.

Когда я заболела, очень трудно было добиться какого-либо толка, так он сам определил меня в лазарет: «Здесь и умрешь ведь так. А здоровье надо беречь, это Божий дар».

Одну послушницу, которая собиралась съездить домой, блаженный отговаривал: «Нет-нет! Не ездите! Не послушаешь – мать тебя за-

Публикуется впервые. Продолжение. Начало в «ДС» № 1 (81). Воспоминания подготовлены к печати кандидатом исторических наук А. П. Семеновым по материалам архива митрополита Мануила (Лемешевского), предоставленным А. С. Ивановой.

муж выдаст!» А когда та все-таки собралась ехать домой, приказал ей: «Бери с собой из сундука все свое добро, все в приданое пойдет!» И верно, дома она, по настоянию матери, вышла замуж.

Под конец Миша заболел. Приходит в монастырь слабый, больной и говорит: «Я лягу в какой-нибудь келии». В то время явилась ему Царица Небесная. «Царица Небесная! Дашь мне еще пожить или нет? Оставь меня на годочек!» – взмолился он к Ней. «Нет, не оставлю, готовься в путь», – ответила ему Небесная Гостья. Умер Миша от оладьев. Мы накормили его свежими оладушками, и стало ему плохо. «Везите меня в Новгород!» – сказал блаженный. Положили его в лодку и привезли к Волхову мосту. Вошел Миша на берег, перекрестился три раза, крикнул: «Вот приехал начальник Новгорода!» – лег на траву и умер. Положили мы его в лодку, закрыли рогожами и отвезли в монастырь. Много народа собралось на его похороны. Похоронили Мишу в Кирилловом монастыре¹.

Записано со слов м. Ксении 19 декабря 1931 года

+++

Миша ходил босиком и летом и зимою, и потому его называли Миша Босой. Одежду его составляли халат и шляпа, которую всегда почти держал он в руках. Носил вериги. Роста выше среднего, лицо белое, чистое, приятное, добродумное, любил повторять: «Ешь тебя муха с комарами!»

+++

Миша нигде долго не жил, был он скитальцем, странником, – где ночь проведет, где день. Помню его лет пятидесяти, среднего роста, глаза черные, худенький, невзрачный, говорит скороговоркой, зачастую не поймешь. Песни пел, часто плясал, прикидываясь дурачком. Походка скоренькая, хмурился, любимое выражение: «Фу-фу!»

Ходил по улицам: придет, куда задумает, и объявляет: «Я пришел к вам ночевать». Денег просил, если давали пять-десять рублей, не брал – мало. Миша был образован, но виду не показывал. Придет ночевать и сидит долго, все на дверь смотрит, потом спросит: «Закрыта ли дверь-то?» – «Закрыта-закрыта!» – и так раз сто. Он так терпение испытывал: спокойно ли ответишь, не раздражишься ли. Заболел тифом и умер на третий день Пасхи. Был он прозорливый. Народ уважал блаженного, до сих пор его помнят.

¹ Мало-Кириллов мужской монастырь в трех верстах от Новгорода на острове Селезневе, образованном реками Волховцем и Лешовнею. Основан в конце XII века. Здесь почивают мощи прп. Арсения, Новгородского чудотворца.

Кириллов монастырь в Великом Новгороде

Блаженный Миша Новгородский похоронен в Мало-Кирилловом монастыре, что в трех верстах от Великого Новгорода. Блаженный Мишенька (отец Михаил) грозно обличал горожан, особенно монашествующих. Жил странником. Еженедельно ходил с «докладом» к Хозяйке – Матери Божией – жаловаться на одних, заступаться за других. Когда приходил к кому-то ночевать, то оставался только в той комнате, где была икона Божией Матери «Знамение». Его высоко чтители многие в городе, как имеющего дар рассуждения, совета.

В последние месяцы жизни он особо полюбил Кириллов монастырь и жил там подолгу. Там заболел сыпным тифом, поправился, потом болел кишечным заболеванием и умер от заворота кишок по пути в Новгород. Мишу довели по его просьбе до берега, он вышел близ собора в честь иконы Божией Матери «Знамение», издали благословил город и упал замертво. Сестры привезли его обратно в скит, где Миша и был погребен при большом стечении народа.

Одна знавшая Мишу девица видела его во сне уже после смерти, заступающим ее от огромного безобразного паука, готового схватить ее. Известно, что эта особа была в тяжелом опасном искушении и блаженный помог своими молитвами избавиться ей от беды.

Таволжанский Казанский женский монастырь

Блаженный Паша

Блаженный Паша ходил в Казанский женский монастырь Воронежской губернии¹. Ему было лет сорок, роста среднего, блондин. Ходил всегда распоясанный, а под рубашкой много поясов, и все усыпаны вшами. Сестер звал кого «сорочка», кого – «галочка», кого – «скворушка». Кроткий был он, хороший, любили его. Одной монахине дали послушание ездить на возах за всякой поклажей. Ей это очень не нравилось, она и жалуется как-то: «Паша! Что же это меня на быков посадили!» А он утешает: «Привыкнешь, скворушка, привыкнешь». Она, правда, мало-помалу и привыкла.

Записано 16 октября 1931 года

¹ Казанский Таволжанский женский монастырь при с. Таволжанка в 25 верстах от г. Ново-Хоперска, основан в 1884 году. При монастыре приют для малолетних сирот – девиц духовного звания.

Блаженный Марк

Блаженный Марк часто жил в Тихвинском монастыре г. Кирсанова Тамбовской губернии, где и почил. Все его любили и уважали. Много он предсказывал, и все сбывалось.

Записано со слов инокини Анастасии 26 июля 1932 года

Блаженный Иван Трифонович

Блаженный Иван Трифонович по прозвищу Камушек часто ходил в Новодевичий монастырь. Роста он был небольшого, косноязычный. Ему было лет шестьдесят. Всегда собирал и носил за пазухой в мешке камешки. Много он странствовал: бывал на Афоне, в Иерусалиме и других святых местах. Собирал деньги на строительство обителей.

Когда Иван Трифонович спал, то клал под голову полено, покрытое красным платочком. В Новодевичьем монастыре обыкновенно ложился спать в беседке. Умер он у дьякона из церкви свт. Василия Кесарийского, и после его смерти отец дьякон снял с блаженного вериги, которые оказались под его одеждой.

Записано со слов м. Евпраксии

Блаженный Михаил

Блаженный Михаил по слухам был раньше архиереем, потом его арестовали и он начал странствовать и юродствовать. Никто не знал, откуда он появился. Лет ему было около шестидесяти. Низенький, худой, говорил строго, не улыбался. Предполагали, что он пришел из Кронштадта.

Когда у С. А. сына арестовали, она очень горевала и просила блаженного Михаила молиться. «Дай акафист Николаю Угоднику и помолимся вместе! Беда, что родители так безрассудно любят своих детей», – сказал он. Другой раз у ее сына украли три червонца. Блаженный Михаил пришел, молча вынул три червонца и дал ему. Куда он девался впоследствии – неизвестно.

Записано со слов С. А. Власовой 2 ноября 1931 года

Блаженный Моисей

Блаженный Моисей часто ходил в Черкизове по большой улице в дом Уткиных. Был он стар с виду, с всклокоченными волосами. Мрачный, изможденный, часто ворчал. Всегда носил сумки – и чего только туда не положит! Таскал за собой бутылки, пональет их все водою. Когда Л. служила в нянях, он часто приходил в этот дом: «Няня, а няня! Давай воды скорее, в пузырьки наливать будем!» – крикнет ей, бывало. Потом

начнет чай пить, нальет в него воды из своего пузырька или в суп добавит и скажет: «Мешай, Господи!»

Когда вставал, то кричал Л.: «Обувай скорее меня, а то я перепутаю сапоги!» В руках носил длинный сверток, зашитый в тряпку, и ударял им какого-нибудь человека со словами: «Живый в помощи Вышнего...». А кому икону давал. Хозяину Л. всегда говорил: «Ты безбедно проживешь». Хозяин этот свою лавку имел. И что же? Его и сейчас не трогают. Народ любил блаженного Моисея и считал за прозорливого.

Записано со слов Л. Р. 1 декабря 1931 года

БЛАЖЕННЫЙ СЕМЕН

Блаженный Семен проживал в Москве. У него были волосы черные, курчавые.

Блаженному Семену лет сорок. Всегда он смеется и слюни распускает. Дети пристают к нему, а он их палкой гоняет. У одного человека было много сыновей, и блаженный Семен еще с детства предсказал, что все они будут солдаты. Когда они выросли, их всех взяли на войну.

Записано со слов Лизы Р. 19 декабря 1931 года

БЛАЖЕННЫЙ ИЛЮША

Блаженный Илюша всю свою жизнь прожил в Головинском женском монастыре. Занимался он все время тем, что колот дрова: сначала для барыни Головиной, потом в монастыре. Игуменья велит ему запретить сарай, — он делает все, как она велит, а вечером по полену вытаскивает из-под ворот и раздает монашкам, которые просят. Любили его сестры. Какая скорбь у кого случится, за утешением к нему бегут. Часто приобщался он Святым Христовым Тайн. Росточка Илюша был маленького, глухой, немой, глазки голубые, бородка маленькая. Собою не очень красив, курносый, а в гробу лежал, как ангел: личико, как у младенца, румяное, детское, словно живое. Умер он лет восьмидесяти пятого февраля 1919 года. Похоронен в ограде монастыря.

Ходила за ним при жизни схимонахиня Ирина. Мыла его и вообще ухаживала. Иеродиакон Серафим называл его «Святая неделя». Перед своей смертью заставил Илюша монашенок молиться и велел зажечь перед образом лампадку. Сохранились воспоминания о случаях его прозорливости.

Записано 4 сентября 1931 года

Одна монахиня хотела ехать в Москву повидаться с сестрой, которая собиралась туда приехать из деревни. А Илюша, узнав об этом,

Александрo-Невский Кирило-Белозерский мужской монастырь

не пускал ее. «Как так, сестра приедет, а меня там нет!» – возмутилась монахиня, не послушалась его совета и отправилась в Москву. Немного прошла по дороге, оступилась и сильно повредила ногу. Пришлось ей вернуться назад. Смеется Илюша. Прошла неделя, и он сам отправляет ее в Москву. На этот раз монахиня послушала Илюшу, и что же? Сестра ее тоже только что приехала в Москву из деревни.

Однажды приехали знакомые к м. Сергии. Зовут к себе в гости: молебен собрались служить св. Александру Невскому. Пошла она за благословением к игуменье. Та говорит: «Да поезжай с Богом!» Зашла м. Сергия к Илюше, рассказала об этом, а он ее три раза в шею выпихнул и слышать ничего не хочет, да еще до ворот довел и вытолкал. Не послушалась его предупреждения м. Сергия и все-таки поехала к знакомым. И что же? Пришлось ей вместе с ними неделю с утра до вечера картошку рыть, – неудобно было отказаться. Тут-то и вспомнила она его слова!

Пришла раз к Илюше одна монахиня и жалуется, как тяжело ей жить на свете. Взял он ее за плечи и показывает в высь, в самую лазурь неба.

Как-то украли в монастыре коров. А накануне Илюша безпокоился, показывал руками, что украдут что-то. И верно, на другой день трех коров жулики угнали и двух зарезали.

В самую забастовку 1905 года приехали к м. Арише родственники из деревни и хотели ехать в Москву. Никто не знал, что там делается.

А Илюша велел им назад в деревню уезжать. Так они и сделали. После уже узнали, что в Москве забастовка была.

Блаженный Василий Оржевский

Блаженный Василий часто бывал в Оржевском монастыре¹, но постоянного пристанища не имел нигде. С виду был старый, худенький, седой. Ходил одетым. Часто, чтобы люди не почитали его за блаженного, притворялся он пьяным. Много предсказывал. Иной раз придет в церковь и скажет: «Прогнать сестер, тут им делать нечего!» Как начали разгонять монастыри, вспомнили его слова. Кончину свою предсказал: «Может под плетнем где придется умереть». Так и сбылось на самом деле: умер он, прислонившись к плетню.

Записано 24 июля 1932 года со слов инокини Анастасии (Кирсановой)

Блаженный юродивый Стефашок

Юродивый Стефашок родом из Калужской губернии с.Телекино. Ходит в Скорбященский женский монастырь. Лет ему около сорока. Зимой и летом босиком и без шапки, роста среднего, худенький, сутуловатый, глядит изподлобья. Бородка теменькая, голос тихий. Одет в подрясник.

В монашек камнями кидал, наберет в поле, да и начнет гоняться за сестрами и камни кидать. То водой их обольет, то раз десять вокруг церкви обежит... Саша хотела остаться в этом монастыре и спросила его: «Благословите остаться мне здесь». А он говорит: «Понравится, так останусь, нет – так уйду». Все ее мысли прочитал.

Записано со слов инокини Александры 27 сентября 1931 года

Блаженный Трофимушка

Блаженный Трофимушка маленького роста. Крестится очень часто маленькими крестами и все повторяет: «Христос Воскресе!» Лет ему было около тридцати пяти. [Ласковый он, но почти ни с кем не говорит, только отвечает на вопросы. – *Митр. Мануил (Лемешевский)*]. Часто ходит в церковь Петра и Павла на Преображенской площади², больше бывает в праздники или по вечерам в будни. В большие престольные праздники ходит по разным церквям. Там во всех прихожан всматривается, но ни с кем не говорит.

¹ Александро-Невский мужской монастырь в 18 верстах от г. Кирсанова Тамбовской губернии при селе Оржевка. Учрежден в 1890 году.

² Храм свв. Апст. Петра и Павла в Москве на Преображенской площади с главным приделом, посвященным празднику Преображения Господня, был построен в середине XVIII века. В 1964 году храм был взорван. В 2009 году началось его воссоздание. Ныне это храм сухопутных войск Российской армии.

Митрополит Трифон (Туркестанов)

Однажды обличил Л. за дурные помыслы в церкви. Приложилась она к иконе и встала рядом с ним, а в голове у нее были дурные мысли. Он взял и оттолкнул Л. от себя. Тогда только она опомнилась, поняв, как несовместимы ее помыслы со службой Божией. Одна духовная дочь сказала митрополиту Трифону¹: «Как много народа в церкви!» – «Да что там народ! Один там был Трофимушка, он один и молился!» – ответил митрополит.

Елизавета Р. 1 декабря 1931 года

БЛАЖЕННЫЙ КУЗЬМА

Блаженному Кузьме было лет сорок. Ходил он и лето и зиму босиком. Часто посещал о. Митрофана Сребрянского и стоял всегда в алтаре Марфо-Мариинской церкви². Ушел странствовать в Старый Иерусалим³, ничего о нем больше не было слышно.

Записано со слов странницы Анны 22 сентября 1931 года

¹ Митрополит Трифон (Борис Петрович Туркестанов) (1861 – 1934) – принадлежал по рождению к аристократической и духовной элите российского общества. В юности Борис Туркестанов посещал старца Варнаву Гефсиманского, который направил его в Оптину пустынь к старцу Амвросию. Пострижен в монашество с именем св. мч. Трифона, окончил МДА и был назначен ректором Вифанской духовной семинарии с возведением в сан архимандрита. В 1901 году хиротонисан во епископа. С 1923 года в сане архиепископа, с 1931 года – в сане митрополита. Находясь с 1916 года на покое, митрополит Трифон совершал богослужения в храме Большое Вознесение у Никитских ворот. † 14. 07. 1934.

² Протоиерей Митрофан Сребрянский в 1908 году был приглашен великой княгиней, будущей преподобномученицей Елизаветой Феодоровной в устраиваемую ей Марфо-Мариинскую обитель в качестве духовника и настоятеля храма. В 1919 году о. Митрофан принял монашеский постриг с именем Сергей. После революции он перенес несколько тюремных заключений, этапы, ссылки в Северный край. Скончался архимандрит Сергей (Сребрянский) 23 марта 1948 года. Прославлен преподобноисповедник Сергей в лике святых в августе 2000 года на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви.

³ Старый Иерусалим – часть г. Иерусалима, где находится храм Воскресения Христова, более известный как храм Гроба Господня.

БЛАЖЕННЫЙ СЕРЕЖА

Сережа блаженный живет в окрестностях города Покрова. Откуда он взялся – неизвестно, ни отца, ни матери своей не знает. С 11 лет начал Сережа ходить за Тихвинской иконой Божией Матери по деревням. Если в каком доме подадут ему копейчку, спрячет он ее, а мальчишки увидят, набросятся, избьют, повалят на землю, отнимут деньги, – а он хоть бы что, будто и не его били: встанет с земли, отряхнется и засмеется. Сейчас ему 20 – 21 год. Сережа неграмотный, но если покажут ему портреты владык, картинки из Священного Писания или иконки – все знает, начнет рассказывать, да складно так, будто читал или видел все сам. Владык любит и знает всех по именам. Моет его одна женщина в корыте, как дитя малое.

С юности благодать Божия почивает на нем. Рассказывал Сережа, что являлась ему Сама Божия Мать и говорила: «Я тебя не оставлю до смерти». Архимандрит Даниловского монастыря (серб), когда приезжал отдыхать в Покров, подарил ему четки, очень полюбил его, жил с ним вместе, молился. Много случаев рассказывают о Сережиной прозорливости. Пришел он как-то в деревню к матери Елены и говорит: «У вас скоро четыре курицы помрут». И ушел. И что же? Через две недели у них действительно пало четыре курицы.

Пришел блаженный в одну деревню, да и говорит: «А у вас вот этот красный дом сегодня ночью сгорит!» А в доме том жил ответственный работник¹. Попил Сережа чайку и ушел за шесть верст ночевать в другую деревню. И верно, дом этот в ту же ночь сгорел. Утром прибегает Сережа посмотреть на дом, – тут-то его и забрали. Бить стали, повели

*Духовник Марфо-Мариинской обители
о. Митрофан Сребрянский*

¹ Так называли в народе советских партийных чиновников.

в милицию. «Как так? Откуда узнал, что дом сгорит?» Ничего от него не добились, видят, что глупенький, и отпустили его.

Однажды прибегает в деревню Петушки: «Молитесь, молитесь! У вас скоро скот будет хворать!» – убеждает крестьян. Мужики хотели его избить, да заступилась за него девушка одна, Надя: «Не троньте его, он к нам идет!» И через два дня пятьдесят коров в этой деревне пало – осталось только три коровы. Озлобились на него мужики, начали искать Сережу, а он к батюшке ушел. Пришли к батюшке, спрашивают: «Где он? Куда подевался?» А батюшка сказал, что ночью пришла к нему какая-то старушка и увела Сережу неизвестно куда, назвавшись его матерью. А у него и матери-то никогда не было! Целый год не появлялся он после этого в деревне.

Только через год пришел блаженный в Петушки, и идет прямо к сострадательной девушке Наде, а за ним летят три голубя. «Надя! Вот тебе голуби!» – сказал он ей. Обрадовалась девушка, благодарит: «Ведь мы никак не могли залучить голубей к нам в дом!» А Сережа говорит: «Они у вас только одну ночь ночуют и улетят!» И верно, утром, поклевав зерен, они улетели. «Не горюй, Надя!» – сказал Сережа. Через некоторое время опять идет блаженный, и летят за ним одиннадцать голубей: «Вот Надя! Теперь эти голуби все время у вас жить будут!» Так и есть, до сих пор эти голуби живут у Нади в доме.

Как-то раз инокиня Мария уехала по делам в Москву и замешкалась там. Забезпокоилась Елена: «Не случилось ли чего с ней?!» Прибегает в Ильинское, где был Сережа, и говорит: «Наверное, теперь-то уж Марию в Москве забрали?» – «Не беспокойся о ней. Она теперь в Павлове, в больнице лежит. Не ездй никуда узнавать о ней. Она в воскресенье утром приедет. Ты к утрени пойдешь, и она придет туда», – ответил он. Послушалась Елена, стала ждать воскресенья. Пошла к утрени в церковь, видит: стоит Сережа, смотрит на нее и смеется. Через некоторое время входит и Мария; только приехала и пошла прямо в церковь, где они и встретились. А Сережа прибежал порадоваться на них. Все вышло, как он сказал.

Бывало, сидит в гостях, ест, пьет, веселый, разговорчивый, каноны поет. Приходит к хозяевам ответственный работник, – с Сережи сразу вся веселость слетает. Машет руками, беспокоится: «Ох! Как скверно пахнет, сидеть невозможно!» А как уйдет этот человек, опять Сережа развеселится, запоет, заговорит и ночевать останется. Такие случаи бывали с ним нередко. Про хозяйку Елены в Покрове сказал: «Да она скоро умрет!» И верно, вскоре она скончалась.

Рассказ монахини Елены

Блаженный Иоанн

Блаженный Ванюшка из города Кирсанова Тамбовской губернии считается всеми глупеньким. Лет ему сейчас около семнадцати, но многие его слова уже сбылись или сбываются. Роста он среднего, беленький, и зимой и летом босой, а когда и обуется. Ходил часто за святой водой к Божией Матери Ахтырской¹. «Ваня, ты ел?» – спросят его. «Нет», – отвечает. Ребята в него камнями бросали, обижали.

Пришел как-то в один дом и сказал: «Ой, как холодно! Бабушка! Как жить-то будешь, что есть?» – «Что ты, Ваня! Всего у нас много», – они хорошо жили. И что же? На второй день Крещения все у них отобрали.

Однажды сел на кровать и говорит: «Ну-ка, пусти с кровати!» И что же? Через несколько дней отобрали у этой женщины кровать в сельсовет.

Повадился Ваня ходить к одной женщине, у которой был сын. Придет и говорит: «Не надо ему на улицу ходить! Ох, как ножик-то! Смерть от ножика будет...» И верно, вскоре зарезал его товарищ ножом на улице. После этого Ваня перестал ходить в этот дом...

Пришел Ваня к одной монашенке и говорит: «Ох, хозяйева! Одеть нечего!» И через четыре дня украли у хозяйки пальто. А то бросился одну вдову целовать, и она через некоторое время замуж вышла.

Записано со слов инокини Анастасии 26 июля 1932 года

Блаженный Владимир

Блаженный Владимир был княжеского рода. Ходил к матушке Феофании Головинского монастыря и к Варваре Ильиничне Головиной. Знал иеродиакона о. Серафима до открытия монастыря. К Головиным пришел в дорогой княжеской одежде, а от них пошел рваный и потрепанный. Когда образовывалась община, часто бывал у сестер первоначальниц: «Ну, князь Владимир, будет у нас монастырь-то?» – спрашивают они. «Да что вы у меня-то спрашиваете, вы у Авдотьи Яковлевны спросите, будет у вас монастырь или нет!» – скажет он. Впоследствии Авдотья Яковлевна поступила в монастырь с именем Феофании.

Был он знаком с игуменией Магдалиной из Рождественского монастыря. Когда матушка Магдалина умерла, то спустя какое-то время приснилась одной сестре и сказала: «Я давала князю Владимиру по одному рублю денег, и он встретил меня с большой свечой и повел по мытар-

¹ Ахтырско-Богородицкий женский монастырь Тамбовской епархии при с. Федоровка. Учрежден в 1893 году. При монастыре школа, приют и богадельня. Закрыт после 1917 года.

ствам. Пламя свечи его ярко полыхало, и я проходила безбоязненно все мытарства, но перед одним мытарством исчез он куда-то: там спросили меня, любила ли я кошек? Не смог провести он меня через этот грех: привязана я была к своим котяткам чрезмерно».

Умер около 60 лет от роду, приблизительно в 1921 году. Похоронен в Москве, на Покровке.

Головинские монахини, июль – ноябрь 1931 года

+ + +

Блаженный Владимир Григорьевич юродствовал. Роста он был низенького, толстый. Нарядит его мать София в хорошую одежду, накормит, а он наберет в карманы всякого добра и пойдет ходить по городу и все раздавать. Переночует с «хитровцами»¹, они его разденут, оберут, снимут хорошую одежду, а оставят лохмотья. Опять идет он домой, и опять мать его отмоет, оденет, накормит. Мать его была очень благочестивая женщина и все, что имела, отдавала нищим. Говорят, по ночам выходили они с Владимиром с узелками и, стараясь быть незамеченными, подкидывали их в бедные дома.

Однажды пришел Владимир в бедный дом, где были голодные дети, и принес, к их полному восхищению, целого поросенка. Но для того, чтобы не быть в глазах людей праведником, возьмет он, бывало, пузырек вина и выпьет. Умер блаженный на вокзале около 1921 года.

Записано со слов С. А. Власовой 2 ноября 1931 года

+ + +

Многие звали его «князь Владимир». Был он очень образован, но скрывал это. Лет ему было около шестидесяти. Роста среднего, одевался скудно – в пиджак, а сапоги носил без подметок. Когда его приглашали пить чай, он все смешает: и чай, и варенье, и сахар, все, что есть на столе, а потом, ни к чему не прикасаясь, быстро убежит из дома.

Часто ходил к игумении Магдалине, которую очень уважал, и когда, бывало, подаст звонок в ее дверь, то всегда скажет: «Меня Афанасий Иванович звал! (Так он называл м. Алексею за много лет до ее пострижения в схиму с мужским именем в честь св. Алексея Московского). Грешный Владимир пришел!» Он говорил всегда притчами.

«Ираида, как живешь?» – спросил он монахиню Ираиду, старшую келейницу игумении. «Слава Богу! – отвечает. – Жизнь хорошая, прикупила масло, рыбу и т. д.» А он ей возражает: «Жизнь хорошая,

¹ Обитатели московского Хитрова рынка.

но не придется тебе все это кушать». – «А что, разве помру?» – «Нет, не помрешь, а кушать этого не будешь». На другой день заболела Ираида воспалением легких и весь пост проболела.

Когда Владимир в церковь ходил, то не крестился там, а стоял со сложенными крест-накрест руками, а у самого слезы градом текли. По храму бегал всегда, не стоял на одном месте. У него в голове было множество насекомых, а ходил он всегда без шапки. Но насекомые никогда не тревожили тех, кого он посещал или с кем садился.

Монахиня Татьяна постоянно принимала его к себе. Но как-то раз рассердилась на него за неаккуратность: «Ты, Владимир, не ходи ко мне больше», – сказала она сердито. После этого заболела Татьяна и оказалась при смерти. Когда сказали об этом блаженному, он прибежал к ней в келию и стал молиться за болящую. К вечеру ей стало лучше, и она выздоровела.

Записано со слов схимонахини Алексии в ноябре 1931 года

БЛАЖЕННЫЙ ИВАН СЕМЕНОВИЧ

На берегу небольшого озера стоит одинокая хижина. Маленькая деревянная ограда окружает ее. Небольшие окна выходят на озеро. Летом золотые кувшинки улыбаются убогой хижине, покосившейся на бок. По вечерам из маленьких окон на гладкую поверхность воды ложатся кроткие лучи горящей лампы от большого образа Богоматери Царицы Небесной «Державной», и Ее дивные очи озаряют лучистым светом обитателей домика.

В этой хижине жил «последний из последних рабов Божиих», как называл себя покойный Иван Семенович, блаженный села Люблино Коломенского уезда Московской губернии. Он уже пятый год как умер, но память в простом народе о нем живет до сих пор.

Родился он в 1870 году в семье крестьян Коломенского уезда Московской губернии Симеона и Степаниды Гусевых. Родители были верующие, страннолюбивые. С детства Иван Семенович любил посещать церковь и, служа в мальчиках¹ у портного, был побиваем хозяином за хождение в церковь.

Со дня женитьбы особенно стал ревнив Иван Семенович к церковным богослужениям, за что ему и доставалось от хозяина за небрежно исполненные работы. Он стал бегать в церковь украдкой. Отец Иоанн Кронштадтский благословил его не на монастырскую жизнь, а на мирскую: «Ты в миру должен спасаться, а не в монастыре». Потом руководил

¹ Малолетний работник в ремесленном заведении.

его в духовной жизни протоиерей Алексей Мечев¹ церкви св. Николая, что на Маросейке, куда бегал он часто приобщаться тайно от хозяина. Жена с детьми жила в деревне до 1912 года, а он в Москве при портновском деле. Жена Ивана Семеновича сердилась на него за привязанность к духовной жизни, а не к семье.

Иван Семенович очень любил богомолье, и по его просьбе устраивались крестные ходы на поля для благословения Божиего на полевые работы. С собой он брал домашних и некоторых знакомых. Преподобный Сергей открыл ему, что он больше должен ходить по деревням, а не по святым местам. Один раз он был у преподобного Сергея, заболел и вернулся обратно, и потом, когда кто-либо из знакомых звал его посетить святое место, он не соглашался и говорил: «Этого мне не дано от Бога».

К родителям своим Иван Семенович относился с большим уважением. Даже против своей воли женился, исполнив волю матери, а после женитьбы оставлял семью всегда на волю Божию и был укоряем от всех за плохое попечение о семье. Особенно любил читать акафисты: молча, а больше вслух читал, и всех, кто только ни придет к нему, заставлял читать и петь акафисты, особенно Пресвятой Богородице. Читал Евангелие и Жития святых и старался что-либо из прочитанного рассказать окружающим.

Обстановка его маленькой хижины, подаренной ему крестьянином деревни Печатники Михаилом Кузьмичем Макаровым в 1919 году после исцеления больной его ноги по молитвам Ивана Семеновича, была крайне бедна и убога: стол, лавки и две кровати. Одежда самая простая, иногда очень легкая в зимнее время. В одежду он зашивал камни. О пище говорил: «В каком доме что Господь пошлет, то и должно вкушать с благословением Господа». В ином доме вставал ночью на молитву, а в другом – лежал на постели.

Дар благодати исцеления приходящих к Ивану Семеновичу больных замечен с 1914 года. Монашествующих в его семье и среди родных никого не было. Брат Георгий ходил по святым местам. Отношение блаженного к духовникам было уважительное. С некоторыми он советовался. Свои обиды от церковного старосты, где служил, переносил терпеливо. К священным книгам относился с огромной любовью, даже целовал их и бережно хранил, а в тех домах, где бывал, поучал тому же. Слово Божие читать любил, но больше всего любил молиться.

¹ Мечев Алексей Алексеевич (1859 – 1923) – протоиерей, настоятель храма св. Николая в Кленниках на Маросейке с 1892 года, один из наиболее авторитетных московских священников, старец. Причтен Архиерейским Собором 2000 года к лику святых.

Редкий день не бывал у ранней обедни. С 1934 года служил сторожем и звонарем при храме Архистратига Михаила в <...> Пятницкой улицы. Только не любил пышность в храме модных диаконов и певчих, похожих на артистов. Бывало, не глядя на высокий чин священника, обличит, если он неправильно служит. Иногда грозно скажет: «Бог покарает за неправильность!»

Святых Тайн приобщался почти ежедневно и другим советовал чаще исповедоваться и причащаться. Молился так ревностно и горячо, что почти не замечал никого около себя. Любил блаженный молиться больше в алтаре, где по благословению священника стоял у жертвенника. Молился, поминая о здравии и за упокой, как сам говорил, – всех помянул. Часто приобщали его в алтаре, а иногда и со всем народом. Любил блаженный молиться за всех, а особенно за застрелившихся, за удавленников и безродных. Когда встречал похоронную процессию, останавливался, спрашивал имя покойника, записывал в свой помянник.

Часто видел во сне Пресвятую Богородицу и святых угодников, и по их наставлению проводил свою жизнь. Бывало идет, сделает земной поклон, поцелует землю и скажет: «Здесь шла Сама Царица Небесная». Дерзновенно умолял Господа о скором облегчении скорбящих и болящих. В 1914 году пришел из церкви с одной рабой Божией, встал и начал разбирать из старого численника листки. Три из них – за 9, 10 и 11 августа – отложил, велел спрятать. Через три месяца, с 9 по 11 августа, получила она три долгожданных письма с фронта от брата.

В этот же раз говорил он ей, что брату помогает в чужой земле Анна, и когда сестра пыталась его уверить, что ее зовут не Анной, а другим именем, то Иван Семенович опять повторил: «Спаси Господи Анну за то, что не оставляет сироту». Оказалось, что брат был в это время в г. Гродно, и одна раба Божия Анна оказывала ему помощь: сшила рубашку и кормила, чем могла.

Кто обращался с глубокой верой за помощью к Ивану Семеновичу, тот получал благодать исцеления. Однажды собралось у него в доме много народу. Во время чаепития Иван Семенович вышел из-за стола и стал бегать по комнате, смеяться, взял кошку, начал ее нянчить и все обращался к одной вдове: «Ах, Надя, хорош ведь ребенок!» В скором времени у ее дочери родился ребенок.

Во время молитвы он услышал голос: «Оставь молитву и брось книгу!» Он отвечал бесу: «Давай вместе молиться!» И бес исчезал с криком: «Не могу!» А Иван Семенович, ограждаясь крестом, продолжал молиться. А то начнут валиться около него дрова или другие вещи. Несколько

раз стучали в окно и бросали камни. Когда он молился в церкви, его били, сдергивали стихарь, который ему священник благословил надевать как прислуживающему при богослужении, но он не унывал, молился. Бесы изводили блаженного, указывая на его низкое положение.

В 1928 году (со 2 апреля по 11 мая) с первого дня Пасхи и до Вознесения Господня блаженный не вставал с постели. Родных предупреждал, что скоро уйдет от них. Сыну Ивану наказывал: «Ваня, не забывай сестер, будь им вместо отца!» Богатства никакого у них не было, более всего он надеялся на Пречистую Владычицу, ежедневно приобщался и соборовался. Ему был сон, что в четверг он умрет. Так и случилось. Перед смертью он читал молитвы, приходящий народ уже был ему в тягость. Некоторым священникам блаженный являлся в видениях уходящим на небо, и они, не зная о его смерти, приезжали к уже почившему Ивану Семеновичу.

Похороны были торжественные. Двадцать пять священников из Москвы и местные люблинские в облачениях, с хором певчих несли гроб усопшего блаженного Ивана Семеновича на кладбище с Люблино. Там воздвигнулся зеленый холмик, на который приходят и теперь в горе за утешением многие люди. Народ хоронил Ивана Семеновича как дорогого отца, к которому шел в горестях и скорбях как к другу. «Ушел наш молитвенник!» – слышалось в толпе.

После смерти Иван Семенович являлся многим во сне, в том числе и родным. «Папа! Как тяжел наш путь! Брат все обижает», – жаловалась ему во сне дочь. И видит она, что отец молится у Престола, и лицо его горит любовью, – и легче ей стало.

Записано 29 июня 1932 года

Блаженный Андрей Волоколамский, Савво-Сторожевский

Блаженный Андрей жил около Волоколамска, ст. Шаховская. От роду ему было лет сорок, встречали его на крестных ходах Волоколамских и в Савво-Сторожевском монастыре. Был он высокого роста, полный, с большим животом, с рыженькой бородкой и большими голубыми глазами. Никогда он не улыбался, ходил медленно, круглый год босиком. Говорил мало и тихо. Никто не знал откуда он родом. Одевался почти в рубище, одежду много лет не менял.

Придет, бывало, нарочно в чайную и украдет вино у мужиков, те били его за это без пощады, а он молчал и ничего никогда никому не говорил, переноса терпеливо побои. На приглашения не приходил, был прозорлив, его слова всегда сбывались. Однажды показал он на одну деревню: «Деревня ваша фу-фу». На следующий день деревня сторела.

Пришел в дом к одной вдове, которая жила в крайнем доме, и сказал: «Хлеб у вас без молитвы, я его есть не буду».

Однажды люди несли икону св. Николая Можайского, и было им так тяжело, что они едва справлялись с ношей. «А где Андрюша?» – хватились они. Смотрят, а он бежит, запыхавшись. «Коля, погоди-погоди!» – кричит. Это он Николая Угодника так называл. Как только подбежал, икону крестьяне легко понесли... От иконы он старался ни на минуту не отходить, а как только отлучался, крестьяне изнемогали от неизъяснимой тяжести.

У одного раба Божия попросил он как-то напиться. Взял стакан, глотнул один глоточек и сказал: «Не проходит в горлышко». Вскоре этот раб Божий подавился костью, ему грозила смерть, но по молитвам блаженного был он спасен. Другому рабу Божию блаженный сказал: «Будешь жить под золотой крышей!» – и тот вскоре поступил в богадельню. Девочке одной сказал: «Будешь, сестричка моя, кататься на палочке!» Она упала с лошади и вышибла три позвонка, после чего стала горбатенькая и ходила с костылем. Одной девушке сказал: «Выйдешь, выйдешь замуж! Ходи, ходи в дверь! Увидимся по той стороне овражка!» Она вышла замуж, и тут скоро отнялись у нее по пояс ноги, и она лежала одиннадцать лет. Это записано с ее слов.

Одного сильно страдающего человека блаженный Андрей исцелил от нарыва в горле. Доктора отказались его лечить, тогда, услышав о блаженном Андрюше, он решил обратиться к нему за помощью. Разыскал его в чайной, подошел и говорит: «Андрюшенька, помоги мне, я совсем умираю!» Блаженный вскочил, схватил его за горло, да так сильно, что тот упал. Народ закричал: «Убил, убил его!» И верно, человек этот лежал на полу как мертвый. Андрюша же спокойно сел за стол. Спустя некоторое время больной встал и почувствовал, что в горле у него все прошло, боли как не бывало. И после этого он никогда уже не чувствовал боли в горле. Умер Андрюша около 1917 – 1922 года.

Записано со слов Л. Р. и других в ноябре 1931 года

Блаженный Михаил

Блаженный Михаил был человек женатый, жил в своей семье в с. Лапино Кирсановского уезда Тамбовской губернии. День его Ангела праздновался на Архангела Михаила. Старик среднего роста, понуренный, молился часто на паперти и много постился. Лет ему было около восьмидесяти. Ходил босой, носил тайно от всех вериги и сумку с камнями, которую никому не давал держать. Много и верно предсказывал: если быть голоду, то Михайлушка ходит с одной ручкой от цепа, а если урожай

ождается хороший, то в руках у него и цеп, и лопата. Если воду выливает, то быть пожару, если гроб делал, то умереть кому-то. Был прозорлив. Одна девушка, увидев, что к ним идет блаженный, подумала: «Мясца-то бы отцу хватило, а то вот идет...» А он и говорит: «Нет-нет, я не буду мясо есть». Так и не стал. Когда мне было двенадцать лет, блаженный предсказал, что буду я в монастыре: одевал четки и водил меня, как на послушании, а потом к маме привел. Так и получилось. Когда разогнали монастырь, я вернулась назад к маме в дом. Когда я была уже монахиней и гостила в селе, то Михаил сказал мне: «Иди, иди в монастырь скорее, на Покров в алтарь с ризами взойдешь». А мне было тогда двадцать два года. И что же? Прихожу я в монастырь, а там меня ризницей поставили, и на Покров я одевала духовенство...

Предсказал и о войне, и о закрытии монастыря: «Разлетитесь, как пыль, все». Тете моей перед кончиной дал свечку, пяточок и кусок сахара: «Ты не затруднишь никого». И в этот же год она умерла. Предсказал и свою кончину и не велел хоронить с честью. Умер он в 1920 – 22 годах и похоронен в своем селе Лапино. Одной девочке предсказал кончину: увидел сундук, на котором она сидела, и говорит: «Крышку сделай с замком – скорее, скорее!» Сделали – и она на этой самой крышке и умерла. Иногда он был буйным, иногда – кротким, в зависимости от того, кому предсказывал...

Записано со слов инокини Анастасии (Курсановой) 26 июня 1932 года

Блаженный Демьянушка

Блаженный Демьянушка всегда ходил в Алексеевский женский монастырь Богу молиться, умер он около 1900 – 1905 года, его и схоронили в монастыре бесплатно, так как считали блаженным Христа ради, прозорливым человеком. Худенький он был, черноватенький. Все бегаёт бывало, бегаёт легко, как мальчик. Подойдет к кому-нибудь, скажет слово, да прямо не в бровь, а в глаз попадет: все насквозь видел. Был он «мирской» старец, в народе слыл за блаженного Демьянушку.

Записано 27 сентября 1931 года

Николай Иванович

Николай Иванович был сын звонаря Иоанна и Параскевы. Родился он 24 октября 1877 года, умер тоже 24 октября 1912 года тридцати пяти лет от роду. Человек он был очень скромный, с детства любил храм Божий и всегда носил с собой Псалтирь за пазухой. Особенно чтил он и любил Божию Матерь. На двадцать пятом году своей жизни женился он на Марии Николаевне, но вся его душа принадлежала Богу... «Давай

вместе уйдем в монастырь!» – сказал он молодой жене. «Ты в Новодевичий, а я в Чудово». Она согласилась, и поехали супруги за благословением к старцу Алексию¹. «Для чего вам уходить из мира?» – сказал им старец. «В монастыре вы будете заботиться о себе, а в миру – о других. Смотрите, сколько кругом нищих, сирот, какое широкое поле предстоит вам для добрых дел! Нет вам моего благословения уходить из мира».

Так и стали они жить в миру по наставлениям старца Алексия из Зосимовой пустыни. И действительно, много забот выпало на долю молодой четы. У Николая Ивановича была большая портновская мастерская, и все время и силы посвящали супруги на пользу ближним. За год до своей смерти он оставил все мирское и целыми днями молился Богу. Доктора считали его душевнобольным и даже поместили в больницу.

Когда супруги последний раз были у старца Алексия, он сказал Николаю Ивановичу: «Приедешь домой, пособируйся!» «А я?» – спросила жена. «А тебе не надо, ты еще успеешь, – ответил старец. – Много скорби предстоит тебе». А Николай Иванович успокоил: «Твоя скорбь да будет в радость». Когда супруги уезжали, старец сказал Марии Николаевне: «Ты еще приедешь, а Николай Иванович домик себе купит и будет его караулить».

И действительно, когда вернулись супруги домой из Зосимовой пустыни, Николай Иванович заболел и слег. Врачи не знали, что за болезнь открылась у него – какие-то раны на суставах. В Великий Четверг его соборовали (спустя две недели после поездки в Зосимову пустынь). После соборования, причастившись, он воскликнул: «Господи! Дай мне пострадать за Тебя!» И, немного погодя, добавил: «Батюшка! Божия Матерь зовет меня в Свои Чертоги! Не оставь мою жену Машу. Я скоро умру». К первому дню Пасхи его раны в два дня зажили, и когда батюшка пришел к нему и увидел это, то воскликнул: «Великое чудо свершилось на моих глазах!»

После этого Николай Иванович еще больше ушел в пост и молитву, оставив все мирское. Все себе сам приготовил к смерти, сшил новый костюм, зашел в нем в мастерскую и сказал: «Смотрите, какой я себе костюм приготовил к смерти!» Доктора, считая его поступки ненормальными, поместили Николая Ивановича в больницу. Там он еще сильнее

¹ Прп. Алексей (Соловьев) (1846 – 1924), старец, иеросхимонах. Служил диаконом в Николо-Толмачевском храме Москвы и протопресвитером Успенского собора в Кремле. В 1898 г. поступил в Зосимову пустынь, в 1916 г. ушел в затвор. В 1917 г. был избран членом Поместного Собора от монашествующих и принимал участие в избрании Святейшего Патриарха Тихона. Умер в Сергиевом Посаде, где проживал с 1923 г. после закрытия Зосимовой пустыни. 26 июля 1994 года мощи отца Алексия перенесены из Сергиева Посада в возвращенную Церкви родную обитель старца, где и покоятся в Смоленском соборе. В августе 2000 г. на Юбилейном Архиерейском Соборе причислен к лику Святых Русской Православной Церкви для общецерковного почитания. † 19 сентября.

молился. Всю жизнь чтил он Матерь Божию, и Она Сама открыла ему скорую кончину.

За два дня до смерти подарил он жене свой Псалтирь, с которым никогда не расставался. Потом ему стало совсем худо. Он пожелал причаститься и все говорил Марии Николаевне: «Поедем на кладбище, я себе там местечко присмотрю». В Казанскую пришел батюшка, причастил его Святых Христовых Тайн. Батюшка простился с Николаем Ивановичем и поклонился ему в ноги. Умирать привезли его домой. Испытывал он перед смертью сильную жажду. В ночь на 24 октября, в праздник «Скорбящей» Божией Матери¹, стало ему совсем худо. Позвал он жену, сказал, чтобы затеплили лампадочку, простился со всеми мастерами и подмастерьями, повинился перед ними за все обиды. Все сильно плакали. Потом попросил у Маши свой Псалтирь и икону св. Иосафа Белгородского. Маша сказала, что такой иконы у них нет. Тогда он взял икону Божией Матери «Скоропослушница», Псалтирик, положил на грудь, перекрестился и сказал, что умирает. Священник читал отходную. Николай Иванович слушал и до последней минуты крестился. Потом вздохнул, и душа его отлетела в небесные чертоги.

На похоронах батюшка сказал в своей проповеди, что знал Николая Ивановича как большого молитвенника и человека высокой христианской жизни. Закончил он свою речь словами: «Этот человек был не от мира сего». Похоронили Николая Ивановича в Алексеевском монастыре.

+++

На 9-й день после похорон снится Марии Николаевне, что идет она к Иверской, а на площади перед часовней стоит толпа народа и мостовая вся усыпана желтым песком. «Кого же это встречают?» – спросила она. «А это Николая Ивановича поведут сейчас к Господу на поклонение». Мария Николаевна удивилась, три раза переспросила и услышала тот же ответ. Посмотрела она на церковь и увидела, как открылись широко Царские врата и сидит на престоле Сам милосердный Спаситель. Вдруг закричали: «Ведут! Ведут!», – в это время кто-то сильно застучал в окно ее спальни, она вскочила, посмотрела – никого нет.

Видит она в другом сне, будто вернулась, усталая, в свою квартиру, села у стола и задумалась. Вдруг входит к ней Николай Иванович и говорит: «Я пришел узнать, как ты тут живешь? Мне-то там очень хорошо!» И все исчезло...

Записано со слов М. Н. 5 ноября 1931 года

¹ Икона Божией Матери «Всех скорбящих Радость» празднуется 24 октября по старому стилю.

Блаженный Кирилл

Блаженный Кирилл был странник и болящий, а в последнее время жил в Иверской общине, где скончался и был погребен. Рассказывали о случаях его прозорливости. Говорил же он не просто, а притчами. Одной женщине сказал, что у нее голова покатится, как кочан, и она действительно скончалась внезапной смертью. Рождение его неизвестно. Умер он в 1931 году весной.

Блаженный Василий РАХОВ

Рахов Василий Осипович был родом из обедневших купцов г. Архангельска. Учился в немецкой школе. Раздал остатки имения бедным. Подвергался преследованиям, унижениям. Я видал его уже человеком средних лет. Зимой и летом ходил он в легкой, очень потертой одежде, всегда без шапки. На ходу благословлял дорогу размашистыми движениями. Рахова можно было видеть после каждой обедни. Он стоял около церковной ограды без рукавиц и шапки и молился там даже в лютые морозы. Большая часть обывателей считала Рахова чудачком. Но его знали и чтили городские бедняки. Через руки Рахова прошли многие тысячи. Богатые купцы Архангельска поручали ему деньги для бедных безконтрольно. Особенно уважала и «верила» в Рахова А. дес Фонтейнес – вдова немецкого коммерсанта, известная в Архангельске своей благотворительностью.

Лет за двадцать до кончины Василий Рахов устроил в Архангельске «на мхах» небольшое общежитие для убогих старух. Там была и молельная комната. «Служил» сам Рахов, старухи пели. Нередко к «раховым» (так называли его «последователей») приходил для совершения молебнов, панихид и т. д. местный архангельский священник. Во дворе домика Рахова находился «Святой колодец». Рахов был зверски убит в двадцатые годы XX века.

*Иверская часовня у Воскресенских ворот
в Москве*

БЛАЖЕННЫЙ АЛЕКСЕЙ СТЕПАНОВ

Блаженный Алексей Степанов был мирской человек из села Ива Пензенской губернии. Умер, когда ему было около сорока лет. Высокого роста, худой, его темные глаза бывали то ласковыми, то серьезными. Борода небольшая, рыжеватая, полукругом. И зимой и летом ходил в лохмотьях. Убогенький был он. Дома блаженный никогда не жил: круглый год ходил по богомолям. Говорил только притчами, а тому, кто верил его словам, открыто. Тайну своих подвигов никому не открывал.

Некоторые насмехались над ним, другие считали его за великого пред Богом человека, но он, когда нужно, обличал. Очень любил блаженный, чтобы его ругали. Бывало, затащит что-нибудь в овраг и ждет: вот, дескать, сейчас поругают, а может, и побьют. Вот любо ему! И в церкви нарочно стоял Алексей не смиренно. Умер он около 1920 года от тифа в доме умалишенных в Пензе.

Однажды собрались его родные ехать на ярмарку, а он и говорит: «Ой, как нога-то болит, надо бы пособоровать...» Сноха думает: «Что он болтает там?» – не поверила ему. По дороге переехало ей ногу колесом, и она очень страдала... А перед войной ходил по улице, собирал хмель: «Это все нам нужно будет, к брани пригодится – защищать».

Он очень любил ходить в женский монастырь «Новенький» в двадцати верстах от Пензы. Как-то раз пробрался он к игуменской келье и положил в окно полыни. «Зачем ты, Алеша, это делаешь?» – спрашивают его монашки. «Полынь горькая, а будет еще горчее полыни», – отвечал он. И верно, монастырь вскоре разогнали, а игуменью арестовали...

Анюта в это время гостила в монастыре и очень скучала о доме. Монашки говорят: «Алеша! Вот у нас Анюта скучает, за ней не едут из дома, об матери скучает». Алеша улыбнулся: «Мать нечего жалеть, мать ее будет покоить». Анюте же сказал: «Уедешь и больше не вернешься сюда». Так и случилось: старушки, у которых жила Аня, скончались, пришла к ней мать, стала с ней жить и покоить ее.

Одна замужня женщина спросила блаженного в насмешку: «Алешка! А мне замуж надо идти?» – «Не знаю уж, куда тебя отдать! У нас, у православных, два раза замуж не выходят. Если только к мордве, к татарве пойдешь, да и те возьмут ли?» И женщина со стыдом отошла от него.

Пришел Алеша как-то в келью к одной послушнице, к хорошей певчей. Взял ее черный платок и разодрал на ленты, а монахиням сказал: «Вы не жалейте ее, у нее их будет два». И верно, когда келью игуменнии грабили, она тоже взяла у нее два платка. Два раза ложился

Алеша к этой послушнице на постель с грязными ногами. «Что вы делаете?» – спросили его. «Будут на ней и не такие грязные лежать», – ответил он. И верно: она потом вела очень нехорошую жизнь и вышла замуж за коммуниста-комиссара...

Записано со слов пензенской инокини Анны 19 октября 1931 года

Блаженный ИОАКИМ

Блаженный Иоаким жил в г. Астрахани, умер около 1900 года. Роста был он высокого, без бороды. Ходил в голубом халате и в голубой шапке, весь обвешанный крестами. Становился всегда на паперти церкви и усердно молился. Женщины, которые ходили к нему домой, рассказывали, что когда они молились с ним, то казалось им, что валится на них гора, то будто их водой заливают. И когда они в испуге крикнут блаженному об этом, то по его молитве все рассеивалось. Монашки за это относились к нему недоверчиво и считали сектантом.

Блаженный ДИМИТРИЙ (МИТЮША)

Блаженный Митюша из г. Вереи роста был среднего, смуглый, ходил бедно одетый. Считали его люди великим прозорливцем.

Записано со слов С. А. Власовой 2 ноября 1931 года

Блаженный ДОКТОР ЕВГЕНИЙ

Блаженный доктор Евгений был очень образованным человеком, но все мирское бросил ради Христа и начал странствовать. Убили его в Германскую войну [часть текста утрачена].

Записано со слов странницы Анны 22 сентября 1931 года

Блаженный АЛЕКСАНДР

Блаженный Александр жил в г. Царицыне, умер около 1901 года.

Чернявый он был, высокий, красивый, лет сорока – сорока пяти. Жил он на паперти церкви Преображения в г. Царицыне. Много известно случаев его прозорливости. Дочери одной женщины он вдруг ни с того ни с сего одел кольцо на палец. Она собиралась ехать домой, но вдруг через две недели вышла замуж. На одних монашек наклеветали другие и подали на них в суд. Шли они на суд и тряслись от страха. Вдруг встретился им по дороге блаженный Саша. Обласкал их, и дал одной баранку, а другой кусок сахара. «Ну теперь все будет хорошо», – подумали монахини. И верно, на суде они не боялись, их оправдали.

Записано со слов м. Анисьи и других сестер 16 октября 1931 года

Лужецкий Рождества Богородицы Ферапонтов мужской монастырь в Можайске

Блаженный ГЕОРГИЙ

Блаженный Георгий жил в Лужецком монастыре¹ Московской губернии. Сколько было ему лет – неизвестно. Старый был очень, седой весь. Ходил всегда босиком. Умер приблизительно в 1919 году, похоронен в Лужецком монастыре.

Записано 17 июня 1932 года со слов Н.

Блаженный НИКОЛАЙ КАШИРСКИЙ

Звал блаженный Николай себя «Анна Ниловна» и иначе не откликнулся на зов людей. Ему было лет сорок пять. Лицо восковое, волосы рыжеватые. Подслеповатый, ходил в очках, с пудреницей и босой. «Я – барыня, и мне попудриться надо», – говорил он. Бегал быстро, наравне с лошадьми. Очень любил поминать покойников. Бывало, скажет: «Покойнички все мне письма шлют, да во сне являются, – значит, поминать их надо!» И каждого провожал до могилы. Прежде чем игумении умереть, он говорил сестрам: «Что же вы коврик не подстелите матушке игумении, она ведь умрет». Она и умерла. Еще до разгона

¹ Ферапонтов Лужецкий Можайский монастырь в честь Рождества Пресвятой Богородицы. Основан в 1408 г. сыном св. Дмитрия Донского, князем Андреем Можайским. Подвергнулся разграблению и опустошению во время польско-литовской интервенции в начале XVII века, пострадал в 1812 году от французских войск. В 1926 году монастырь был закрыт. Возрожден в 1994 году.

монастыря блаженный говорил сестрам: «Очень трудно квартиру-то разыскать, когда выгонят». Умер он Великим постом в Кашире, похоронен на общем кладбище.

Записано со слов м. Сергии в сентябре 1931 года

Блаженный Прокопий

Блаженный Прокопий жил в с. Сулега Бежецкого уезда Тверской губернии. Ходил измазанный, разукрашенный лентами, как лошади на масленицу. Придет к реке, сварит, что набрал, а сам духовные песни поет. Ходил по покойникам Псалтирь читать. Если придет в какой дом и скажет: «Сварите кисельку», – непременно покойник будет. Одной женщине, у которой был богатый и состоятельный муж, Прокопий сказал: «Придется тебе, Дарья, по миру ходить!» Так и случилось впоследствии. Ходил Прокопий в деревне к одной старухе и говорил: «Мариамна! Ты как хочешь, но дом твой мне достанется!» Никто не понял его слов, и только когда он умер, взяли для него гроб у этой старушки, и тут стали понятны слова блаженного. Умер он приблизительно в 1886 году лет семидесяти. Перед смертью сказал: «Я от земли до неба девять сажень¹ не дошел».

Записано со слов м. Евтропии 4 сентября 1931 года

Дурачок

Жил в Новгороде лет за десять до революции один дурачок. Волосы на голове у него были разделены на две половины: одну он охотно давал чесать и мыть, а до другой не позволял дотрагиваться. Вши на этой половине так и кишели, но на чистую сторону не переползали. Эта сторона называлась у него «Счастье России». Скажут ему, чтобы дал их вычесать, а он отвечает: «На Россию великая черная туча идет, пусть же вши за всю вселенную поточат мне голову...»

Записано со слов странницы Анны 22 сентября 1931 года

¹ Сажень – старинная русская мера длины, равная 2, 134 метра.

«ДО ДРОЖИ В СЕРДЦЕ СЛЫШУ РОДНУЮ ЗЕМЛЮ»

БЕСЕДА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА «ДС»

АРХИМАНДРИТА ГЕОРГИЯ (ШЕСТУНА)

С ЗАСЛУЖЕННЫМ ДЕЯТЕЛЕМ ИСКУССТВ РОССИИ,

ДИРИЖЕРОМ ВЛАДИМИРОМ ФЕДОРОВИЧЕМ КОВАЛЕНКО

Владимир Коваленко

Владимир Коваленко родился 9 ноября 1938 года в с. Ордынское Новосибирской области. Окончил Новосибирскую консерваторию в 1964 г., аспирантуру в 1969 г. Проходил стажировку в Венской высшей школе музыки (1973 – 1974) у знаменитого дирижера Герберта фон Караяна. Преподавал в Новосибирской консерватории (1963 – 1967). Дирижер Новосибирского театра оперы и балета (1966 – 1977), главный дирижер Пермского театра оперы и балета (1981 – 1987). Преподавал в Красноярском институте искусств (с 1987 г.). С 1987 по 2011 гг. главный дирижер Самарского академического театра оперы и балета. Среди поставленных спектаклей:

оперы «Сказка о царе Салтане», «Соловей», «Фауст», «Отелло», «Пиковая дама», «Аида», «Гамлет», «Сервилия», «Черевички» и многие другие. Гастролировал в Японии, Австралии и Новой Зеландии, Чехословакии, Италии и др. Заведовал кафедрой искусств Самарского муниципального университета Няяновой, доцент кафедры оркестрового дирижирования Самарской государственной академии культуры искусств (1988 – 1998), Заслуженный деятель искусств РФ (1992).

– Сегодня мы в гостях у дирижера Владимира Федоровича Коваленко. Он человек известный не только в Самаре. В Новосибирске, на его родине, есть замечательный театр, где он проработал много лет. Расскажите, пожалуйста, как складывалась ваша жизнь, как вы пришли в музыку? В какое время и где вы родились. Сейчас много говорят о влиянии среды, о том, что человек с детства «впитывает» окружающую его действительность. У вас уникальные природные данные: абсолютный слух и способность видеть одновременно большое количество партий, не только видеть, но и слышать, потому что без этого не бывает хорошего дирижера. В какой семье вы родились, какая музыка оказала на вас влияние? Что привело вас к выбору музыкального пути?

Владимир Коваленко: Родился я в Сибири в 1938 году, за несколько лет до начала Великой Отечественной войны. До двенадцати лет жил в деревне, учился. Начальная школа, четырёхлетка, ближе к дому была, а десятилетка находилась на другом конце деревни.

Жил я на высоком берегу реки, рядом простирался большой луг, который заливался весной, когда Обь выходила из берегов, и на этом мысе находилась та часть деревни, где был наш дом.

– Деревня ваша как называлась?

В.К.: Ордынск.

– Это какая область?

В.К.: Новосибирская область, Ордынский район. Это была довольно большая деревня. И речка называлась Ордынка.

– Это как-то с Москвой связано?

В.К.: Скорей это связано с татаро-монголами.

– С ордой?

В.К.: Да. Новосибирская область – это недалеко, восточный берег Оби как бы повернут к Алтаю, к Монголии, и поэтому, вероятно, с каких-то очень древних времен эта местность, и деревня, и речка получили такое название. Пожалуй, так.

– И весной, вы говорите, река разливалась?

В.К.: Деревня одной своей частью располагалась на высоком берегу Ордынки, которая впадала в Обь. Между моим домом и Обью расстояние где-то два, два с половиной километра, которое в детстве казалось вообще безмерным. А там, на берегах Оби, заросли тальника, за Обью – дремучий сосновый лес. Деревень в округе было мало, только далеко за лесом, за полями какие-то села, а со стороны Ордынска перед тобой распахивалось необозримое пространство. Вот гора, на которой ты живешь,

дальше заливные луга с озерами, где плавают рыба, и взрослые ставят сети, чтобы её ловить. А налево и направо – безконечное пространство до самого горизонта, до соснового леса на высоком берегу Оби. Думаю, что у всех рек один берег высокий, другой пологий...

– **Земля кружится. Один берег подмывает...**

В.К.: Да. Так вот этот высокий сосновый берег за Обью служил такой красивой облаткой для вида, который перед тобой открывался летом, осенью, зимой во всей необъятности земли и неба.

– **И всё это с душой сопрягалось.**

В.К.: Почему я так много говорю о речке. – Река Ордынка маленькая, извилистая, бежала среди лесов, точнее на востоке это была лесостепь, а перед самой Ордынкой сосновые и смешанные леса. Меня окружали лес, вода, наверху сплошное небо и очень много воздуха. Я помню этот зимний воздух, осенний, летний и солнце во всякое время. Потом, когда начинаешь познавать мир, сталкиваться с проблемами взрослой жизни, то иногда убегаешь в эти леса, на эти берега и там находишь для себя нечто, что помогает тебе выжить и сформироваться в этой жизни, найти свое место, которое мы все так или иначе вынуждены искать.

– **Возвращаешься в детство.**

В.К.: Да, возвращаешься в детство. И у меня было несколько таких отчетливых эпизодов в жизни, когда я там просто спасался. Ко мне опять приходило всё это: запахи, вода, детские купания, рыбалка с удочками на берегу. Когда ты бежишь на рыбалку, у тебя удочка, кусок хлеба, огурец, яйцо на весь день, и ты бежишь, босоногий, по этому росистому полю с высокой травой, и надо обязательно добежать до берега, пока солнце не взошло. Это считалось приметой на счастье – будет хорошая рыбалка, будет хороший день и так далее.

Как ни странно, в детстве это производило сильное впечатление, но ты этого не запоминал: просто жил, видел, все это напивывало тебя, чтобы потом к тебе возвращаться всю жизнь.

– **Есть такие моменты, которые остаются в памяти – самые важные в жизни человека. Сегодня ты их помнишь, завтра будто бы забываешь, а послезавтра вновь вспоминаешь то, что запечатлелось в памяти, легло как печать на сердце, – печать красоты, России, детства, – и человеку этого хватает на всю жизнь.**

В.К.: Да. Вот есть, например, композитор Рахманинов – это абсолютно русская душа, и когда я слышу его музыку, симфонические танцы или концерты для рояля, там так много инструментов, которые говорят

о России! Прежде всего гобой. Два гобоя в терции – это росистая трава в лесу или на полях, это дыхание родины, которое тебя охватывает со всех сторон, и ты это не то что запоминаешь, просто впитываешь. А потом вспоминаешь, познаешь, и это начинает в тебе говорить. Так в Рахманинове я до дрожи в сердце слышу родную землю, Россию, мою Сибирь – и для меня это просто спасительно.

– Расскажите про своих родителей.

В.К.: У отца было большое сердце, и когда началась война, его не взяли на фронт. Он работал бухгалтером. Мама родила двоих детей, меня и младшего брата, и ей пришлось очень нелегко. Тогда существовали хозяйства, и с хозяйств надо было сдавать на фронт продукты: молоко, мясо. Если у тебя на дворе есть овца или теленок – значит, мясо сдаешь; корова, – значит, молоко сдаешь.

– «Все для фронта, все для победы».

В.К.: Да. И большое хозяйство, и двое пацанов на руках. Даже не помню, кем мама работала по специальности, но в молодости она была комсомолкой, откуда-то они переехали вместе с отцом. Отец родом с алтайских краев, потому что он хохол – Коваленко, а мамину фамилию не могу сейчас вспомнить, но она была русской по крови. Отец её был деревенским лекарем и, судя по всему, старoverом. И еще он лечил скот.

– То есть дед ваш был ветеринаром?

В.К.: Да, вероятно. Но он жил не в Ордынске и только на старости лет туда переехал, поэтому я с ним мало общался. А дед по отцу, вероятно, выходец из Украины, участвовал в переселении...

– Столыпинском?

В.К.: Да, столыпинском. Тогда на Алтай в основном ехали: огромные просторы, плодородные земли, выращивали дыни, арбузы, – чего там только нет. Потому что климат резко континентальный.

– Владимир Федорович, как же вы прикоснулись к музыке?

В.К.: Благодаря моему деду по отцу.

– Как его звали?

В.К.: Афанасий.

– Отца, значит, звали Федор Афанасьевич.

В.К.: Да, Федор Афанасьевич. Дед Афанасий был очень известным человеком в тех местах. В 20 – 30 километрах от Ордынки находилась нефтебаза, по Оби возили горючее для нужд окрестных деревень. Нефтебаза, окруженная проволокой, охранялась, чтобы никто не мог поджечь или

испортить что-нибудь, а дедушку назначили директором. У него имелись лодки, сети, даже моторные лодки и подвесные моторы, и к нему из деревни приезжало много любителей рыбной ловли на Оби и на озерах. Я тоже вместе со взрослыми ездил, и многое в памяти осталось. Дед был состоятельный человек и мог купить своим сыновьям гармошку. Когда они подросли, он купил им баян, а гармошку отдал мне. И было мне тогда где-то годика четыре. Мама очень любила петь и стала на гармошке учиться играть, но ей не до музыки было, а я ухватил у нее гармошку и довольно быстро научился играть. И когда взрослые отмечали ноябрьские праздники, Новый год, собирались сослуживцы, я у них был «главным оркестром». Давали мне табуретку, я садился, поджимал ноги, устраивался поудобней и играл на гармошке всё, что пели и танцевали, подбирая на слух советские, военные песни, которые мы и сейчас иногда слушаем, и это стало моим первым шагом к музыке. Сейчас, когда я слушаю песни военных лет, деревенские, бытовые, народные, вспоминается мир, который пришел ко мне тогда из радио, из этой черной катушки.

Пошел на работу я впервые в пять лет, потому что был единственным гармонистом в той части деревни, где находилась начальная школа. Пришел к нам однажды директор школы и говорит маме: «Нам надо, чтобы Володя на Новый год поиграл что-нибудь детям...»

Я пошел, поиграл, а мама потом рассказывала, что я, когда вернулся домой, плакал, потому что детям давали новогодние подарки – свернутые газетные кулечки с самодельными конфетами. Мякиши черного хлеба с сахарином, я так предполагаю. Они были по счету на количество учеников, и мне не досталось, а взрослые не заметили, что я тоже хотел бы такой подарок.

– Ну вы же не ребенок, а гармонист.

В.К.: Когда потом директор снова пришел, мама рассказала, что я плакал, и мне, конечно, дали подарок. Но самое главное, что это было мое первое публичное выступление перед детьми, первыми моими зрителями. Может быть, сейчас смешно и даже непонятно, что я об этом рассказываю, но это был первый мой зритель, первая музыка и мир, который она открывала передо мной.

Потом в деревне проходили олимпиады: все самодеятельные артисты пели, играли, танцевали, и я тоже выходил на сцену и играл, и мне подарили набор из пяти-шести маленьких детских книжечек: стихи, рассказы, сказки. Мои первые книги.

– Сейчас, когда вы слышите эти песни, они опять возвращают вас, наверное, в детство?

В.К.: Да, и самое главное, что в них звучит моя русскость, моя родина, моя земля, и это во мне сейчас отзывается особенно остро и сильно.

Я очень любил с мальчишками играть в футбол на площади перед сельсоветом, где люди собирались на Первомайские праздники. С этой же площади уезжали на фронт машины с бортами: полуторки и трехтонки, – молодых мужчин провожали в армию. А что такое война? «Всё для фронта». Хорошо помню, как мы осенью, когда скот резали, делали для фронта колбасу, а потом на больших сковородках жаривали и укладывали в деревянные ящики. И вязали варежки такие, с одним пальцем...

– Чтобы стрелять можно было.

В.К.: Да. И всё это отсылали на фронт. Очень хорошо помню, значит, я уже к тому времени немного подрос. Это была середина войны, наверное, где-то 1943 год.

– Так как же судьба ваша развивалась? Вот вы гармошку освоили, начались концертные выступления, а потом что? Учились?

В.К.: Да. Потом я баян получил. И когда отец уже перестал работать из-за болезни, мы уехали из Ордынска. Многочисленные родственники отца, его двоюродные братья, сестры – у украинцев была высокая рождаемость – жили, в основном, в Новосибирске. И мы поближе к родственникам стали перебираться.

Я пошел в музыкальную школу и стал учиться играть на баяне, потому что до этого играл на слух. Через год окончил седьмой класс и поступил в музыкальное училище города Бердска – древнего купеческого городка на высоком берегу Оби. Тогда строили ГЭС, и этот городок попадал в зону затопления «Обским морем»¹.

Ордынск тоже частично ушел под воду, и тогда уже было известно, что так будет. Поэтому повод был уехать. Я поступил в Новосибирское музыкальное училище. На гармошке я играл, можно сказать, виртуозно, а на баяне год проучился. Со мной поступали, в основном, ребята, отслужившие в армии, намного старше меня, я был среди них самый маленький и самый молодой. При поступлении я получил тройку, но меня приняли, а потом всю жизнь я получал пятерки по всем предметам, и закончил музыкальное училище на «отлично». За два года до этого в Новосибирске открыли консерваторию, потому что там уже был филармонический оркестр, а еще раньше, в 1945 году, открыли оперный театр, куда требовались музыканты, и в училище надо было кому-нибудь преподавать.

¹ Основная часть территории исторического Бердска попала в зону затопления Новосибирского водохранилища («Обского моря»).

– Конечно, Новосибирск – культурная столица Сибири, там и Академгородок построили.

В.К.: Академгородок тогда только начинал строиться.

– Консерваторию вы закончили по какому направлению?

В.К.: Я поступил на народный факультет по классу баяна: домра, балалайка, баян. На баян было по двадцать человек на место, поступали из Улан-Удэ, Иркутска, Томска. Консерватория одна, набор очень большой, но у меня красный диплом. Со мной училище заканчивал еще один парень, старше меня, который тоже получил диплом с отличием, и для нас в консерватории было два места.

Когда родители уезжали из Ордынска, они продали все, что можно было продать, и прежде всего корову – это самая большая...

– Ценность была.

В.К.: Да. В Бердске были старые деревянные дома с однокомнатными секциями, одну из таких секций получили мы. Маленькая комната, а нас четверо: двое детей и родители. Отец уже лежал, уходил из жизни. Трудно было...

Родители очень хотели, чтобы я учился. Когда я поступил в музыкальную школу, мне купили новый баян, потому что мой был дряхленький. Тула тогда делала очень хорошие баяны. И пришлось родителям отдать за баян все свои сбережения от продажи коровы. Мама где-то подрабатывала, но поскольку отец болел, она была к нему привязана, да и нас с братом двое. Так бедствовали, но баян мне все-таки купили. До какой же степени надо было хотеть, чтобы ребенок учился музыке, чтобы так поступить...

– Это любовь, жертвенность.

В.К.: Да, жертвенность. Родители меня очень любили, я это хорошо знаю. Меня все любили, потому что я гармонист и вообще не конфликтный человек, не драчливый. В футбол играть любил, но такой команды детской, где бы я заводила был, у меня не сложилось. Я как-то одиночно жил, хорошо учился, в начальной школе бывали случаи, когда никто не мог решить задачку или пример какой-нибудь, только я один, – такой упорный. Наверное, это важное качество, потому что когда я начал учиться в консерватории, упорство мне очень понадобилось. Я хорошо учился игре на баяне, и на моем народном факультете был предмет «Дирижирование», поэтому мы, заканчивая обучение, имели право дирижировать народными оркестрами. В Новосибирске, например, на радио был большой государственный оркестр народных инструментов, и они очень много выступали. Поэтому и дирижерская

профессия была востребована. Я учился дирижированию, как и все народники, у очень хороших учителей, дирижеров симфонического профиля – это три дирижера Новосибирского театра оперы и балета и главный дирижер симфонического оркестра филармонии Арнольд Михайлович Кац¹. Учеников было много, все дирижеры преподавали в консерватории как совместители, не на полную ставку, и всем хватало работы. Мы занимались по классической, только укороченной, симфонической программе, потому что для народных оркестров своей программы не существовало. И естественно, у нас были зимние экзамены и весенние сессии, а члены экзаменационной комиссии – все наши учителя, и в течение всего учебного процесса они имели возможность видеть каждого из нас. Довольно быстро меня отметили как человека, который справляется с дирижированием чрезвычайно успешно. Когда я учился уже на третьем курсе, профессор Арнольд Михайлович Кац меня потрепал по макушке в коридоре и говорит: «Володя, ты хотел бы учиться симфоническому дирижированию?» А его еще не преподавали в консерватории. Я ответил «да», ещё не понимая по сути, о чем идет речь, но дирижирование мне нравилось. Речь шла о том, чтобы открыть кафедру симфонического дирижирования и меня перевести на дирижерскую образовательную программу. Через год Арнольд Кац стал первым профессором и руководителем этой кафедры.

В министерстве для меня составили специальную программу, согласовали предметы, которые я изучил как народник, – историю музыки, гармонию, и те дисциплины, которые надо было еще изучать, например, оркестровку для симфонического оркестра, особый курс гармонии, полифонию. Этих предметов на народном факультете не было, я их осваивал параллельно с тем, что уже знал.

Таким образом, после третьего курса консерватории по классу баяна, я поступил на первый курс симфонического дирижирования. Поэтому срок обучения у меня оказался на два года дольше.

– То есть на этом факультете вы первым студентом были?

В.К.: Да, я был первым, а потом, когда я окончил обучение, открыли аспирантуру, и я стал первым аспирантом. Но рассказывать об этом подробно нет смысла.

– Где вы дальше совершенствовались?

¹ Арнольд Михайлович Кац (1924 – 2007) – советский, российский дирижер, педагог. Народный артист СССР, основатель Новосибирского академического симфонического оркестра.

В.К.: Потом была работа в театре оперы и балета. За два года до окончания консерватории я уже преподавал дирижирование на народной кафедре. Когда окончил консерваторию, для меня работы не находилось. В министерстве мне предложили поехать в Якутск, где существовал симфонический оркестр, но было очевидно, что мне там нечего делать. Я молодой, неопытный, и здесь, в Новосибирске, я мог продолжать расти в профессии. Поэтому я остался и еще два года преподавал дирижирование в консерватории. А потом так получилось, что мне предложили дирижировать в театре «Лебединое озеро» – практически без репетиций, только со скрипачом была репетиция. Он исполнял сложное соло, и мне надо было знать, как у него получается. Мне доверяли, поскольку я два года работал в театре суфлером и стал там «своим парнем», обо мне шла хорошая слава.

Полифонию мне преподавал местный композитор, Муров Аскольд Федорович¹, который достаточно долгое время руководил областным союзом композиторов. Он меня хорошо знал. Когда готовилась премьера его второй симфонии, дирижировать должен был Арнольд Михайлович Кац, но у него в Москве случилась беда с мамой, требовалось его заменить и продирижировать. Композитор, Аскольд Федорович, пригласил меня и говорит: «Володя, я хочу, чтобы ты попробовал продирижировать это, если пожелаешь. Завтра утром, в день концерта, последняя репетиция. Конечно, если ты не возьмешься за это дело, я выйду сам, я композитор, музыку знаю, махну рукой – музыканты как сыграют, так и сыграют. Но у тебя есть сутки. Вот партитура, если хочешь, возьми ее, познакомься. А завтра утром на репетиции станет понятно, получится у тебя или нет. И если ты, допустим, оплошаешь, я уж тогда без репетиции вечером выйду, потому что мне это запросто. Современная музыка, ее никто не знает, – вот, полистай».

Я полистал, пришел к нему вечером и спросил: «А почему тут так, а здесь вот так?» Он говорит: «Вообще, ты молодец. Задаешь вопросы, которые мне никто раньше не задавал, даже Арнольд Михайлович. Это меня успокаивает. Значит, что-то “шуропишь”. Утром выходи на репетицию с оркестром и давай смелее. Я буду рядом». Одним словом, я вышел, продирижировал, мне похлопали, все нормально. Но когда я дирижировал вечером, мне устроили настоящую овацию в зале. В деревне у меня была одна публика, а тут – настоящая премьера в театре. Самое смешное, что во втором отделении тоже был концерт из музыки Мурова,

¹ Муров Аскольд Федорович (1928 – 1996) – советский композитор, один из основателей сибирской композиторской школы.

но уже квартет. Квартет состоял из классных музыкантов, один из них, дирижер театра И. Г. Чудновский, прекрасно играл на альте – это струнный инструмент, без которого квартет не обходится. Он тоже исполнял музыку Мурова и для него, как и для меня, это была премьера, но я не осмелился потом подойти к этим взрослым людям, чтобы их поздравить. А оказалось, что я так понравился этому дирижеру Чудновскому, что он даже обиделся, что я не подошел к нему после квартетного второго отделения, не поблагодарил его и не поздравил. Но я-то считал, что не дорос еще до этого, и очень удивился, что кому-то интересно мое мнение. К нему я подошел гораздо позже, а тогда мне просто передали: «Что же ты не подошел?»

– Застеснялся.

В.К.: Вот так. Но дирижировать мне никогда не было стеснительно.

– Вы начали говорить про «Лебединое озеро». Этот концерт состоялся раньше или позже?

В.К.: Этот концерт был раньше, поэтому обо мне в театре уже немножко знали. Театральные музыканты обычно редко ходят в филармонию, у них своя жизнь, но в Новосибирске такой большой театр оперы и балета, что там есть место и для симфонического оркестра, и для концертного зала, и все под одной крышей. Фойе расположено вокруг самого корпуса театра, потому что он спроектирован, как римский Колизей. За основу взяли архитектурный проект, который выиграл на конкурсе в 30-е годы.

Работая в театре суфлером, я все время ходил по оркестровой яме, там находился коридор в суфлерскую будку, меня музыканты видели и знали, кто там ходит, и я запросто бегал на симфонические концерты.

И вот когда я вышел дирижировать «Лебединое озеро», все сидели напряженные – что будет? А во вступлении есть такой маленький эпизод, когда вступают трубы и тромбоны, и я как повернулся к ним, – а я очень много занимался руками, тогда в стране школа дирижерская процветала, и учили очень хорошо. Я ученик И. А. Мусина, создателя ленинградской дирижерской школы, человека, который просто бог и царь для дирижеров, он написал очень толстый учебник по дирижированию¹. Таких учебников в мире больше не существует, потому что только в России всё делали добротнo и подробно расписывали на бумаге, как руку поставить, как локтем двинуть... И вот я как повернулся, двинул локтем, да как сделал такой жест богатый – мол, ну-ка давай! И весь оркестр, трубы – я прямо почувствовал, как все выдохнули – ууухххх – кульминация, такой сильный музыкантский эффект. И я понял, что не пропадем, что

¹ Мусин И. А. Техника дирижирования.

все получится. Продирожировал я спектакль очень хорошо. У меня только одна была проблема – надо балет видеть и знать, когда вступать и в каком темпе дирижировать. Поэтому я пошел на репетицию в балетный зал, там классные концертмейстеры, пианисты отлично знали все движения, и после репетиции одна из них – Татьяна, не помню отчество, все рассказала: когда кто выходит, прыгает, когда и что я должен сделать. У меня оказались еще и хорошие визуальная память и чувство движения, поэтому я всего несколько оплошностей допустил, но мне это простили для первого раза. А в последнем антракте, то есть после второго акта, меня пригласили в администрацию и сказали, что с завтрашнего дня я буду работать ассистентом дирижера. Я даже не знал, радоваться мне или печалиться, а впереди у меня еще был третий акт.

Мне сказали, дескать, иди, дирижируй, а мы больше не будем смотреть, нам всё уже понятно, завтра оформим документы. Поедешь осенью вместе с балетом в Японию. Вы представляете, что на меня сразу свалилось? В Японии в то время никакие туристы не бывали, только дипломатические работники.

– **Железный занавес.**

В.К.: Да. А тут с балетом прямо в Японию, мы тогда семь городов объехали. Но это особый разговор.

– **Как вы дальше совершенствовались в профессии?**

В.К.: Стал работать, очень много дирижировать. Менялось поколение дирижеров, и я был очень нужен. Мне говорят: «Володя, ты можешь сегодня продирижировать оперу “Дон Карлос”?» И я никогда не отвечал «нет», хотя, может быть, и партитуру всерьез не открывал, – а теперь мне надо было её открыть, полистать до вечера, потом выходить и дирижировать. Так было и с балетом, и с оперой. Например, «Риголетто» – это очень непростая опера, а «Дон Карлос» – это вообще гигантская партитура.

– **Что такое партитура?**

В.К.: Партитура – это книжка, букварь. Вот я сейчас про нее и расскажу. Дирижерский букварь – это очень большая толстая книга, где-нибудь в 300 – 400, а то и 500 страниц. Гигантские листы, где написаны строчки, их иногда 20, иногда 30, иногда 32, в зависимости от состава оркестра.

Каждому инструменту дается своя строчка, а строчки расположены по пять штук, чтобы хоть как-то можно было их различать. И вот – пять строк, еще пять, и еще пять, – глаз привыкает, и ты по этим пяти маленьким строчкам, как по линейкам, легко ориентируешься и хорошо знаешь, где кто...

– Значит строчек столько, сколько музыкантов в оркестре, и всё это надо видеть и слышать.

В.К.: Да, для каждого музыканта своя строчка. А есть еще так называемая «дивизия», то есть дополнительное разделение, когда много инструментов. Допустим, первые пять строчек, и на первой строчке написаны ноты для первого музыканта, и тут же во второй дивизии идут ноты для второго музыканта. Таким образом, на каждой строчке этой пятистрочной линейки могут быть ноты для двух инструментов. А всего инструментов бывает очень много. Правда, случаются и строчки, где мало нот, не все же инструменты постоянно звучат.

– Понятно. Так сколько же дирижер максимально может этих строчек читать?

В.К.: Тридцать две, тридцать четыре, а если «дивизия», то есть разделение, то ещё больше.

– Вы тридцать четыре строчки сразу видите и слышите тридцать четыре инструмента?

В.К.: Да. Причем там же еще каждый инструмент в своем ключе. Что такое ключ? Когда скрипка играет, то у неё один ключ, в котором ноты написаны, и нота «до» в ключе для скрипки, для тромбона, который играет в другом ключе, уже совсем другая нота.

– Думаю, мы не будем сейчас углубляться.

В.К.: Да, это очень сложная система.

– Дирижер, значит, должен обладать какими-то определенными профессиональными качествами, например, слышать каждый инструмент в оркестре, видеть партию каждого инструмента.

В.К.: Видеть партии даже более важно, чем слышать.

– Вы сколько строчек могли читать одновременно?

В.К.: Тридцать шесть. Это делается самым примитивным способом. Есть одна группа музыкальных инструментов, например, деревянные духовые инструменты (флейта, гобой, кларнет, фагот), и для них своя акколада – такая скобка, которая связывает эти четыре партитурных строки. Потом есть медные духовые (валторны, трубы, тромбоны) – и у них своя акколада.

– Какая система уже идёт.

В.К.: Да, система. И поэтому ты иногда можешь читать уже не все 32 строки, тебе достаточно знать каждую группу. А там еще есть ударные инструменты, арфа...

– Давайте теперь перейдем к составу оркестра. Это же большой коллектив.

В.К.: Человек шестьдесят минимум. А в большом академическом симфоническом оркестре в Новосибирске почти сто человек.

– У каждого человека свой характер, свой нрав, свое послушание и непослушание, свое настроение.

В.К.: Да.

– Вот вы говорили что один раз так повернулись, что музыканты все разом грянули. Как важно это умение управлять большим коллективом. Без дирижера какофония начинается, хотя музыканты все профессионалы, у всех ноты. Наверное спектакль продирижировать или произведение большое – это килограмма три-четыре сбросить?

В.К.: По-разному бывает. Но в молодости я так отчаянно дирижировал: возбужденно, радостно, всё время улыбался.

– На себя внимание привлекали.

В.К.: Я всегда улыбался. У нас там была такая зрительская ложа, куда пришел как-то раз Арнольд Михайлович посмотреть на меня, а потом спрашивает: «Ты мне объясни, почему ты все время улыбаешься? Ну не вся же музыка веселая!» Я ошалел от такого вопроса, а потом стал думать, – я же не вижу, что улыбаюсь, просто работаю.

– Просто радовались, наверное.

В.К.: Вот именно, оттого что работа была мне в радость. А когда чувствуешь радость, многое можешь, видишь, слышишь, успеваешь. Одному дирижируешь, ругаешься: «Что ты творишь?!», – а другим в это же время: «Вы там то-то и то-то делайте», – а сам продолжаешь дирижировать. Когда руки помнят, они могут делать очень много. А если иметь в виду, что музыканты разделены на группы: тут сидят одни струнники, там другие, контрабасы, фаготы, кларнеты, тромбоны, труба, валторны, – и каждой группе хотя бы показать вступление, – это сколько рук надо иметь. Вот для того и учили меня по системе питерской школы, чтобы я мог делать всё это ловко: кому кулак показать, кому сказать: «Тише, тише... А ты вообще заткнись – громко играешь и вообще не туда!»

В нашем театре оперы и балета до того, как его отреставрировали и перестроили, были две боковые ложи над оркестровой ямой.

– В Самаре?

В.К.: Да, в Самаре. Там по правую сторону была ложа, куда пускали некоторых зрителей, и очень многие потом мне говорили: «Мы специально туда приходим, чтобы посмотреть, как вы дирижуете». Потому

Самарский академический театр оперы и балета

что из этой ложи хорошо видно, как я иногда ругаюсь, иногда делаю то, что из зала не заметишь. Когда я только пришел в театр, барьер за спиной был еще не такой высокий, и я стоя дирижировал.

– Я вас тоже видел еще тогда.

В.К.: Вот-вот... И сзади видно, как я там поворачиваюсь, кулаком кому-то погрожу, еще что-то там сделаю... Понимаете?

– С любовью все это делали?

В.К.: Конечно! Так я, когда сильно ругался, то потом, на репетиции, говорил оркестрантам: «Вы меня простите, Христа ради, потому что во мне некий огонь горит, если я его буду тушить, я разорвусь, поэтому, когда я вас ругаю (я на репетициях особенно ругаюсь) – это не от того, что я на вас злоюсь или не люблю вас, или хочу как-то унижить, нет, вы меня поймите правильно, я должен зажечь и вас, разбудить вас. Потому что, когда вы приходите на репетицию и только еще садитесь около меня, я в этот момент смотрю на вас и вижу: вот этот еще в трамвае едет, кларнет свой в трамвае везет, а эти вообще отсутствуют. Вас нет, а мне надо, чтобы как только я поднял руки, вы все до единого были здесь, и видели, когда я начинаю дирижировать». А в последние годы я уже только по тому, как скрипачи прикасаются к струне, слышал, кто

из них здесь, а кто еще в трамвае едет, обремененный своими заботами, которых, конечно, очень много.

– Так и на молитве. Как некоторые проповедники сами прихожанам говорят: «Ты был в церкви?» – «Был!» – «А я тебя не видел». – «Так я же стоял!» – «Ты стоять-то стоял, но при этом ты отсутствовал».

В.К.: Вот-вот, прямо относится к той ситуации, потому что общение с людьми, с духовной составляющей человека, – это сродни молитве.

– Слышал, что вы в свое время еще и в Австрии побывали.

В.К.: Да, через несколько лет работы в Новосибирске меня уже на звание представили, но тут выяснилось, что рано, потому что я еще десять лет не проработал.

– Тогда за выслугу давали, так?

В.К.: И за выслугу, в том числе. Приезжали в Новосибирский театр на просмотры представители министерства, инспектора, они же подводили итоги, это был как бы некий надзор министерский. В Министерстве культуры очень хорошо знали, что я много дирижирую, меня и «пожарным» называли, потому что «загорелось» где-нибудь, заболел, например, дирижер, значит Коваленко наверняка выручит. И мое имя возникло в связи с существовавшими тогда караяновскими стажировками в Вене. Герберт фон Караян¹ – австрийский дирижер, мировая звезда, но в то время он оставался еще и действующим дирижером, и авторитет у него был большой. В его дирижерские классы отправляли, в основном, московских ребят, потому что у кого-то папа в министерстве Союза, у кого-то в комитете каком-нибудь, в общем...

– Имели возможность

В.К.: Имели возможность ездить. А тут кто-то отказался ехать, и надо было срочно замену найти. Вспомнили про меня и решили послать.

– Из Сибири!

В.К.: Да, из Сибири, тем более из Сибири да сразу в Вену. Ну про это рассказывать долго... Там была целая история с оформлением документов, кому-то понадобилось меня, как бы так сказать, отодвинуть... Я-то маленький был, вообще не взрослый, но стал на всякий случай немец-

¹ Герберт фон Караян (1908 – 1989) – выдающийся австрийский дирижер, пожизненный директор Берлинской филармонии, организатор знаменитого Зальцбургского фестиваля, превратившего Зальцбург, город Моцарта, в мировой центр музыки. Не менее значительным вкладом в славу Австрии как музыкальной державы стала его программа по выявлению молодых талантливых дирижеров. Он основал специальный благотворительный фонд и регулярно проводил конкурсы дирижеров. Самые талантливые из них получали право на стипендию и стажировку в лучших оркестрах мира.

кий язык учить, потому что как без языка туда ехать? В общем, кончилось все благополучно. Кто-то из влиятельных людей Новосибирска поехал в Москву, помог. Так партийная верхушка в Новосибирске решила, когда выяснилось, что надо помочь «нашему парню».

– Да, своего человека продвигать надо.

В.К.: Первый секретарь обкома Новосибирска ходил на все спектакли, у него были любимцы, певцы, он всем рассказывал, что он вообще в Большом театре в хоре пел, и он меня принял, сказал: «Ладно, Володя, не волнуйся. Я позволю куда надо, и все у тебя будет в порядке, документы пока отложили». В общем, поехал я в Вену и год учился дирижированию. Система обучения там не индивидуальная. Сидит профессор, читает, – Караяна я не так часто видел, потому что он уже работал в другом месте, но он в Вене бывал, и традиционно эта стажировка называется караяновской. Там наши ребята, из Москвы, тот же Китаенко¹ был, по-моему, чуть ли не первым. Обучение там, конечно, совсем другое.

– Другая система?

В.К.: Другая, там читают лекции, разбирают партитуры, делают анализ, в том числе и дирижерский, который у нас тоже делают, но там одна особенность: они очень тщательно разбирали организационную структуру сочинения, то есть форму, как это всё следует делать. В партитурах написаны знаки, так называемые метрономы – скорости, по которым всё делается, потому что если ты в заданной скорости играешь – это одна музыка. Если же ты считаешь, как некоторые: «А мой гений мне велит быстрее...», – то невольно от замысла композитора уходишь.

И вот когда я там отучился, этого оказалось достаточно, потому что были какие-то контакты и с Караяном, его самого слушал и записи его. Обычно мы, очень многие, учимся по записям. Например, Караяна я знал по записям. Клаудио Аббадо, великого итальянского дирижера, я тоже считаю своим учителем. У Каца я практически дирижированием занимался, но у меня был и другой учитель, Жоленц Аллан Исаакович², оперный дирижер, он меня оперному дирижированию учил, но я ходил и на репетиции к Кацу, как на работу ходил и учился всему, чему можно было у него научиться. А из Вены я вывез весьма полезное для дела умение строить форму сочинения, что очень важно, хотя объяснить на словах это трудно, формой занимаются преимущественно

¹ Дирижер Дмитрий Китаенко в 1966 – 1967 годах стажировался в Венской академии музыки (ныне Венский университет музыки и исполнительного искусства), посещал семинары Герберта фон Караяна.

² Жоленц Аллан Исаакович (1911 – 1986) – скрипач, дирижер, педагог. В 50 – 60-х годах дирижер Новосибирского театра оперы и балета.

пианисты. Пианист может где-то и нарушать метрономы, потому что он свою форму в большей степени сам строит, но все равно композитор проставляет все скорости. А вот для массового исполнения музыки, если я не буду хорошо строить форму, внедрять ее изначально в играющих и поющих, чтобы они привыкли к ней, то потом держать исполнение на плаву очень трудно.

– Слушая вас, я, не музыкант, понимаю, что форма – это попытка аутентично передать замысел композитора. И вот сейчас вдруг вырываются на свободу те, которые присвоили себе право самовыражаться за счет гениев. Каждый из них считает, что он вправе, взяв какое-то классическое произведение, будь то спектакль или музыкальное произведение, переиначить его содержание и смысл, и даже вот какие-то у них и метрономы свои. А что у него, у этого якобы творца, за метрономы.

В.К.: По поводу метрономов. Бытует в среде музыкантов такое мнение, что метроном – это для дураков, мол, своего чувства такта нет, так он метроном заводит, а под метроном и дурак промахнет, а вот мой гений, он нуждается в собственной интерпретации. Хотя на самом деле взять правильные метрономы и правильно их реализовать, именно реализовать – для этого очень большое мастерство требуется, и не только дирижера, но и пианиста. То есть школа для оперного театра очень важная, потому что в оркестре могут «под руки» сыграть любые скорости. Нравится это кому-то или не нравится, но в оперном исполнении такое умение необходимо.

– Все же композитор закладывает метроном?

В.К.: Конечно.

– То есть дирижеру, исполнителю в какой-то момент требуется послушание великому композитору, во всяком случае, не ставить себя выше него, да?

В.К.: Да.

– Но обычно мы имеем проявление пресловутой творческой свободы: «А у меня выше, лучше, я больше соображаю». Ну и создай свой спектакль, напиши свою музыку, оперу и с любым метрономом играй...

И все же давайте перейдем к музыке. Вы о русской музыке прекрасно говорили, о Рахманинове. Вот все же есть отличие музыки народов Европы от русской музыки? Вы можете сравнить?

В.К.: Батюшка, у всех свои национальные свойства, это же как разные характеры, так и музыка. В итальянской музыке живет итальянец

с его темпераментом, чувствительностью, а если это немецкая музыка, в ней живет старательный и четкий, хорошо организованный немец. Австрийская ближе к итальянской, она более теплая, в ней какой-то свой дух. В китайской музыке китаец, а в русской – русский. И так везде. Почему нас на Западе не понимают, не принимают? Тысячелетиями, можно сказать, мы у них поперек глотки стоим, потому что мы живем не так, как им надо. Они живут отлично, прекрасно, хорошо, но русский так не может, у нас пространства другие. То же самое и в музыке. Вот русская симфоническая музыка, оркестровая или оперная – она другая. Как-то мне однажды пришлось выступать, – по-моему в семинарию вы меня пригласили, – по поводу «Ивана Сусанина», я там что-то такое говорил, и вдруг сам осознал, что «Сусанин» – это первая опера Глинки, первая его опера.

– «Жизнь за царя»¹?

В.К.: Да, «Жизнь за царя». И она у Глинки самая лучшая. У него их немного, еще «Руслан и Людмила», да, по-моему, и все. Но русские пишут оперы не так скоропалительно, как Доницетти, например, потому что русский дух нуждается в основательной внутренней работе. Итальянский композитор очень часто записывает то, что звучит у него в душе, записывает быстро и хорошо, и он может за месяц-два, написать новую оперу. Был и у нас, правда, единственный, Петр Ильич Чайковский, который «Пиковую даму» мог написать за несколько месяцев, но он плакал над своими героями, а плачущий подобен итальянцу, можно так условно сказать, у которого в душе все озвучено, и он только успевает записывать. А вот что касается оперы Глинки «Иван Сусанин», то это пример, насколько тщательно и своеобразно работают физическая и эмоциональная составляющие человека, пишущего музыку. Он, конечно, сочиняет все подспудно, но во времена Глинки не ходили поезда, не летали самолеты, надо было ехать на лошадях... И он едет до Парижа, сколько-то там недель, а внутри у него звучит музыка, и потом он обмолвится где-то в письмах или воспоминаниях: «Вот сочинил то-то». Значит, за всю поездку в Париж и обратно он сочинил «Ивана Сусанина» в общих чертах. Оставалось только записать, оркестровать, с певцами разобраться, потому что какая-то партия персонально пишется на исполнителя и надо...

– Здесь напрашивается слово «сочинение», вот, мол, сочинил.

¹ «Иван Сусанин» – авторское название оперы М. И. Глинки. Название «Жизнь за царя» было предложено Николаем I.

В.К.: Извините, что я вас перебиваю, но я, собственно, и начал с того, что у нас принято говорить, что вот он творец, он сочинил, а ведь есть еще и другая позиция по этому поводу, что сочинитель берет информацию как бы от Господа Бога...

– **Вдохновение...**

В.К.: Вдохновение его посещает. Хотя Чайковский говорил: «Вдохновение, оно ведь стулом обеспечивается. Вот садись каждый день на стул и одним местом “прилипай”, и оно к тебе придет». Может быть, не каждый день, но это тот способ, которым человек берет истинное от Творца, информацию. Я думаю, что если говорить о каком-то первоначальном, основном лице музыки вообще, итальянской там, немецкой или русской, то наиболее причудливо работает составляющая духа, потому что композитор может быстро сочинить, но он должен сначала перелопатить все, и как бы отлить ту единственную форму, которая соответствует содержанию.

– **Как различение Духов есть¹: что-то Божественное в этом есть, а что-то от меня, человеческое...**

В.К.: Да! Вот почему я вспомнил Рахманинова, потому что Рахманинов – это первое и единственное лицо для меня, которое русским сердцем, русским духом полнится, и я узнаю в нем всегда душу, мне чрезвычайно близкую... и это не только я, это могут сказать многие другие.

Валерия Павловна Навротская, далее В.Н.²: А можно я тебе напомню? Ты как-то говорил, что русский пишет глобально, когда он берет глобальные темы, а Запад, он барахтается в страстях.

– Нет, здесь дело даже не в этом, Валерия Павловна, здесь, наверное, главное в том, что для итальянца или австрийца и опера, и музыка – это один из видов развлечения. У нас же композитор за легкую развлекательную музыку просто не брался, он брал какую-то насущную тему...

В.Н.: Дунаевский брался.

¹ *Возлюбленные!... испытывайте духов, от Бога ли они (1 Ин. 4,1). Дары различны, но Дух один и тот же <...>. Одному дается Духом слово мудрости, другому слово знания, ... иному вера, ... иному дары исцелений, тем же Духом... Все же сие производит один и тот же Дух, разделяя каждому особо, как Ему угодно (1 Кор. 12, 4, 8 – 11).*

² Валерия Павловна Навротская – супруга Владимира Федоровича Коваленко, – главный хормейстер Самарского театра оперы и балета, педагог, заслуженный деятель искусств РФ (1986). Сопостановщик практически всех оперных спектаклей и оперетт театра. С 1993 по 2001 год художественный руководитель Самарского камерного хорового театра. С 1974 года преподаватель кафедры хорового дирижирования СГИИК. Одна из инициаторов создания и художественный руководитель детской экспериментальной музыкальной хоровой школы при Самарской театре оперы и балета. В 1980 – 90-х – член правления Самарского отдела Союза театральных деятелей РФ. С 2000 г. руководитель женского камерного хора «Людмила». Педагог Самарского муниципального университета Наяновой с 1996 г.

Художественный руководитель женского камерного хора «Людмила» Валерия Навротская

– Ну мы же говорим о серьезной музыке, я думаю, что здесь, как уверуешь, как живешь, так у тебя и музыка поет. Вы говорите, что сейчас пытаются все серьезные произведения играть на легкий лад и объясняют это тем, что классическая музыка в свое время была развлекательной. В свое время на Западе и в оперу, и в театр ходили для развлечения. А в храмах мессы служили под особую музыку. Наши же композиторы начинали писать Литургии, Всенощные бдения, то есть они слышали здесь звучание родины, звучание своего сердца. Чайковский находил эти мелодии в народных песнях. Вот вы говорите, что наша природа, величие Руси слышатся у Рахманинова. Но многие наши композиторы писали церковные произведения. «Всенощная» Рахманинова, «Литургия» и «Всенощная» Чайковского...

В.К.: Да, у Рахманинова много духовной музыки.

– Понимаете, в своем творчестве они шли, шли, шли и подошли к роднику, то есть они как бы по реке какой-то шли, поднимались и дошли до истоков...

В.К.: Вот Свиридов. Это абсолютно русская душа. В наше время, когда все изощряются как могут, только Гаврилина да Свиридова и можно поставить рядом с Рахманиновым.

– Это мелодии Неба, мелодии Руси...

В.К.: Да, составляющей народного духа.

Вы затронули немножко западную музыку. Вот есть Моцарт, допустим...

– **Есть такой.**

В.К.: Он по заказу писал. Но это были для него относительные тиски, если можно так сказать, потому что все, что он писал, он писал как Моцарт. Возьмите, допустим, «Польку» Рахманинова, «Детский альбом» Чайковского. Каждый, по-настоящему талантливый композитор, может писать все качественно, но Моцарт, он как бы служебную музыку писал. Вот теперь на нее, на эту музыку, на его оперы ставят спектакли. Сегодня показывали по телевизору, как поставили в «Санкт-Петербург Опера» «Свадьбу Фигаро». И оформление, и костюмы, и поведение в стиле барокко, а музыка, она как бы составляющая, то есть нет музыки Моцарта в чистом виде, а есть музыка в барочном стиле.

В.Н.: Музыка времени.

В.К.: Да, музыка времени. И это считается таким нужным, современным, обязательным для того, чтобы мог другой, условно говоря, «творец» оперы – дирижер, композитор или режиссер, которому надо проявить себя, свое лицо и показать при этом, как Моцарт «отстал от жизни» или там, я не знаю, – Чайковский «отстал от жизни». Громкая история с оперой того же Вагнера в Новосибирске – из той же «оперы».

– **«Тангейзер»¹?**

В.К.: Да, «Тангейзер». И вот сделали то, что сделали, я не буду это комментировать.

– **Да кощунство просто.**

В.К.: Да, кощунство. И с Вагнером разделались как захотели, но мне бы хотелось закрыть эту тему.

– **Хорошо, Владимир Федорович, тогда расскажите, как вы в Самару попали?**

В.К.: Приехав из Вены, я по-прежнему стал в Новосибирске работать, но имя мое, оно выскочило на какие-то другие линейки, ведь все понимают, что если ты в Вене был, значит, тебя не напрасно туда послали, и оттуда ты что-то еще взял и привез. К тому же, если ты в дирижировании практичен и работаешь в таком городе, как Новосибирск, который всегда был одним из культурных центров страны.

– **Ну это же столица Сибири!**

¹ В декабре 2014 года известный режиссер Тимофей Кулябин осуществил постановку оперы Р. Вагнера «Тангейзер», которая оскорбила чувства верующих и стала причиной конфликта в обществе. В марте 2015 года оперу сняли с репертуара Новосибирского театра.

В.К.: Да, столица Сибири. И если человек там работает, значит, он знает репертуар. Достали дело, поинтересовались, позвонили из министерства. И вот как-то утром стук в дверь, открываю, стоит человек, представляется: «Я директор одного из провинциальных театров на Волге, у нас проблема. Хочу с вами поговорить». – «Проходите». – «Хотим вас пригласить главным дирижером, потому что вы то-то и то-то, и у нас возникла идея пригласить вас к себе». Ну я, конечно, из Новосибирска туда не поехал. А вот когда речь зашла о Перми, меня это заинтересовало, тем более, что когда я вернулся в Новосибирск, мне стали говорить: «Зачем ты уезжал отсюда? Ты был бы сейчас народный-разнародный...», – а я после Вены другим стал, мое ухо внутреннее было уже по-другому выстроено. В Новосибирске гигантское здание оперы, как в Кремле Дворец съездов, сцена примерно такая же, и там нельзя оперу ставить и показывать, – очень большой объем звука и надо работать «крупным помолом» при весьма сложной акустике. А я, вернувшись из Вены, чувствовал, что должен другую музыку делать, и сразу кинулся на предложение пермяков. Но я тогда был совсем зеленый, как бы не совсем еще взрослый человек.

– Вы были не взрослый, но молодой взрослый.

В.К.: Ну да, молодой взрослый, может быть, очень талантливый, ведь я наизусть дирижировал «Кармен» и «Аиду», и вообще дирижировал очень много, мне надо было понять, – что это такое, почему люди наизусть дирижируют? Тогда была мода такая, все дирижировали наизусть. А в Америке так вообще, если ты не знаешь свою программу наизусть, контракт с тобой не будут подписывать. И я в Перми дирижировал наизусть, мне было действительно очень интересно это делать, но при той нагрузке, которая приходится на главного дирижера, а там ведь еще и организационные, и прочие дела, просто невозможно оказалось все это совместить. Я там очень активно и, можно сказать, немножко ругательно работал, потому что выяснилось, что когда я стал ругаться на музыкантов «по заслугам», то, конечно, почувствовал, что они...

– Ну не ругаться, а строго относиться?

В.К.: Да, потому что я всегда относился к взрослому человеку с каким-то заведомым уважением, и мне было очень трудно поначалу даже делать оркестрантам замечания. А вот когда я стал строжиться, кулаком стучать, то мне кто-то сказал: «А что ты так давно не ведешь себя? Мы нуждаемся в том, чтобы с нами работали». Значит, от взрослого человека, от взрослого артиста, вероятно, требуется какой-то другой энергетический посыл, инструментарий какой-то другой, и им нужно поль-

зоваться. Там я, конечно, много и хорошо работал, но сразу появились жалобщики в обком: бегают к третьему секретарю по культуре и говорят: «Он мне петль не дает, он на меня ругается». Там был «бас», который немножко заикался, отличный мужик, очень простой, сердечный, и вот он говорит мне: «Ты извини, я вчера ходил в обком, обложил тебя с ног до головы, вот...» Спрашиваю: «Что же ты ко мне пришел тогда?» А я никогда не злился за такие вещи. Люди есть люди. Ты только пойдешь в обком, скажи, что ошибся. Ну, что-нибудь сделай, потому что мне шею-то мылить будут, и очень крепко. И вот так кто по добру, кто не по добру, в конце концов на меня накатило очень много, кого-то я там, может быть, незаслуженно обидел, одним словом, мне сказали, что твое время здесь заканчивается. Значит, слишком много на меня жалоб накопилось.

– Советская действительность. Слишком много вы хотели от людей, больше, чем они могли дать, наверное? Нарушили покой.

В.К.: Ну да, да. Одним словом, по молодости я не готов был чем-то поступаться, мне думалось, что я, как в Новосибирске: работал и работал бы всю жизнь, а в Перми оказалось, что нет: я себя люблю, я себя понимаю, а другие-то люди меня не все любят, не все принимают и понимают, в том числе там, наверху. Ну и голова у меня стала чесаться... В конце концов помогли мне, и я уехал в Красноярск. Там уже другая история, и я немножко другой, но все равно я остался самим собой. В Красноярске у меня был хороший партнер питерской школы – главный режиссер. И в конце концов он со мной стал воевать, пришло время, когда я снова стал искать другое место, но и Красноярск меня очень многому научил.

– Но все же это что было? Неопытность?

В.К.: Конечно!

– Или несоответствие уровню?

В.К.: Нет-нет, не в уровнях дело, совершенно не в уровнях. Допустим, приглашает меня на разговор третий секретарь Красноярска по культуре. Вот, говорит, тут есть кабинет тихий, садись, вот тебе бумага и карандаш, давай отвечай на эти письма, жалобы. У нас так принято. Закрою тебя, ты сиди, пиши. Напишешь, выпустим. А для человека такого склада, который всё время живет музыкой, она держит его со всех сторон и заставляет, в свою очередь, требовать с оркестрантов и где-то ругаться, всё это, конечно, было суровой школой жизни, и я решил для себя – всё, больше не буду...

– Ругаться?

В.К.: Не буду больше никогда главным дирижером. Потому что там надо то в детский садик устроить детей, то еще что-нибудь, и все идут к главному дирижеру, всем я должен, – нет, не моё это. И я сказал: «Всё». А тут после Красноярска «вынырнула» Самара.

В.Н.: Мы в том году уехали на гастроль без дирижера...

В.К.: Здесь был хороший директор тогда, Виля...

В.Н.: Вильям Семашко¹.

В.К.: Бывший певец, он только начинал работать директором.

– **Как его звали?**

В.К.: Семашко. Может быть, знаете, его жена, Семашко, продолжает работать, а Виля – певец, он тогда очень хорошо начинал работать директором, и вот он меня и пригласил сюда попробоваться.

В.Н.: Мы ехали на гастроль практически без дирижера, приехал сюда Венедиктов, попробовал, ничего не получилось... Ну просто не получилось. Наобещал и оркестру, и солистам...

В.К.: Что и деньги, и квартиры будут...

В.Н.: Наобещать-то он наобещал...

– **В общем, на гастролях в Мурманске вы встретились с самарским театром?**

В.К.: Да.

В.Н.: Мы поехали туда на гастроль без дирижера. И Владимира Федоровича пригласили дирижировать на каждый вечер.

В.К.: Я приехал на последние спектакли и за три вечера продирижировал три спектакля, очень сложных, практически без репетиций. После этого меня сюда пригласили.

– **В общем, выручили театр.**

В.К.: Да, выручил. И мне говорят: «Приезжай к новому сезону, есть место, ты будешь работать». Я не собирался быть главным, как уже сказал себе, – я все знаю, буду просто выходить, дирижировать. Выяснилось, что это, на самом деле, всё равно «намазано луком с перцем»... Одним словом, я встал, продирижировал, на этом выездные спектакли практически закончились, и к началу сезона я приехал в Самару. Как всегда театр наш открывал сезон в Тольятти, работал я там, в драматическом театре, целый месяц, а потом открывали сезон в октябре месяце

¹ Семашко Вильям Васильевич (1936 – 1988) – артист оперы, Заслуженный артист России. В 1970 году в партии Дона Карлоса дебютировал на куйбышевской сцене, где впоследствии пел все ведущие теноровые партии: Хозе («Кармен»), Радамес («Аида»), Каварадосси («Тоска»), Герман («Пиковая дама»), Лыков («Царская невеста») и др. В 1986 – 88 гг. – директор Куйбышевского театра оперы и балета.

в Самаре. Вот приехал я в Тольятти, и каждый день все подряд дирижировал: оперу, балет, только на оперетту Гилария пригласили. Это худрук филармонии, Гиларий Беляев. Он приехал, несколько оперетт продирижировал, а потом я уже тут и оперетты ставил и дирижировал. После гастролей я уехал домой: мне уже квартиру в Самаре дали на улице Ленина. А когда я в первый раз после Тольятти пришел в оперный театр, там же все вахтеры – бывшие работники театра оперы и балета, они смотрят на меня: «Вы кто?» – «Коваленко!» – «Вы Коваленко! А про вас такие сказки рассказывают, что когда вы приехали, то три таких сложных спектакля сходу, без репетиций продирижировали. Вы питерский? Говорят, что вы из Питера. А вы от нас скоро не уедете? От нас обычно уезжают». Я говорю: «Да нет, я только приехал». Вы знаете, вот это тепло, которое я здесь встретил, как меня люди приняли, в том числе эти вахтеры, которые меня так ласково встретили, меня, избитого, как-то так всё согрело, так мне всё было мило и по-человечески, что как клубочек за клубочком покатился, и все стало постепенно хорошо. В Самаре у меня первый спектакль был «Кармен», рецензию на него написала Лена Бурлина – маленькую заметку на премьеру, и на «Иоланту». Одним словом, меня здесь как-то так и в прессе, и везде...

– Хорошо приняли, да?

В.К.: Очень хорошо приняли, я оттаял и сказал...

– То есть отличается город от города, да?

В.К.: Да. «Я не буду здесь главным, я буду просто хорошо дирижировать, любить свое дело, у меня здесь работа есть, мне больше ничего не надо». А потом через какое-то время выясняется, что мне и здесь предлагают пост главного дирижера... Я подумал-подумал – в городе, где так привечают, как привечали меня когда-то в Новосибирске, и где публика, и весь театр... от вахтеров до коммивояжеров...

– До критиков...

В.К.: Да. И я как-то так согласился, и «Кармен», первый спектакль, который здесь играли на открытии сезона, тоже так здорово прошел...

Понимаете, в чем дело, человек на моем месте, он хорошо чувствует, как относятся к нему музыканты. Конечно, и певцы, и артисты хора, но прежде всего музыканты. Я встретил среди них такой прием, такую ласку... Помню, я дирижировал балет «Ромео и Юлия» Берлиоза, очень сложная партитура, и вот главный балетмейстер Чернышев ко мне в антракте прибегает в кабинет и, весь такой возбужденный, говорит: «Что вы сделали с оркестром?!» Я смотрю на него... «Послушайте, здесь ор-

кестр так никогда не играл, вы что, посадили новых музыкантов что ли?» Вот буквально... Это не похвальба, это мои самые счастливые минуты жизни, только и всего. И вот, оказывается, с музыкантами можно делать чудеса, если ты вообще можешь делать чудеса. Все это происходило где-то в самом начале моей работы в Самаре, и я как-то укрепился в мысли, что это мое место...

– Мы с вами познакомились где-то в 90-е годы, насколько я помню. Вы и в духовное училище приходили, и меня всегда очень волновало, так как я уже знал ваши способности и видел вас в деле, в оперном театре, как вы выходили, и оркестр на самом деле играл единым духом, чувствовалась разница с другими дирижерами. Меня волновало, что наш церковный хор не очень профессионально поет, ведь на службе много произведений, которые по нотам не споёшь: есть Обиход, есть тропари, каноны, стихиры, которые на гласы поют. И меня волновало, что скажет человек, который 36 строчек читает, понравится ли ему? И я всегда к вам подходил с трепетом: «Владимир Федорович, как наш хор, как служба была?» А вы помните, как отвечали?

В.К.: Помню...

– В Самаре вы, в общем-то, стали церковным человеком, вошли в церковь, в богослужение...

В.К.: Да.

– Надо сказать, что Самара приняла вас не только как профессионала, потому что, я думаю, что и танцоры, и певцы, и оркестранты ждали профессионала. Наконец он появился, и все зауважали вас. Но Самара ввела вас еще и в ограду храма. И вот вы столкнулись с тем первоисточником, от которого великие наши русские композиторы и питались, и вдохновение получали – от Господа, от Христа, от молитвы. И вам довелось услышать церковное пение.

В.К.: По роду своего образования и жизни я не имел отношения к духовной музыке, с музыкой православной или другой духовной знаком не был. Допустим, я мог реквием Верди продирижировать, и дирижировал его, но это не в чистом виде духовная музыка. И мои представления о звуке, они были чисто светскими. Если фальшиво поют, это я слышу, знаю, могу сказать, но я сказал о том, что надо, чтобы кто-то с хором работал, учил семинаристов.

– Нет, я помню, вы так скромно, смиренно тогда сказали: «Когда мне нравится, уже не играет роли даже чистота исполнения, неправильность...» Я вас спросил: «Ваше ухо не коробит вот это?» И помню, вы меня тогда так утешили, сказав: «Мне здесь хорошо, тепло, нравится,

Архимандрит Георгий (Шестун), игуменья Анастасия (Шестун), Владимир Федорович Коваленко и Валерия Павловна Навротская в Заволжском мужском монастыре в честь Честного и Животворящего Креста Господня. Слева от настоятеля храмостроитель обители Олег Дьяченко († 2017 г.). Фото 2006 года

а когда мне нравится в целом, я не обращаю внимания на какие-то мелочи, детали, которые бывают всегда и везде».

В.К.: Батюшка, я могу еще и другое к этому добавить. Я действительно, если что-то духом согрето, даже вот в нашем грешном деле, все равно на какие-то детали не обращаю внимания и, самое главное, что я так думал, о чем я тогда вам ещё не мог сказать. Но то, что я встретился с вами, я как-то на публичном каком-то выступлении сказал, что как судьба хорошо распорядилась, что батюшка нам, Валерии Павловне и мне, предложил пригласить его в Союз театральных деятелей на какое-то музыкальное событие, а потом, сидя в правлении за столом, обратившись к собранию, сказал: «Пора вам всем уже идти в храм, потому что вам это вредно не будет».

– Вот и начнем с Валерии Павловны и Владимира Федоровича. Был у нас такой разговор.

В.К.: Был, конечно. И с него началась не только наша с Валерией Павловной дорога в храм, а уже и личные какие-то контакты.

Кстати, батюшка, последняя наша встреча в храме была, когда отмечалось 25-летие вашего служения. У меня в самом конце назревала потребность сказать о храме, где вы служили, батюшка, и куда мы с Лерой и очень многими другими вошли, об этом храме Божиим. И в это, тогда невзрачное с виду строение, сколько нас человек помещалось, – полным-полно, какие там службы были, какие читки, отец Мирон приезжал, и как много жизни там состоялось, как много духа там трепетало. Но я не осмелился тогда все это сказать, потому что я не совсем церковный человек.

– Вот здесь-то дальше я скажу. Оказалось, что вы востребованы не только в оперном театре, вы востребованы и в семинарии, в монастырях, вместе с Валерией Павловной Навротской. Владыка наш вас очень ценит как профессионалов. В семинарии вы по благословению митрополита Сергия читали лекции, проводили встречи со студентами, вместе работаете над монастырскими монашескими хорами. Когда я с вами приехал в винновский монастырь¹, о котором владыка печется и очень старается, чтобы и пение было там стройное, и братский хор был, владыка тогда служил, мы ему сослужили, и вдруг это пение, когда все монахи запели, такая на меня волна накатилась, что захотелось их всех расцеловать, облобызать как братьев своих... И это ведь ваш вклад в Церковь, вы сейчас и здесь востребованы.

Но хотелось бы узнать, как вы чувствуете себя в той духовной атмосфере, которая создается на самарской земле?

В.К.: Могу просто сказать, что все это для меня как дом, в котором очень хочется жить. И я в последний раз, когда мы были в Винновке, по-настоящему понял, что там монастырь спланирован классно именно с точки зрения духовного и музыкального содержания, потому что там, где проходят службы, везде отличная акустика. Очень не простая, к ней нужно приспосабливаться, но умеющий петь найдет себе правильный тон, правильную силу голоса и правильное место. Но меня поразили концертный зал в гостиничном комплексе. Вы знаете, там совершенно потрясающая акустика. У этого зала может быть прекрасное будущее, мы с Валерией Павловной уже несколько дней об этом говорим. Если создать по-настоящему певческий хор монахов, как задумал владыка, то там могут иметь место концертные выступления. Летом приезжают туда люди, и они прямо тут же, не выходя на улицу, проходят в зал, где прекрасные стулья, очень удобно сидеть, есть балкон, там где-то порядка 150 человек может поместиться, этого вполне достаточно для любого

¹ Свято-Богородичный Казанской иконы Божией Матери мужской монастырь в селе Винновка Ставропольского района Самарской области.

состава приезжающих. Вот приезжают сюда из московских храмов со своими программами. Могут и наши создать, пусть небольшую, программу в два отделения. В филармонии у нас есть отличный детский хор, концертный, который может сюда приехать.

– То есть это такая площадка с возможностями камерного зала? Но и владыка так думает, здесь уже и конференции проводили международные, и концерты.

В.К.: Раньше говорили: «Лик, поет лик». Лик – это народ. Вот и сейчас есть даже храмы, в которых на службе прихожане поют, несколько человек, которые стоят с остальными прихожанами, поют литургию, всю службу поют. Вот у меня тоже какая-то, можно сказать, мечта, чтобы и на наших подворьях пел народ. Сейчас есть прекрасные исполнительские коллективы, которые поют, но они профессионалы, они даже не церковные люди чаще всего. Спеть они могут всё что угодно, но они спели и побежали по своим делам.

В.Н.: Это другое пение.

В.К.: Это другое пение, но надо сказать, что это явление становится все более распространенным. Как только приход становится немножко на ноги, появляются какие-то средства, тут же нанимают певцов, и они поют, поют прекрасно, и люди слушают такое вот концертное исполнение... Но какая разница между профессиональными певцами и верующими церковными людьми, которых выучили, которых собрали вместе, они часть прихода, часть монастыря, монастырская община. И вот я думаю, что мы готовим сейчас регентов. Для чего мы их готовим? Для того, чтобы они собирали хор, не нанимали его, а воспитывали, учили. А регенты сейчас, собственно, в городах этим не занимаются, они нанимают хор. Конечно, что не регентовать профессиональными певцами? Только звучание другое, отношение к службе, к молитве другое. И практически везде одни и те же поют. Там заработал, здесь заработал... Вот в этом проблема подготовки регентов сейчас. Для чего мы их готовим? Чтобы они детей учили, и чтобы не только учили, но и растили в ограде церкви их. Не просто для того, чтобы дети пели, а чтобы они понимали службу, понимали литургию, чтобы они при этом сами исповедовались, причащались.

– Помните, к нам Медушевский приезжал?

В.К.: Да.

– Вы его знаете прекрасно. Он говорил, что есть обертоны, которые открываются только под действием благодати, человека направлять

не нужно. Это особое звучание, говорит, молитвенное пение, монашеское пение – это на самом деле особое звучание, это особый вид вообще хорового пения.

Слава Богу, что вы участвуете сейчас в создании именно таких молитвенных хоров. Как вы к этому относитесь, к этой проблеме? Вот нужно в регентском отделении нашим будущим регентам объяснять, что они должны создать такой хор, вырастить его, воцерковить этих людей, чтобы они остались в Церкви.

В.К.: Да, батюшка, но это дело времени.

– Храмов много, не успеваете...

В.Н.: Это проблема сегодняшнего дня.

В.К.: Когда мы по благословению владыки Сергия были в Винновке в последний раз, там возникла конкретная ситуация, которая давно уже существует: там нет регента, который бы мог стабильно работать, потому что тот, который приезжает иногда, он вообще не регент. В лучшем случае, очень ловко может продирижировать, но он не учит певцов, вообще не учит, и не знает, как учить, и не хочет этого делать, а просто работает по часам: отработал свои полчаса и пошел. А Валерия Павловна, она занимается сольфеджио, учит людей грамотно ноты читать и петь их с листа. А приезжий работник, он принципиально считает, что если певец пришел к нему, то он должен знать текст...

В.Н.: Готовый.

В.К.: Готовый текст должен знать, и еще и понимать что-то такое. Но даже в симфонических коллективах такого нет, – если главный дирижер в оркестре не учит музыкантов музицировать правильно, он не руководитель. Это западная модель, которая сейчас утверждается в России...

В.Н.: Нанимают тоже...

В.К.: Да. Приезжает наемник, и у него столько-то репетиций, он столько-то делает...

– Не тянет, другого найдем...

В.К.: Да! И всё. А профессионалы, они работают, и если будете больше платить, они еще лучше работать могут, но это не обязательно. А это место, оно деньгам не подчиняется.

В.Н.: Это не место, это сердце.

– Давайте мы сейчас завершим. Потому что вот Владимир Федорович тоже разволновался...

В.К.: Потому что это... я... Понятно?

– Владимир Федорович, я вам желаю здоровья, много лет жизни, потому что у вас огонь в груди продолжает гореть, и теперь, слава

Богу, этот огонь горит на церковной территории, главное, что он освещает, не палит никого, а освещает, и вы сейчас переживаете уже и за церковную музыку.

И все больше и больше мы видим театральных деятелей и актеров известных, и музыкантов, которые входят в церковный мир. И, слава Богу, церковный мир их обогащает, они несут свои таланты к ногам Господа. И мы рады, что вы помогаете нашему владыке, митрополиту Сергию, благодарны вам за это, и желаем вам здравия.

Несмотря на свой возраст, несмотря на то, что вам уже надо поспокойнее чуть-чуть жить, вы так горячо беретесь за любое послушание, которое вам дают в этой области, и вы очень профессионально все видите.

Как нам преобразовать церковное пение и мирную Россию? Как она должна звучать? В общем-то, она звучит и в классической музыке, и в сердце, и в церковном пении. И, наверное, Россия по звучанию все же близка к вселенскому звучанию, к Вселенской Церкви.

В.К.: Да, а вы посмотрите этот Бессмертный полк, какая там музыка звучит. Попробуйте эту музыку снять, и пусть они так ходят... Все, ничего нет. Там звучит сердце, звучит душа, и это и есть русская, российская душа. В такой массе на улицах не поют даже в Италии, где все поют во время демонстраций. А у нас...

– Этот Бессмертный полк, он поет...

В.К.: А он поет, вся музыка звучит, и все наше.

– Если даже выключить все, этот полк будет петь.

В.К.: Да, потому что это музыка...

– Это небо, земля, прошлое, настоящее, живые и ушедшие...

В.К.: Если еще все это будет звучать в церковном варианте, то народный дух напитается такой энергией, такой силой, такой общностью земли русской, что никаким врагам нас не одолеть.

– Но в церковном мире «Бессмертный полк» живет давно. Ведь в любой крестный ход мы идем с иконами святых, которых почитаем, знаем, что они нам помогают. И вдруг Господь так устроил, так даровал нам, что родные люди тех, которые «за други своя» кровь свою пролили, они несут эти фотографии, как иконы, – это особого рода крестный ход, где все живы. – Живы, и эта вера вечной жизни объединяет Россию земную и небесную. И люди, которые участвуют, они замечают, что все вокруг другие, другое отношение друг к другу. Идет один народ. Было население, которое благодатно превращается в этом Бессмертном полку в народ, великий и непобедимый. Всё, спаси Господи!

В.К.: Слава Богу!

ВВЕДЕНИЕ В ИСТОРИЮ, ТЕОРИЮ И ПРАКТИКУ ВИЗАНТИЙСКОГО ЦЕРКОВНОГО ПЕНИЯ

Протосалт Константинос Фотопулос

выпускник кафедры византийского церковного пения Афинской консерватории протосалт Константинос Фотопулос, который является руководителем хора Московской школы с момента её образования.

За годы работы школы трудами Константиноса и его учеников была создана вся необходимая методическая база для занятий: тетради упражнений и учебные аудиозаписи. Ведётся работа по составлению курса лекций по истории византийской музыки, а также планируется перевод книги Георгия Пападопулоса «Материалы для истории византийской церковной музыки». Несколько русских преподавателей, которых воспитал Константинос Фотопулос, принимают участие в учебном процессе.

Протосалт Константинос Фотопулос – выпускник кафедры византийского церковного пения Афинской консерватории, художественный руководитель хора Московской школы византийской музыки «Псалтика».

Московская школа византийского пения «Псалтика» была основана в 2004 году при Издательском Доме «Святая Гора». Главной целью при создании школы было желание прикоснуться к живому Преданию Церкви и перенять её древнюю непрерывающуюся певческую традицию, составленную трудами многих святых отцов и подвижников. Для этого из Греции был приглашен

Лекция прочитана в Московской и Санкт-Петербургской Духовных академиях и Православном Свято-Тихоновском гуманитарном университете в январе-феврале 2004 года.

В школе активно ведется исследовательская деятельность. Переводятся на русский язык статьи, посвященные истории, теории и практике византийского церковного пения. Составлен почти весь годовой круг музыкальных текстов церковных песнопений, в которых классический византийский мелос положен на церковно-славянские богослужебные тексты. Издан сборник с основными песнопениями божественной литургии на церковно-славянском языке. Готовятся материалы для других изданий.

В настоящее время при школе существуют два хора: мужской и женский. Эти хоры были созданы с самого начала существования школы для распространения традиции византийского пения. Для сохранения оригинального церковного византийского ифоса певчие хоры исполняют византийские песнопения в соответствии с традицией, исключая влияние светской музыки. Хоры поют по текстам исключительно в византийской музыкальной нотации.

В 2006 году мужской хор школы записал компакт-диск с византийским пением на славянском языке. В ближайшее время планируется запись нового диска.

Профессиональная подготовка хоров «Псалтика» позволяет участвовать в полном цикле богослужений. За время своего существования хоры принимали участие в богослужениях более чем трёх десятков храмов и монастырей Москвы и Подмоскovie, в том числе в храмах крупнейших центров канонического церковного образования – Московской Духовной Академии Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, Сретенской Духовной семинарии, Свято-Никольской Угreshской Духовной семинарии. Мужской хор «Псалтика» принимал участие в международных фестивалях церковного пения в Румынии и Болгарии, а женский хор школы участвовал в богослужении на Гробе Господнем.

С 2010 года Московская школа византийского пения «Псалтика» является филиалом Афинской школы византийского пения «Σχολεῖον Ψαλτικῆς» («Схолион Псалтикис»). В настоящее время хоры школы постоянно поют на Афонском подворье, в храмах Новомучеников и исповедников Российских в Строгино, свт. Николая в Заяицком, свт. Николая на Рогожском кладбище и в нескольких других храмах Москвы. Многие прихожане уже успели оценить и полюбить византийское пение. Внимая мелодиям византийского пения они соучаствуют в исконной богослужебной традиции, зародившейся ещё в первые века христианства и исполненной плодами трудов великих церковных гимнографов и песнописцев, святых отцов, с помощью Духа Святого создававших и бережно сохранявших песнопевческое предание.

В одном древнем рукописном учебнике византийского пения читаем следующий диалог ученика и учителя: «Учитель, прошу тебя именем Господа, покажи и изъясни мне музыкальные символы, Бог да преумножит талант, который Он тебе дал. Не откажи мне в этом, да не будешь осуждён с рабом, скрывшим свой талант в земле, но да услышишь от страшного Судии: *Добре, рабе благий и верный: о мале был еси верен, над многими тя поставлю: вниди в радость Господа твоего* (Мф. 25, 21)».

«Если, брат, ты так жаждешь это постичь, то собери свой ум и слушай меня. Я научу тебя тому, о чём ты просишь, как мне о том откроет Бог».

Эти слова показывают, что византийская церковная музыка (так же как и гимнография, иконопись и церковная архитектура) не является плодом некоего произвольного музыкального самовыражения, в процессе которого музыкант и певец «творит», подчиняясь собственному вдохновению. Учитель пения передаёт то, что он принял как дар, как «талант» от прежних учителей, а ученик принимает это со вниманием, почтением и благоговением: восемь церковных гласов, определённые музыкальные фразы и манеру исполнения тропарей и других песнопений. Всё это передано нам святыми отцами, которые, будучи просвещены Духом Святым, освободили музыку от любого театрально-мирского начала и приняли для использования в богослужении только те музыкальные ряды, такты и музыкальные фразы, которые способствуют пробуждению в молящемся чувства умиления и любви к Богу. Поэтому старец Порфирий¹, с которым я лично виделся в детстве и получил благословение, говорил: «Византийское пение не будоражит душу, но соединяет её с Богом и приносит совершенный мир»².

Прежде чем мы начнем говорить о характерных особенностях византийской музыки, о её духовном характере и роли в богослужении, неплохо было бы сказать несколько слов об её истории.

В Евангелии говорится, что после Тайной Вечери Господь и святые апостолы, воспев, пошли на гору Елеонскую (см.: Мф. 26, 30). И апостол Павел свидетельствует, что первые христиане воспевали Бога *во псалмах и пениих и песнях духовных* (Еф. 5, 19). Из этого следует, что музыка употреблялась в Церкви с самых первых лет христиан-

¹ Прп. Порфирий (Байрактарис; 1906 – 1991), иеромонах. Греческий старец, известный во всем мире своей прозорливостью. С 12-летнего возраста в течение семи лет подвизался на Афоне, затем в монастырях о. Эвбея. В 21 год рукоположен в священник сан. Полвека служил в миру в самом центре Афин. Перед кончиной уехал на Афон, где и почил в скиту Кавсокаливия. Канонизирован Св. Синодом Константинопольского Патриархата 27. 11. 2013 г.

² Порфирий (Байрактарис), старец. Сборник наставлений. 2011. С. 449.

ства. Церковный историк Евсевий¹ пишет, что псалмы и песнопения использовались верующими «с самого начала для прославления Господа». Наряду с древнегреческим языком христианские песнописцы применяли для написания песнопений древнегреческую музыку, распространённую тогда во всём просвещённом мире. Великие отцы трёх первых веков: Игнатий Богоносец, Иустин Философ, Ириней, епископ Лионский, и Григорий Неокесарийский, чудотворец, много заботились о том, чтобы псалмопение было благоговейным и богоугодным.

Но и более поздние святые отцы также проявляли к церковной музыке большой интерес, так как были, согласно древней традиции, одновременно стихословами (то есть поэтами) и песнописцами, или, говоря современным языком, композиторами. Так, святой Иоанн Златоуст в противовес еретикам-арианам, которые распространяли свою ересь в том числе и через красивые гимны, писал прекрасные песнопения православного содержания для исполнения верующими, дабы уберечь их от заблуждения. Подобным образом поступал и святитель Афанасий Великий. Святой Ефрем Сирий, ограждая православных от еретиков-гностиков, которые использовали в своих обрядах очень красивую музыку, взял из неё некоторые элементы и написал собственные песнопения православного содержания. Шестой век связан с жизнью святого Романа Сладкопевца, написавшего в числе прочего 1000 кондаков. В VII веке жил святой Андрей, епископ Критский, автор Великого покаянного канона.

Новую страницу в музыкальном предании открывает святой Иоанн Дамаскин (676 – 756). Он не только составил прекрасные песнопения, но и первый ввёл в церковное богослужение осьмогласие. Он разделил всю церковную музыку на восемь гласов: первый, второй, третий, четвёртый, первый плагальный, второй плагальный, варис и четвёртый плагальный – и определил способ нотации при помощи специальных знаков. Святой Иоанн Дамаскин ограничил вольное, «мирское», сочинение музыки, предпочитая простые, но умирительные песнопения.

Вслед за святым Иоанном Дамаскиным следует длинная череда песнописцев и церковных композиторов: святые Косма Маиумский и Феодор Студит, братья Феодор и Феофан Начертанные, святой Иосиф Песнописец, монахини Кассиана и Фекла, императоры Лев Мудрый и Константин Багрянородный, иеромонах Гавриил и священник Иоанн Плусиадинос. Два последних были также авторами учебников византийского пения. В это время, в IX веке, византийская музыка при-

¹ Священномученик Евсевий Памфил (258 – 265 – †339), епископ Кесарии Палестинской, церковный историк и писатель, апологет, толкователь Священного Писания.

ходит на Русь. В летописи Иоакима написано, что после крещения святого князя Владимира в Киеве, киевский митрополит Михаил пригласил, в числе прочих, из Константинополя и нескольких псалтов. В другом историческом источнике, «Генеалогической книге» митрополита Киприана, читаем, что во времена правления Ярослава Мудрого на Русь пришли трое певчих, которые научили русских братьев умирительному пению.

В XIII веке жил замечательный церковный певец – святой Иоанн Кукузель. На нём стоит остановиться подробнее. Обладая изумительным голосом, он в детстве и юности учился в императорской музыкальной школе. Стал прекрасным певцом и был поставлен во главе певчих императорского двора. Царь задумал женить его на одной из принцесс, но сам Иоанн стремился к монашеской жизни. Под предлогом поездки на родину, чтобы принять от родителей благословение на брак, он оставляет Константинополь и удаляется на Афон. Там, не раскрывая себя, он принимает постриг в Великой Лавре и получает послушание пасти стадо козлов близ монастыря. Между тем император повсюду разыскивал своего любимца.

Однажды Иоанн пас своё стадо и, посещённый божественным вдохновением, запел своим изумительным голосом. Рядом с тем местом находилась пещера некоторого пустытника. Услышав это ангельское пение, он вышел из пещеры и с удивлением увидел, что животные стоят неподвижно и слушают певца. Он рассказал об этом игумену. Тот призвал святого Иоанна, расспросил, кто он на самом деле, а потом отправился к императору, чтобы сообщить, что Иоанн нашёлся и просит разрешения проводить мирно монашескую жизнь. Начиная с этого времени Иоанн стал жить в келье возле Лавры и по воскресеньям и большим праздникам петь в соборном храме монастыря. Однажды на всенощной в Субботу Акафиста Иоанн заснул. Во сне ему явилась Божия Матерь, похвалила за рвение и повелела

Святой Иоанн Кукузель

продолжать петь и дальше. В знак благословения Она дала ему золотую монету. Половина этой монеты хранится сегодня в храме Великой Лавры, а другая часть, как сказано в «Истории византийской церковной музыки», написанной в 1890 году, была передана как благословение в Россию.

Святой Иоанн Кукузель написал много музыкальных произведений: херувимских, причастнов, аниксандариев и т. д. разных гласов. Много занимался теорией византийской музыки.

Далее следуют такие великие протопсалты, как Ксенос Коронис, святой Григорий Кукузель, Иоанн Кладас и двое великих псалтов, певших в Святой Софии во время захвата Константинополя турками: это протопсалт Григорий Бунис и ламбадарий (то есть регент левого хора) Мануил Хрисафис. Во времена турецкого ига певческая традиция продолжается. Из числа остальных особо выделяются в это время Панайотис Хрисафис Новый, Германос, архиепископ города Новые Патры, иерей Валасий, Панайотис Халатзоглус, Петр Берекетис, Иоанн Трапезундский, Иаков Протопсалт и Петр Пелопоннеский.

В 1814 году специальная музыкальная комиссия, состоящая из трёх членов: прусского митрополита Хрисанфа, Григория Протопсалта и Хурмузия Хартофилака упростила систему нотной записи византийской церковной музыки и систему обучения. Многие музыкальные произведения были переписаны в соответствии с новым методом нотации. С того времени и до сего дня можно назвать много выдающихся греческих псалтов, таких, например, как константинопольские протопсалты Георгий Виолакис, Иаков Навплиотис, Константин Прингос и Фрасивулос Станицас. Из среды афонских псалтов можно отметить иеродиакона Дионисия (Фирфириса), монашеские общины Данилеев и Фомадов. Не могу не упомянуть и своего учителя архиламбадаря Васиалакиса Еммануилидиса.

Обратимся теперь к характерным особенностям византийской церковной музыки.

1. Византийская церковная музыка – это, прежде всего, вокальная музыка. По словам Златоуста, употребление музыкальных инструментов в ветхозаветные времена было разрешено из-за дебелости ума евреев. По той же самой причине Бог допускал и жертвоприношения. Однако теперь, говорит Святитель, нам нужны не гусли, струны и разные музыкальные инструменты, а наш собственный язык, наш голос, которым мы должны молиться и приближаться к Богу вниманием, покаянием и умилением.

2. Византийская музыка монофонична. Это значит, что независимо от того, один или несколько человек исполняют произведение, музыкальная партия для всех одна и та же. Даже когда несколько человек поют вместе, всё равно звучит один голос. Это символизирует единство веры и точно соответствует слову Божественной литургии: «И даждь нам едиными усты, единым сердцем славить и воспевать пречестное имя Твое...».

3. Византийская музыка исполняется антифонно, то есть поочередно то правым, то левым хорами. Антифонное пение было впервые введено в Антиохии святым Игнатием Богоносцем после видения ему ангелов, славивших Троичного Бога поочередно.

4. Так как византийская музыка монофонична, то особое внимание в ней уделяется мелодике. Существует большое разнообразие звукорядов с интервалами, неизвестными в европейской музыке.

5. Параллельно с исполнением главной партии поётся исократима, так называемый исон. Исон – это вспомогательная музыкальная партия, которая исполняется частью певцов. Исон словно поддерживает и подчёркивает основную мелодию, придавая ей законченность, красоту и умиленность. Музыкальная линия исона меняется очень редко.

6. В византийском пении для формирования звука используется не только горло, но и ротовая и носовая полости. Голос становится единым инструментом для славословия Бога.

7. Как уже было сказано выше, в византийской церковной музыке нет самовольного творчества. Церковный композитор использует определённые музыкальные фразы, принятые и утверждённые Церковью, которые бережно сохраняются на протяжении многих веков церковным музыкальным преданием.

8. Другая характерная черта византийской церковной музыки – это перемена тактов. Такт, или ритм, обычно определяется ударением в словах. Переменные такты позволяют избегать того мирского окраса, который придаёт музыке европейской один такт, не меняющийся на протяжении всего музыкального произведения.

9. Последняя характерная особенность византийской церковной музыки – это употребление кратим. Кратима – это лишённые смысла слова: то-ро-ро, те-ри-рем, те-не-на и т. д. Они поются, обычно, в конце песнопений, символизируя неизглаголанное, лишённое слов ангельское пение. Например, в конце песнопения в честь Пресвятой Троицы или Божией Матери, когда в словах гимна уже раскрыто соответствующее догматическое учение Церкви, душа изливается в песнопении без слов.

Византийская музыка в православном богослужении

Теперь скажем несколько слов о роли и месте византийской музыки в православном богослужении. Обычно говорят, что византийская музыка – это одежда, в которую облачается слово, учение, содержащееся в тропарях. Но святые отцы считают, что византийская церковная музыка – это нечто большее. Святитель Григорий, епископ Нисский, брат святителя Василия Великого, говорит, что музыка – это часть нашей природы и поэтому святой пророк Давид объединил в одно и музыку, и поучение в добродетелях. Музыка подобна сладкому мёду и, соединённая с наставлением, помогает человеку внимательнее взглянуть на себя и взяться за врачевание недугов. Ещё святитель Григорий говорит, что церковная музыка, простая и умирительная, проникает в слова божественных песнопений с тем, чтобы изъяснить скрытый в них таинственный смысл с помощью мелодических переходов голоса. Музыка – словно ароматная приправа, которая придаёт поучениям и наставлениям Церкви особый приятно-сладостный вкус¹. Старец Паисий Святогорец² говорил, что в византийской церковной музыке

¹ Григорий Нисский, святитель. О надписании псалмов.

² Паисий Святогорец (Эзнепидис; 1924 – 1994), схимонах. Афонский старец, наставления которого, разошедшиеся в многочисленных изданиях, с благодарностью восприняты всем православным миром. Прославлен в лике святых решением Святейшего Синода Константинопольского Патриархата 13 января 2015 г. Прославлен в лике святых решением Священного Синода Русской Православной Церкви 05.05.2015 года.

есть очень красивые «завитушки», то есть музыкальные фразы. Иногда они напоминают звук соловья, иногда – легкий шелест волны, в другой раз они величественны и торжественны. С помощью этих средств византийская музыка передаёт внутренний смысл церковных текстов. Старец Паисий считал, что византийская музыка умиротворяет душу.

Старец Порфирий, в свою очередь, говорил: «Византийская церковная музыка – это настоящее духовное поучение... она смягчает душу человека и мало-помалу переносит её в иные духовные миры. В звуках византийской музыки живёт внутреннее наслаждение, сладость, радость и покой. Слушая её, человек переносится в духовные сферы».

Мой духовный отец, архимандрит Сарандис (Сарандос) также говорит, что в церковном песнопении символически выражается благодать и присутствие Духа Святого в Церкви. Поэтому служение певца очень важно, неслучайно певчие и относятся к клиру, входя в низший чин церковнослужителей.

Известный афонский старец Ефрем Катунакский¹ говорил, что в любом монастыре есть два самых важных послушания – повара и певца.

Исполнителю византийской церковной музыки (псалту) необходимо обладать следующим:

1. Очень хорошо знать византийскую музыку. Поэтому, как было отмечено выше, традиция византийской церковной музыки предполагает долгую многолетнюю связь учителя с учеником, как в классе, так и на клиросе. Отец Паисий обличал тех певцов, которые поют сухо, невыразительно. Он говорил, что их пение похоже на каток, который «проехал и всё сравнял... Правильное пение – это изливание человеческого духа, божественная сладость, сердце услаждается Христом, и этим сердцем человек беседует с Богом»².

2. Необходимо проявлять уважение к музыкальной традиции, не искажать музыкальные произведения и не вносить своих исправлений. Старец Паисий, услышав, как один монах исполнял собственный вариант славословия, написанного Петром Пелопонесским, отругал его, сказав, что если может, пусть напишет собственное славословие,

¹ Ефрем Катунакский (Папаникитас; 1912 – 1998), иеросхимонах. Греческий старец, один из самых известных афонских подвижников XX века, который уже при жизни почитался святым. Ученик и последователь Иосифа Исихаста. Особое внимание уделял подвигу послушания. Сам живя в уединении, старец Ефрем всячески одобрял жизнь в общежительном монастыре.

² См. *Паисий Святогорец, прп.* Слова. Т. 1. «С болью и любовью о современном человеке». Ч. IV. Православное Предание.

Византийская музыка служит великому таинству общения Бога и человека

но не портит древнего произведения, выказывая тем самым в себе недостаток благочестия.

3. Певчий должен быть благочестив и петь со смирением. «Поющий, – говорил старец Паисий, – чтобы петь с умилением, должен вникать умом во внутренний смысл и обладать благочестием, не смотреть на содержание богослужебного текста филологически, но проникать в него сердцем, одно дело благочестие и другое – музыкальное искусство. Искусство без благочестия, это как... краска»¹. Этим Старец хотел сказать, что музыкальное искусство необходимо певцу как краски иконописцу. Но без благочестия и смирения это искусство бесполезно.

Продолжая, отец Паисий говорит, что «когда певчий поёт благоговейно, псалмопение изливается прямо из его сердца, и тогда он поёт с умилением»². Чтобы достичь, этого певчий должен иметь правильное духовное устройство и быть внутренне спокойным и уравновешенным.

Старец Порфирий, в свою очередь, очень хвалил певчих Святой Горы, которые поют просто, умирительно, со смирением и очень помогают монахам в молитве. По его словам, хороший псалт – это больше, чем певчий, он обладает чем-то большим, чем голос. Звук передаётся звуковыми волнами, а хороший псалт издаёт ещё и другие таинственные колебания – волны благодати, которые касаются самого сердца, производя в нём глубокое умиление. Происходит великое таинство.

Дорогие братья! Великому таинству общения Бога и человека в богослужении служит византийская церковная музыка. Как и остальные церковные искусства, иконопись, гимнография и цер-

¹ См. Паисий Святогорец, *прп.* Слова. Т. 2. Духовное пробуждение. Ч. 2. Благоговением приводится в умиление Бог.

² См. Паисий Святогорец, *прп.* Там же.

ковная архитектура, она несёт в себе художественный элемент, требует умения и творческого подхода. Но это не самостоятельное искусство, в котором художник самовыражается, придумывая свои собственные законы. Исполнители византийской церковной музыки должны следовать преданию, исполнять и писать музыку в соответствии с древними правилами и, как написано в одном древнем учебнике византийского церковного пения, подражать чинам ангельским, следовать им и, стоя в храме с великим страхом и трепетом, воспевать Бога в святых песнопениях.

Благодать в Троице славимого Бога, молитвы преподобных отцов Сергия Радонежского и Серафима Саровского, оптинских старцев, святого Иоанна Кронштадтского, святых новомучеников и исповедников российских, отдавших свои жизни за Христа, да укрепит всех тех, кто подвизается в певческом церковном служении, с тем, чтобы они помогали своим во Христе братьям в их восхождении к Небу.

Меня спросили, что я думаю о современном состоянии церковной музыки в России? Возможно, мой ответ будет неполным, так как я живу в России всего около полутора лет и только начинаю ближе узнавать местную церковную жизнь, поэтому у меня не может быть и глубоких знаний о современном состоянии песенной культуры в Русской Православной Церкви. Тем не менее, на основании того немногого, что я здесь видел, слышал, о чём беседовал со специалистами и простыми людьми, возьму на себя смелость сделать несколько предварительных выводов.

Итак, по моему мнению, современную музыкальную практику Русской Православной Церкви можно разделить на три неравные части. Самая большая из них – это европейское партесное пение, вариант тупиковый. Вторая и третья – это варианты выхода из тупика и возвращения к древнему певческому преданию. Я имею в виду попытки возрождения древнерусской музыки (знаменного распева) и византийского церковного пения.

Скажем несколько слов о партесе. Я покривил бы душой, если бы сказал, что мне приятно слышать европейскую музыку в православных храмах. Это полностью модернистское и, я бы сказал, несовместимое с православным Преданием явление. Задача любого церковного искусства, будь то архитектура, иконопись, гимнография или музыка – помочь христианину в достижении главной цели его жизни – стяжании Духа Святого и соединении со Христом. В любом церковном искусстве выражаются духовные состояния, такие как покаяние, умиление, духовная радость, благодарение, свойственные живущему в Духе.

Я думаю, все согласится с тем, что в европейской музыке ничего подобного нет. Она затрагивает только эмоции. Не так ли? Это искусство построено на человеческих страстях и выражает в большей или меньшей степени, даже и в наиболее «духовном» своём проявлении, плотской образ мысли человека.

Православные церковные песнопения – это переложённые на ноты творения великих гимнографов, таких, как святые Иоанн Дамаскин, Косма, епископ Маиумский, и другие. Их произведения – подлинное богатство догматического и нравственного содержания. Правильная (византийская) музыка помогает молящемуся человеку понять глубину этих священных текстов, открыть их красоту и высокую поэтичность. Европейская же музыка делает прямо противоположное: мешает нам проникнуть в их смысл, разрушает красоту, опошляет поэзию. Представьте, например, как бы звучали стихи Пушкина или Ахматовой в исполнении «звёзд» современной эстрады. Насколько отталкивающим было бы это зрелище! Бедные наши уши! Однако опошление средненькими композиторами XIX века творений великого святого Иоанна Дамаскина мы воспринимаем вполне нормально! Партесное пение подобно языческому многословию, которого Сам Господь Иисус Христос советовал всячески избегать.

Европейская гармония рассеивает ум и дух человека, в то время как священно-благочестивое одноголосье византийской музыки всё сосредоточивает на Том, Кто является центром божественных гимнов – на Христе. С практической точки зрения, европейская музыка со всей своей сложностью и неповоротливостью несовместима со священной простотой православной службы. Она мешает и поющим, и молящимся. Одни голоса вступают, другие умолкают, каждый певец исполняет свою музыкальную партию. Человек устаёт, не ощущает смысла в происходящем. В византийской музыке происходит прямо противоположное: один ли человек поёт или несколько, все поют «едиными усты, единым сердцем» одну музыкальную фразу просто и радостно.

По сравнению с византийской музыкой, европейская очень бедна. В силу самой её природы и свойственного ей поверхностного сентиментализма, она лишена глубины и выразительности.

Скажем теперь несколько слов о попытках возрождения знаменного распева. Естественно, это хорошее начинание. Но проблема заключается в том, что живое предание древнерусской музыки утрачено. Современный знаменный распев – это попытка реконструкции древнего пения, как говорят наиболее понимающие в этом вопросе специалисты. Они надеются, что, если Богу будет угодно, в будущем,

когда-нибудь, мы сможем услышать прекрасные песнопения знаменного распева и насладиться их красотой. Отсюда следует, что все предпринимаемые попытки основаны на предположениях и вполне возможно, что конечный результат не будет соответствовать оригинальному звучанию древнерусской музыки. А не проще ли и благоразумнее вернуться к донине существующему многовековому преданию, традиции, которая зародилась ещё в ранние христианские времена, которая не прерывалась и у которой есть живые носители? Я говорю о византийской церковной песенной традиции, попытка восстановления которой и есть третье направление в русской церковной музыке сегодня.

Мы упомянули о православном Предании. Что такое православное Предание вообще и применительно к церковной музыке? Православное Предание в общем смысле – это образ жизни во Христе, переданный нам святыми отцами. По сути, Предание – это Сам Христос. В связи с этим на нас лежит большая ответственность – мы должны его сохранить. Если Предание утрачивается, мы обязательно должны вернуться к нему. О православном Предании прекрасно говорит старец Паисий Святогорец в первом томе своих «Слов». Византийская церковная музыка – это часть православного Предания.

Почему, скажем, православные русские люди, должны принимать греческое предание, греческую традицию? Ведь они столько лет неплохо жили и со своим преданием. Такая постановка вопроса неприемлема и с точки зрения здравого смысла, и с позиции христианина. Не существует предания греческого или предания русского. Существует единое Предание единой Святой Соборной Апостольской Церкви. Предание – это фундамент и критерий православности каждой Поместной Церкви. Насколько Поместная Церковь отходит от единого Предания, настолько она уклоняется от Православия. В общей приверженности Преданию и в жизни по нему сокрыто таинство Православия и Церкви в целом.

Что же касается «неплохо жили», то мне кажется, что дела обстояли не так уж хорошо. В качестве примера можно привести мнение известного русского богослова, отца Георгия Флоровского, который в своей книге «Пути русского богословия» неоднократно с болью говорит о том, что Русская Церковь в некоторых аспектах уклонилась от соборного Предания Православной Церкви.

Вас интересует, были ли в Греции попытки ввести в Церкви партесное пение? До середины XIX века Грецию не беспокоили подобного рода инициативы. Но, начиная с середины XIX века, главным образом

под влиянием королей-иностранцев, предпринимается глобальная попытка «окультуривания» церковного искусства, затронувшая, кроме музыки, иконопись и архитектуру. Всё это, естественно, было частью единого плана искажения православного образа жизни. Основоположники этого движения добивались сокращения продолжительности якобы длительных служб, послабления в «изнурительных» постах и даже введения в православное богослужение музыкальных инструментов. В качестве примера для подражания они предлагали принять искусство, богослужебный чин (по сути не чин, а безчиние) и образ мысли и жизни католиков.

Реакция на эти попытки была, разумеется, очень активной как со стороны православного народа, так и со стороны священников и даже Священного Синода. Известен случай, когда священники во время пасхального богослужения в присутствии короля Оттона¹, услышав партесное пение, сняли облачение и отказались продолжать службу. И Священным Синодом было издано множество распоряжений, которыми запрещалось введение партесного пения в богослужение. В качестве обоснования приводилось то, что оно не соответствует православному Преданию и разрушает единство Церкви.

Тем не менее, количество многоголосных хоров на приходах всё время увеличивалось благодаря моральной и материальной поддержке сильных мира сего. Всё это было просто бичом для Православной Элладской Церкви. Такая ситуация продолжалась почти до середины XX века, пока в Греции не появились талантливые и верные Преданию учителя византийской музыки. Очень важным событием стал приезд из Константинополя таких великих певцов, как Фрасивулос Станицас, Магурис и других. Они воспитали множество достойных учеников, и со временем многоголосные хоры исчезли.

В наши дни партесное пение, как чёрное наследие господства латинян, существует в греческой Церкви практически только на Ионических островах.

В России случается услышать мнение, что византийская и турецкая музыка – это одно и то же. Это мнение, прежде всего, поверхностное и абсолютно беспочвенное, ведь речь идёт о древнейшей в мире музыкальной культуре. Конечно, у византийской и турецкой музыки есть

¹ В 1820-е гг. в результате греческой революции, переросшей в нац.-освободительную войну, появилось независимое от Порты греческое государство. К февралю 1832 года вопрос о будущем правителе страны был решен. Им стал второй сын баварского короля Людвиг Оттона. В годы его правления (1832 – 1862) Церковь Греции была под жестким государственным контролем.

что-то общее, но и различия настолько велики, что эти два понятия никак нельзя отождествлять. Византийская музыка вышла из древнегреческой. Церковные песнописцы взяли музыку древних эллинов, исключили из неё элементы, несовместимые с духом Церкви и привели в соответствие с критериями, существующими в Церкви. Показателен тот факт, что первоначально для записи церковных песнопений использовалась древнегреческая нотация. Со временем Церковь создала свой собственный музыкальный язык, по слову евангелиста: *языки возглаголют новы* (Мк. 16, 17). Этот музыкальный язык вдохновлён Духом Святым. Он прекрасно подходит для передачи смысла поэтических текстов и возносит ум молящихся к Богу.

Что же касается турецкой музыки, её практически не существовало, пока турецкие племена не вошли в контакт с византийцами и не заимствовали у них многие важные элементы византийской музыкальной культуры. При этом они не приняли музыкальные нормы, а главное – образ жизни, который эта музыка отображала. Под влиянием иных музыкальных культур, своего образа жизни, своей религии они создали свою музыку. Отличие турецкой музыки от византийской ощущается в различии звукорядов, ритма, выразительных средств и музыкальных фраз, а главное в том, что турецкая музыка по преимуществу инструментальна. Помимо всего прочего, цели, которым служат та и другая, настолько различны, что если византийскую и турецкую музыку посчитать одинаковыми, то это станет настоящим музыкальным парадоксом.

ТИШИНА ПРИСУТСТВУЮЩАЯ

Евгений Александрович Мравинский. 1963 г.

О великом музыканте и дирижере Евгении Александровиче Мравинском (1903 – 1988) написаны сотни страниц – серьезные музыковедческие труды, вдохновенные эссе, восторженные рецензии. Но ни одно из произведений не способно столь же полно представить нам эту выдающуюся личность, как его дневниковые записи. Из них, конечно, можно вычитать какие-то факты, касающиеся музыкальной жизни Советского Союза. Но они весьма немногочисленны, поскольку Мравинский стоял как бы в стороне, он словно бы приходил в профессию откуда-то. Две трети его записей представляют описания природы. Мравинский наблюдает; наблюдает очень

сложно: и душевно, и телесно, и умственно. Он пишет: «Тропка – санный след – шла нетронутой целиной сугробов по взлобкам и ложбинкам среди оснеженных сосен. Местами по обочинам тропки лежали клочки оброненного сена, отдельные травинки, а раз даже кусочек бледно-зеленого мха: зацепил его летом зубец грабеля и стряхнул у стога. <...> Из ближайших кустов выбежала цепочка следов и, завернув под низко наклоненную к самому снегу ветку, – пропала». Трепетно отмечены мельчайшие подробности видимого – осязаемого мира, отмечена их связь.

Периоды же пребывания на даче, в деревне, доме отдыха – это периоды подробной, даже тщательной фиксации жизни. Тут не одна только музыкантская чуткость к единству смысла (состояния) и формы. И не банальное желание «остановить мгновение». А желание сохранять в виде художественно-логического резюме данность жизни, которая происходит от понимания Промысла Божия. Жизнь состоит из того, что дано, данное – единственно и драгоценно, оно – доступная тебе часть Творения...

Печатается по: Дивеевская обитель. № 3 (25). 2017.

«Мравинский укреплял каждого, даже не замечая этого». Фотограф Исаак Тункель

Несколько шагов в сторону от межи – густая рожь совсем скрыла (сел). Сухая земля. Вокруг нежно-зеленые коленчатые стебли колосьев, синие воротнички васильков; в ветре клонится вокруг и переливается рожь. Уже начала «звенеть»; совсем рядом – поднялся с песней жаворонок, просвечивая в солнце по краям перышками – точно в маленьком сиянии. Все налетала с тревожным писком «пти, пти...» желтенькая трясогузка, верно испуганная моей близостью к гнездышку; все проверяла: «сидит ли еще?» Теплый, густой и нежный дух цветущей ржи, горячей земли, солнца... Один из колосков, казалось случайно, задел мне лицо, да так, прислонясь, и остался. Так мы долго и были вместе – точно прильнули друг к другу в молчаливом единении; так остро было это проникновение в Единую неисчислимую неповторимость живущего вокруг меня, так утешительна общность пути его с путем моего одиночества, что светлые слезы полились по щекам, и стало чисто и счастливо...

Морозит. В чистой синеве – серебряный месяц. Догорает за лесом заря. Никаких слов нет перечислить, описать неисчерпаемое изобилие тонов, красок, едва уловимых, тончайших и вместе с тем интенсивных и глубоких... Молчащую бездонную морозную высь, тонкий аромат снега. Покой и безмерность окружающего Мира...

Солнышко спустилось низко. Только кой-где по перелескам еще рдела его прощальная ласка. В 7 часов пришли домой. Снежные поля

Евгений Мравинский с музыковедом Андреем Андреевичем Золотовым на отдыхе

и дальние леса еще не были озарены нежно, тепло и радостно. Жарко горели на опушке желтые стволы сосен, и густо зеленели ярусы сосновых крон. Казалось, нигде в мире нет ни одной злой мысли, злого человека – а только добро, радость, ласка и улыбка навстречу друг другу...

Включил радио. Звучал рояль. Тихие, грустно-волнующие переливы... пахло детством, закатной грустью ранней юности... грустью, ставшей позже томящим зовом, «журавлиной» тоской, умершей и сейчас, неизбежной никогда... Голос диктора сказал:

«Аренский, “Грезы”, из Четвертой сюиты». Так вот почему так задела, колыхнула эта музыка душу: Аренский детства, 10-х годов, Петербурга, маминых романсов... незыблемость... неувовимость... Мир – это незыблемая неувовимость.

Женщина со свечкой – к Серафиму Саровскому. Поставила. Отошла. Падение свечи. Ее неугасший на полу огонек: матушка поднимает, ставит. Постепенно: образа на иконостасе – Христос, Божия Матерь... Всевидящие... Те – как в детстве, те, что в детстве. Дома... Церковь – всегда Дом. Дом, к которому, кажется, утрачены тропы. Постепенно раскрывается, распаивается мгlistая глубина храма. Огни лампад теплеют... Хор стройнее, мягче. Возглас священника у врат: «Мир всем!» – и торжественность скромная совершаемого. На середине – столик. Пять хлебов; три огонька свечек над ними; «хлебы, пшеница, вино и елей...» – благословение заботы человеческой, земной! Трепетное тепло, мгновение нерушимой огражденности души, как бывало в детстве... Церковь – Дом. Всегда научающий, напоминающий: «Ты можешь быть Дома везде, всегда».

Не цени себя оценкой окружающего!!! Ни «хорошей», ни «плохой». Это лишает тебя Правды, чувства: и своей малости, и своей неповторимости. В «успехе», помни, «есть завтра». В неудаче: «Как могу!»

Молитва о другом человеке «поднимает» самого молящегося.

Необычаен был сегодня мир: после ненастья и холода зеленеющая земля раскинулась в безмолвии, тепле и свете, окутанная нежной, про-

Работа над партитурой

зрачной дымкой. Поля, опушки лесов, излучины реки, дали – все будто курилось, истаивая в тончайшей синеве...

Но легче, тоньше и нежнее был трепет в Душе моей, рожденный то ли полнотой любви, то ли неутолимой скорбью, а может быть, прикосновением живого присутствия Инны, ибо не она ли это простерлась и таяла сегодня голубой дымкой, окутывавшей землю светлым покоем и несказуемой лаской?!

Коля сказал мне: «Ты богаче, чем когда-либо!» Да, может быть, это и так, но все богатство я отдал бы за минуту простого, осязаемого присутствия Инны...

Стукнула калитка – и я дома. Никто не ждет меня¹.

Стал листать «Франческу да Римини» Чайковского. Незаметно увлекся. Поражен был до глубины души, увидев, какое смутное, самое отдаленное понятие (!) я имел о ней, хотя дирижировал ее не один десяток раз! Сегодняшними глазами и ушами увидел и услышал в ней множество неувиденного, неслышанного, незамеченного?! Ряд мест текста ее открылся впервые. Сразу возникли «проблемы», неувязки темповые, динамические и пр. и пр. Можно сказать, что до сих пор я эту вещь просто не знал!

А сутки листаются и листаются, вращением своим напоминая электрический счетчик, накапливающий очередную сумму итога. Итога...

¹ Запись сделана 18 августа 1964 года, после смерти жены Инны Михайловны. Инна Михайловна Серикова, первая супруга Мравинского Е.А.

«...Верю во всепобеждающую силу музыки»

Идя домой, ясно ощутил близкую-близкую последнюю разлуку одного из нас с другим. И именно одного из нас, ибо другой тогда знать об этой разлуке уже не будет... Боже мой! Как надо любить друг друга! Как надо радоваться друг другу! Неотрывно. Непрестанно.

Свет в Храме, золотисто-белый иконостас, чистота, благолепие, порядок, милосердная легкость дыхания. Взор очей Владимирской Божией Матери, зрящей меня, как когда-то было в Сокольниках, у Иверской. Казанская строгая икона. Сверкающая, лучистая риза иконы Успенья Божией Матери – иконы Храмового праздника; слу-

чайно встреченный Алей¹ образ Серафима Саровского, в левом приделе – Георгий Победоносец с копьем... Долго с Алей молитвенно вдыхали Благодать, будто погруженные в нее..., сказали «спасибо» монахине, проводившей нас широко посаженными всезнающими глазами.

На кладбище. Жаркое солнце. Ряды одинаковых серебристых крестов почивших монахинь. Чисто выметенный песок промеж них. В каждой раковине цветут свежие цветы. Около церкви могила Игуменьи Ангелины. И тут – за гробовой чертой – они вместе, соборно... единая, святая, Соборная и Апостольская Церковь... Заходили к многосотлетнему дубу... Прикоснулись к нему... В 6 пошли ко всенощной. Когда проходили двором – ударил колокол – Благовест к Вечерне... Благая Весть во тьме вечерней земли. Поплыли вдаль мерные, певучие редкие удары.

Страшен шум, который внутри тебя, даже если находишься в глухой тиши; а бывает так, что снаружи грохот, а ты умиротворен, спокоен и счастлив, и не слышишь ни шторма, ни бури.

Канавка, еле заметная под снегом, пересекла тропку. В двух местах на ней снега почему-то не было; виднелся ледок. Захотелось остановиться; скрип шагов смолк; в тишине послышался равномерный звук:

¹ Александра Михайловна Вавилина-Мравинская – после кончины И. М. Сериковой – супруга Е. А. Мравинского.

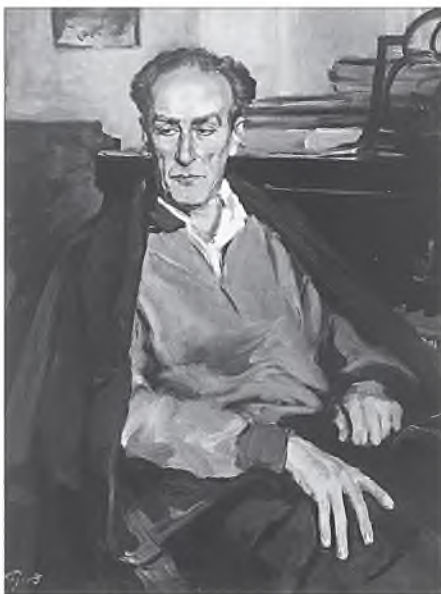
«Чуть ли не главным средством искусства Мравинского являлся взгляд...»

вдалеке шел поезд. Он шел гулко; было слышно позвякивание и погромыхивание; долго он шел и шел, не приближаясь и не удаляясь.

Вдруг звякнуло как-то оч[ень] близко, и стало ясно: в канавке подо льдом и снегом бежала вода: шорох ее об лед был гулкостью поезда, а позвякиваньем были подснежные колокольцы струек... Вот, у поворота, за сугробом ложбинка. По краю одного ее склона – толпа одетых снегом елочек: совсем маленьких и немножко побольше; посредине склона напротив – две постарше. Было так, точно они все, живые, столпились сюда что-то делать; одни – те, две, – уже начали это дело, другие еще не успели начать, а, может быть, внимательно смотрели за теми – внизу.

А пришел человек, и перед человеком они все застыли и притворились просто заснеженными (среди сугробов), отдельными елочками. Вот, летом бы им так не притвориться: беседа их слышна была бы в Тайности самого молчания.

В ожиданьи обеда – часок на постели; сначала дрема, потом беседа с окружающим: бревенчатые стены; гладко струганный пол и потолок, немного потемневшие; комната-шкатулка; особое – бар-

Портрет Евгения Мравинского.
Худ. Л. А. Русов. 1957 г.

хатистое глухое молчание: бревенчатая тишина. Неслышно за двойными, нераспечатанными зимними рамами колышутся в ветерке и трепещут листьями кусты бузины. По стеклам за ними перебегают и тоже трепещут солнечные зайчики. Там, где они пробегают, виден тоненький слой пыли на стекле. Нежно и сочно поет в кустах малиновка; на окнах – горшки с цветами: туя, цветущий куст белой розы, другой – с красными маленькими розочками; какая-то длинноусая травка и домовитый сочный, просвечивающий на солнце, целебный столетник. Резные полочки на стенах; резная шкатулка на шкафу; там же – старомодная керосиновая лампа со стеклянным абажуром-тюльпаном.

На бревенчатых стенах Бодрствующие в Молчаньи и своей навечной остановленности статные портреты и картины.

Тикают в тишине часы; но старая мудрая бревенчатая тишина не нарушается их тиканьем, не нарушает ее и щебетанье малиновки; она всегда была и всегда будет; всегда встречающая, присутствующая и – проводившая...

Зеленые гривы берез, расчесанные ветром.

Закатный час – вечерняя мирная улыбка земли.

Когда-то здесь стояла избышка; на месте ее бывшей завалинки – густой земляничник лежит, как большой венок на земле; ягодки – добрые мысли живших здесь. На месте другой избы теснятся рошницей молодые березки; шепчутся: «Скроем стыд, скроем горе...» Заколоченная изба; и будет нужда, да уж не постучишься на ночлег...

Густые сумерки. Благость несказуемо родного, кровного и Великое Таинство Вершенья... Так знакомого... Мелкая, прохладная бархатная пыль дорожки... Почему так дорога эта земля? Почему так хочется прикинуть к ней? Молчащие, воздетые очертания деревьев, темный багрянец неба; чернеющая грива берез, дороги и рощи, силуэт луковки церкви и золотая, полная луна близ нея...

Звездочка над опушкой; трепет ея в Бездне летящего Молчанья...
Поклон земле...

За воротичками, у сарая – дух сена, волны тепла, запахи зерна и откуда-то дымком и соломкой... <...> Здесь каждая травинка, только показавшаяся из земли, кончиком своим уже уходит в небо, а небо дыханием ветра и синевой своей непосредственно касается земного праха, и земля, и все, что на ней, купается в его Неизмеримости. И это – Правда. И ее надо всегда помнить.

За окном – то порывы ветра, то дождь, то светлеет, то опять хмурится... В комнате чистенько, «тишина присутствующая»...

Свернул с дороги и посидел на солнышке у риги, с ея вновь ожившим осенним теплом и запахами; на одуванчике нарядная осенняя крапивница («Ах ты, маленький праздничек!»), приникает, как бы клюя, к каждому цветочку; вот другая пролетела: невозможно удержаться от смеха радости, глядя на нее!

Земля: «миленькая, родименькая, сыренькая, голубушка»... Запах ея: сначала острый, крапивный, потом – согретый травяной душой.

Ветер всегда по земле шепчет! Вот как сейчас, когда дрожат в нем сухие метелочки злаков...

Над головой нежная истаивающая полоска облачинок; вокруг них холодная непорочная синева; Господи! и вправду – Риза Твоя пречистая! Острый холодок и запах листа в перелесках. Закатным золотом залиты первые багряные осинки. Звучит вступление Четвертой симфонии Глазунова...

Вот уходит день земли – безмятежно и тихо, туда, «идеже нет печалей и воздыханий, но жизнь безконечная...»

Где же это?

Да вот же! Вот оно! Здесь!

Здесь, вокруг нет ни печалей, ни воздыханий – вокруг – здесь – и жизнь безконечная!

Вышел на крыльцо: дождь, тишина, коровы бродят... Вспомнилось – понялось: не надо противиться ни пустоте, ни тишине, ни «неприкаянности»; надо отдаться им слепо – погрузиться в них, утонуть в них – слушать, как где-то капель капает, как где-то чьи-то (может и из тебя?) корешки растут, как густеют сумерки; стать ими, а став, – забыть и их, и себя в молчаньи и Покое уходящего Времени...

Так и сделал – стало просто и легко...

Сердце мое исполнилось Великого Счастья – и Благодарности – Судьбе – Дню и Часу...

«Я... посредник между автором и слушателями»

...Дерево к осени так же «неузнаваемо», как и человек к старости. Его траурные багроволиловые, буро-зеленые лиственные одежды (черемуха); но... дерево ведь вновь воскреснет – станет (почти) таким, как было прошлой весной... Оно только уснет... Сон – смерть...

Купил свечечки. Давно знакомая в лицо строгая пожилая женщина отодвинула на моей скамейке чье-то пальто и показала рукой: сядь, мол. С наслаждением, бездумно плюхнулся я в свой уголок, отдыхая, принимая, слушая... К концу службы хор многократно стал петь «Христос Воскресе». А ведь

я ныне лишен был этого на Пасхе (!). И было это – как свет и утешение и напоминание! («...и сущим во гробех живот даровав»). Воистину, мы сами укладываем себя во гробы... А ведь Христос не был в одиночестве: «Отец во Мне и Я в Нем... и вы во Мне»¹. Он был ВНЕ одиночества.

Мравинский Евгений Александрович (1903 – 1988) родился в Петербурге в известной музыкальной семье. Его тетка по отцу Е. Мравина была известной русской певицей, одной из ведущих солисток Мариинского театра. Мать, Елизавета Николаевна, также обладала хорошим голосом. Однако его род отличался не только музыкальными талантами. По матери Евгений Мравинский был близким родственником поэту И. Северянину, а сводной сестрой отца была Александра Коллонтай.

Евгений был единственным сыном и достаточно поздним ребенком, поэтому родители уделяли много внимания его воспитанию. Музыкальные способности мальчика проявились рано. Уже в шесть лет он освоил игру на фортепиано и начал заниматься с известным в то время педагогом В. Стремом.

Однако музыка далеко не сразу стала его профессией. В гимназические годы Мравинский серьезно увлекался естествознанием и даже хотел поступать на естественный факультет университета.

Но внезапная смерть отца изменила дальнейшие планы юноши. Достаток семьи резко сократился, и Евгений был вынужден искать работу. Он поступает в труппу Миманса Мариинского театра. К этому времени Евгений Мравинский

Печатается по: Е. А. Мравинский. Записки на память. СПб., Искусство, 2004.

¹ Ин.10, 38; 14, 20

уже был сложившимся музыкантом, поскольку все школьные годы не прекращал занятий по фортепиано.

В 1924 году Евгений Александрович Мравинский становится студентом консерватории, причем сразу по двум отделениям – композиторскому и дирижерскому. Первые два курса Мравинский сочетал обучение на двух отделениях, но в 1927 году сделал окончательный выбор в пользу дирижерского отделения. Его педагогом стал известный дирижер А. Гаук. Вместе с Мравинским у Гаука в то время учился другой в будущем крупнейший дирижер – А. Мелик-Пашаев.

После получения высшего музыкального образования летом 1931 года он смог получить место второго дирижера в Мариинском театре. Как это часто бывает, заявить о себе Мравинскому помог случай.

Однажды ему поручили заменить заболевшего дирижера, и он блестяще провел спектакль. После этого ему была поручена уже самостоятельная работа – возобновление балета Петра Ильича Чайковского «Спящая красавица». Его премьерой стала событием в культурной жизни Ленинграда, с этого времени Евгений Мравинский становится основным балетным дирижером Мариинского театра.

Параллельно с работой в театре он становится дирижером оркестра Ленинградской филармонии. С этим коллективом Мравинский не только проводил концерты в разных аудиториях, но и выступал на радио.

Дирижер предложил совершенно новый вид концертной деятельности – лекции-концерты. Перед началом исполнения он ярко и увлекательно рассказывал слушателям о тех произведениях, с которыми собирался их познакомить. Концерты собирали огромные аудитории. Вскоре Мравинский оставляет работу в театре и становится художественным руководителем одного из лучших оркестров страны.

1938 год можно считать поворотным в жизни Евгения Александровича Мравинского: он стал победителем первого Всесоюзного конкурса дирижеров. Естественно, что после победы на этом престижном конкурсе ему стали поступать одно приглашение за другим. Однако Мравинский не изменил оркестру Ленинградской филармонии, с которым и оказалась связана вся его дальнейшая концертная жизнь. Он руководил этим коллективом более пятидесяти лет, установив своеобразный рекорд. Музыканты объехали с концертами не только весь Советский Союз, но и практически весь мир.

ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ В ЛЮБЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ

К СТОЛЕТИЮ «СОЮЗА ПРАВОСЛАВНЫХ ЖЕНЩИН» РОССИИ

Нина Борисовна Жукова. 1961 г.

Жизнь Нины Борисовны Жуковой, сопредседателя международной общественной организации «Союз православных женщин» России, наполненная яркими событиями и значительными достижениями, свидетельствует о том, что в любых предлагаемых судьбой обстоятельствах возможно творить добрые дела во славу Божию и помогать ближнему даже в условиях тоталитарного государства. Негромко, без бунта и открытого противостояния, но твердо и неуклонно.

Будучи на посту секретаря горкома партии, Нина Борисовна не давала ходу многим материалам о «неблагонадежности» иных соотечественников, откладывала под сукно поступавшие к ней списки. А потом, уже будучи замминистра культуры, рискуя положением, стремилась сохранить церковные и культурные ценности нашего народа.

Нина Борисовна Жукова родилась в 1937 году в Москве. Её прадед до революции владел несколькими доходными домами, два из них, старинной постройки, уцелели, а на месте третьего сегодня разместилась возглавляемая ею организация.

По словам самой Нины Борисовны, память о старшем поколении семьи, о завещанном от предков укладе жизни по совести жива в ее душе до сих пор.

«Бабушка и дедушка родились в 1880 году, – рассказывает Нина Борисовна, – крестились, венчались и ходили в московский храм преподобно-

го Сергия Радонежского на Андроньевской площади. Меня крестили. Как только я появилась на свет, бабушка понесла меня в храм на подмосковной станции Обираловка (теперь город Железнодорожный) к священнику Митрофанову. Для меня семья священников Митрофановых с детства как родная. Старший из Митрофановых ещё мою бабушку крестил, его сын – меня. Когда прихожу к родителям на кладбище, обязательно навещаюсь к “своим” Митрофановым, к трем поколениям упокоившейся там их семьи.

Дед по отцу был заслуженным железнодорожником, что называется, человеком на виду, его семья оставалась верующей. В доме висела икона, а когда я пошла в школу, мой дедушка привел меня в Елоховский храм¹ и рассказал о Господе нашем Иисусе Христе, объяснил, что такое вера, что такое жить по Заповедям Христовым».

Первой из двух главных книг, сыгравших в ее судьбе решающую роль, был томик стихов Пушкина, полученный бабушкой-гимназисткой, Александрой Семеновной Гуцвиной, ещё в 1887 году за отличную учебу. Второй – Библия, которую открыл для маленькой Нины ее дедушка.

Семья Ивановых (по материнской линии Громовых) воспитала детей в духе Православия. «Если семья хранит верность традициям, не забывает культуру и веру предков, то неважно, в какое время ты родился и вырос – советское или несоветское!» – убеждена Нина Борисовна.

Во время Великой Отечественной войны мать Нины, Вера Никифоровна, ушла санитаркой на фронт, отец, инженер авиационного завода, уехал на Урал, забрав с собой дочь. За девочкой присматривали соседи,

*Родители Нины Борисовны Жуковой
Вера Никифоровна и Борис Матвеевич.
Деревня Савино Московской области. 1933 г.*

¹ Богоявленский кафедральный собор на ул. Елоховская, 15. Храм известен с XIV века, в 1717 г. на месте деревянного храма выстроили каменный. Пятикупольное здание собора построено в 1835 – 1845 гг. Архитектор Е. Д. Тюрин.

Нина Борисовна Жукова с мужем, дочерью и сыном, курсантом Военно-космической академии им. А. Ф. Можайского, на церемонии принесения военной присяги

отец день и ночь трудился на заводе. Самым радостным событием были письма с фронта от мамы...

В 1959 году Нина Борисовна закончила историко-филологический факультет Московского государственного педагогического института. Распределили ее в Балашихинскую школу учителем русского языка и литературы. Но просто отрабатывать часы было не в ее характере. Нина Борисовна органи-

зовала при школе «Клуб выходного дня» для детей, которые оставались без присмотра работавших в выходные родителей. В клубе проходили спортивные занятия, играли в шахматы, пинг-понг, обсуждали прочитанное, готовили концерты. В 29 лет молодого педагога избрали секретарем Балашихинского горкома партии и направили учиться в Академию общественных наук при ЦК КПСС.

В горкоме Н. Б. Жукова по мере возможности защищала верующих: «Церковные старосты приносили мне ежемесячно списки всех, кто венчался и крестился. На территории Балашихинского района было пять действующих церквей. Сейчас семь. Зачем приносили? Уполномоченный по делам религий в исполкоме это требовал. Получаю списки, там все значится: фамилия, имя, отчество, место и дата рождения.

Работники горкома должны были проверять, кто из этих «споткнувшихся» состоит в комсомоле, в партии, кто где работает, сверять паспортные данные, «принимать меры». А я списки крестившихся и венчанных возьму, «спасибо!» – и под сукно...»

С 1986 по 1992 год Нина Борисовна – заместитель министра культуры Российской Федерации. При ее поддержке возродился и обновился Всероссийский праздник славянской письменности и культуры, посвященный святым равноапостольным Кириллу и Мефодию.

В 1985 году, когда отмечалось 1100-летие преставления равноапостольного Мефодия, день 24 мая был объявлен в СССР «Праздником славянской культуры и письменности». Инициатива его проведения принадлежала Союзу писателей, но активную поддержку оказало и Министерство культуры РСФСР, и Нина Борисовна Жукова лично. От Московской Патриархии праздник возглавлял митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим. Нина Борисовна вспоминает об этих событиях: «Чудо для меня и моей семьи – это встреча в 1986 году с митрополитом Волоколамским

*Нина Борисовна Жукова со своим духовным отцом,
митрополитом Волоколамским и Юрьевским Питиримом. 1997 г.*

и Юрьевским Питиримом, который стал для нас всех духовником и вел по жизни до конца своих дней».

Нине Борисовне приходилось много ездить по стране, да и сейчас она редко сидит на месте. Часто рядовой визит превращался в событие, имевшее огромное значение для Русской Православной Церкви: «В 1990 году приезжаю в Казанский собор в Ленинграде, а на нём вывеска: «Музей атеизма». Директора спрашиваю: «Тебя устраивает это название?» Он отвечает: «Нет... А что я могу сделать?» Я говорю: «Наймите альпинистов, снимите вывеску для начала». А он мнется, не решается... Я ему заявляю: «Пойдем к Владыке!»» Тогда в Ленинграде был митрополитом Иоанн (Снычев). После обсуждения с ним вопрос был решен окончательно. Альпинисты работали всю ночь, а наутро ленинградцы уже не увидели на фасаде дома Божьего уродливой вывески «Музей атеизма». Через несколько лет не стало в Казанском соборе и музея.

«Вернули мы Церкви мощи святого благоверного князя Александра Невского, – рассказывает Нина Борисовна. – Торжественно пронесли их по Невскому проспекту крестным ходом... Мощи других святых продолжали храниться в музейных запасниках. Почему бы и их не передать Церкви? Не должны святые мощи под инвентарными номерами

Второй Форум православных женщин. 2012 г.

в мешочках лежать! Министр культуры такие решения поддерживал. Позже всех, в январе 1992 года, передали Церкви мощи преподобного Серафима Саровского, потому что долго не могли их найти. В каждом отдельном случае по идентификации мощей я писала письмо Патриарху Алексию II: “Пришлите, пожалуйста, комиссию, которая проведет соответствующую экспертизу”, – а он всегда мне отвечал: “Я доверяю вашим сотрудникам и работникам музея”. Он знал: пока отдают, нужно поскорей забирать, а то вдруг завтра опять все переменится, запретят трогать “музейные экспонаты”, вернется антирелигиозная пропаганда? Время такое было... переходное».

Но еще до этих событий заместитель министра культуры Н. Б. Жукова участвовала в подготовке к великой дате – Тысячелетию Крещения Руси. И этот праздник, радостно всколыхнувший весь славянский мир, прошел успешно.

С ее легкой руки и благодаря ее твердому характеру в 1992 году было подписано соглашение о поэтапной передаче церковных зданий их законным владельцам.

Под опекой Нины Борисовны расцвели всемирно известные музей-усадьбы Михайловское, Ясная Поляна и другие, росло число клубов, музеев, библиотек. Толчок к бурному развитию получили народные театры.

С первых лет существования Всемирного Русского Народного Собора, который возглавляет Патриарх Московский и всея Руси, она приняла ак-

тивное участие в его деятельности. С 1994 года она является членом Бюро ВРНС. С октября 1997 года руководит Общественным Комитетом содействия Союзу Беларуси и России. С 2010 года, в соответствии с пожеланиями Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, Нина Борисовна активно участвует в работе Международной общественной организации «Союз православных женщин», избрана сопредседателем Союза.

Награждена тремя орденами Святой равноапостольной княгини Ольги «За выдающийся вклад в пропаганду духовно-культурных традиций российского государства и православия».

В июне 2018 года «Союзу православных женщин» исполнилось сто лет. Он был основан святым Патриархом Тихоном в тяжелые и страшные революционные годы. Тогда и теперь православные женщины, по примеру евангельских жен, устремляются на помощь к тем, кто нуждается. Святейший Патриарх Кирилл на открытии I Форума православных женщин сказал: «В тяжелые годы богоборчества именно женщины составляли основу приходов Русской Православной Церкви. Стойко и самоотверженно они совершали исповеднический подвиг, свидетельствуя окружающему миру о неизблемости своей веры. Именно они чисто физически спасли Церковь – наши матери и бабушки, которые втайне от своих мужей, братьев, отцов крестили своих детей и внуков, которые передавали им тепло христианского благовестия, воспитывая их в христианском духе и тем самым сохраняя преемство православной веры».

К сожалению, имена всех хранительниц веры и Церкви во времена богоборческого режима мы уже не узнаем. Но всякий раз открытие новых фактов и новых имен окрыляет нас радостью и надеждой.

В 2016 году при участии Нины Борисовны Жуковой было открыто региональное отделение «Союза православных женщин» в Самарской области, руководителем которого стала Мария Александровна Матанцева.

В этом же году при участии Нины Борисовны прошли два форума. Всероссийский гражданский форум «Возлюби жизнь» в поддержку обращения Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла к Государственной Думе ФС РФ VI созыва о выведении абортотворения из системы обязательного медицинского страхования и Международный Церковно-государственный форум «Воспитание патриотизма как основы духовной безопасности России», где Нина Борисовна выступила с докладом «Разрушение традиционных ценностей как угроза Российской государственности».

*Материал подготовлен Марией Матанцевой,
руководителем регионального отделения
«Союза православных женщин» Самарской области.*

«ВСЯКИЙ ЛЮБЯЩИЙ РОЖДЕН ОТ БОГА»

*Покров с изображением святых
Петра и Февронии – вклад
в Богородице-Рождественский собор царя
Фёдора и царицы Ирины в 1593 г.*

Сегодня мы празднуем День семьи, почитаем благоверных князей Петра и Февронию. Князь Муромский Пётр жил в начале XIII века. Его поразила проказа – страшная болезнь, когда всё тело осквернено, покрыто струпьями, человек постепенно начинает разлагаться и умирает. И князь в поисках, кто бы мог его исцелить, объездил все грады и веси. Его помощники нашли одну девицу, Февронию, которая сказала, что она может исцелить Петра, но поставила условие, чтобы он взял её замуж. Вот такое дерзкое условие, даже непонятно, как его толковать и объяснять. Простолоудинка заявляет: «Исцелю, если князь возьмёт меня замуж».

Князь приходит, а Феврония смотрит на него с такой жалостью. Раньше не говорили «я тебя люблю», а говорили «я тебя жалею».

Жалеть – это значит любить. Кого жалеешь, того любишь. И она пожалела, приготовила снадобье, велела баню натопить. Исцелился князь, когда помазался этим снадобьем, но своё обещанье-то и не выполнил, не взял её в жёны, и опять покрывшись проказой. Второй раз идёт князь к девице на поклон: «Если сейчас исцелишь меня, возьму тебя замуж». И взял замуж князь простую деву, дочь бортника. Бортник – это тот, кто по деревьям мёд диких пчёл в дуплах собирал. Такая простая, но опасная работа была у ее отца.

И князь берёт замуж простую девушку, которая его пожалела. Что же главное для жены? Жалеть мужа и быть помощницей ему. И Фев-

Храм в честь святых благоверных князей Петра и Февронии. Самара

рония помогла Петру, но как только он от неё уехал, опять заболел. То есть теперь надо было её при себе держать, не дай Бог, что случится, она всегда поможет.

И вот здесь удивительная история. Привёз князь незнатную жену в Муром, и бояре, конечно, возмутились. Скорее всего, не бояре даже, а жёны бояр. Сказано в Житии: «Как это она, простая, над нами будет старшей?» Бояре-то с пониманием, может быть, отнеслись бы, а вот жёны их воспротивились. Бояре пришли к князю и говорят: «Любые деньги дадим, только пусть она уйдёт. Мы тебе другую жену найдём, не такую, поважнее». Но Пётр им ответил: «Вы сами ей скажите». Собрал пир, праздник какой-то был, и на этом пиру бояре, испив пития медвяные, стали требования свои предъявлять... Вот, Феврония, мол, ты уходи, а мы за это тебе отдадим все, что ни попросишь. Она говорит: «Хорошо, я согласна. Но у меня одна только просьба – отдайте мне Петра, я с ним и уйду». И вместе с Петром они ушли, жили как простые люди где-то в шалаше на берегу реки. Через некоторое время бояре бегут: «Княже, возвращайся, из-за твоего престола такая сечь началась – друг друга все перебили, жить невозможно. Возвращайся, княже!»

Вернулись супруги и жили так же дружно, так хорошо правили! Была у них только одна мечта – умереть в один день. Так и случилось. И перед смертью они просили, чтобы похоронили их в одном гробу, и гроб себе

*Золотая свадьба православной семьи.
У памятника святым Петру и Февронии
в Самаре*

такой приготовили, с перегородочкой, один на двоих. На склоне лет они приняли монашеский постриг. И бояре рассудили, что неудобно монаха и монахиню в одном гробу хоронить. Князя похоронили у кафедрального собора, а супругу его – в женском монастыре, каждого в своём гробу. А утром бояре смотрят, они оба в том гробу, с перегородочкой, лежат. Как так? Непонятно. Чудо случилось. Поняли тогда все, что на это особое Божие произволение, похоронили их вместе.

И вот этим святым, сохранившим любовь и верность до гроба, стала поклоняться Русь, а первыми русскими святыми были Борис и Глеб, которые не захотели со старшим братом своим воевать и приняли мученическую смерть от его руки. Не знал православный мир

до Святой Руси святых, подобных Борису и Глебу, Петру и Февронии.

В чём же смысл семейной жизни Петра и Февронии? Феврония, увидев, что не сможет Петр без неё жить, так и будет болеть и помирать, пожертвовала собой, сказав: «Возьми ты меня, я буду всегда с тобой». И она стала его помощницей, а когда ей предлагали за него все земные богатства, она выбрала супруга своего. Вот это и есть семейная жизнь, когда муж в семье самое главное богатство для жены. Ей все сокровища мира отдай, она только мужа выберет и будет с ним жить в нищете и бедности, но ни за что его не продаст, ни за что от него не откажется. Настоящая жена всегда помощница, всегда исцелительница, всегда утешительница.

И вот идеальная православная семья стала идеалом Святой Руси. А теперь этот праздник стал ещё и государственным праздником. И не только православные, но и мусульмане согласились с тем, что нам нужна крепкая семья, нам нужны детки, нам нужны благочестивые, жалеющие своих мужей, помогающие им жены. Нам нужны такие мужья,

Свято-Троицкий женский монастырь. Муром

которые в глазах семьи были бы великой драгоценностью, чтобы они жили так, что не ценить их невозможно.

Поэтому праздник святых Петра и Февронии и есть праздник семьи. Я поздравляю вас с тем, что Русская Православная Церковь возымела такой образ святости: на брата руку не поднимать, семью хранить, чтобы жена знала своё место, муж своё, чтобы муж был такой благородный и так содержал семью, чтобы его легко было бы почитать, а жена была бы такая смиренная, любвеобильная, чтобы ее легко было любить. И вот если муж будет выполнять своё предназначение, перестанет читать газеты и смотреть телевизор, а встанет с дивана, начнет трудиться, достойно содержать семью, вести мужской образ жизни, то жена скажет: «Вот у меня какой муж благородный, как же его не почитать. Ни за какие богатства мира я его не отдам». А если жена смиренная, любвеобильная, домашняя – такую жену ведь легко и радостно любить. Жена милосердная, жалеющая, любящая помогает мужу себя любить, а муж, если он благородный, трудится на благо семьи, он помогает жене себя чтить. Поэтому не надо заставлять друг друга любить и чтить себя, надо жить так, чтобы любовь и почитание естественным образом вошли в жизнь каждой семьи.

8 июля 2018 года

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ

Монахиня Александра (Захарченко)

В последние годы часто приходится участвовать в научных дискуссиях, оттачивать формулировки и заново открывать смысл известных, на первый взгляд, понятий. Это важно, особенно когда речь идет о воспитании и образовании наших детей. Ошибаться здесь так же опасно, как опасно ошибаться саперу. Доктрины, концепции, стандарты, программы – все это мало что значащие для большинства людей слова, но именно они определяют стратегию образования в нашем Отечестве. Одно слово или одно предложение в конечном итоге может изменить мировоззрение целого поколения, а значит, и судьбы конкретных молодых людей.

Разработка понятий – дело философии. Понятия призваны выражать сущность вещей, являть смысл бытия. Дело древнее, как творение. Сотворив человека, Бог дал ему задание – нарекать живым существам имена. *И привел [их] к человеку, чтобы видеть, как он назовет их, и чтобы, как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей* (Быт. 2, 19). Слова Библии говорят о высокой ответственности наречения имени. Дело это совершается пред лицом Божиим.

Имя вещи, как и художественное произведение, рождается в момент ее восприятия, в точке соприкосновения души человека с миром. Как художник сначала набрасывает этюды, уточняя детали цельной картины, еще неясно мерцающей в глубине его восприятия, – так и мы в этих этюдах постепенно выявляем грани будущей строгой системы взаимосвязанных понятий.

ЧИТАЯ ПУШКИНА

Вспомнила Пушкина, как он смог выразить то, над чем мы до сих пор ломаем свои научные головы.

Захарченко Марина Владимировна, профессор кафедры социально-педагогического образования Санкт-Петербургской Академии постдипломного педагогического образования, доктор философских наук. Осенью 2017 года приняла монашеский постриг с именем Александра в честь императрицы Александры Федоровны.

Два чувства дивно близки нам.
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу¹,
Любовь к отеческим гробам.

На них основано от века,
По воле Бога Самого,
Самостоянье человека,
Залог величия его.

Животворящая святыня!
Без них земля была б мертва.
Как... пустыня²,
Душа – алтарь без божества.

Для меня в этом стихотворении звучит переживание автором связи времен, осмысляемой как содержательная нравственная идея русского самосознания. Всегда читалась здесь мысль парадоксальная, как все у Пушкина, которая вела меня на протяжении десятилетий в лабиринтах русского самосознания, искусно огибающих капканы, расставленные «афинеями хитросплетениями» западного рационализма русскому патриотизму с нашей простой и цельной любовью к Отечеству. Мысль о том, что самостояние человека основано на этой удивительной и непостижимой любви к «праху» – к пепелищу и гробам. Что самостояние имеет основание. Что человек стоит не «сам», пусть и по воле Бога, но силой этой любви, которая питает его сердце. Что наше самостояние нам не принадлежит, но является именно самостоянием, образуя залог нашего величия. Разве это не парадокс?

Ум волновало всегда и это таинственное умолчание – пепелище чего? Фраза «родное пепелище и отеческие гробы», очевидно, разворачивает латинскую формулу верности отечеству: «верность алтарям и очагам». Очаг, когда не горит, – это ведь пепелище. А отеческие гробы в доме римского патриция помещались в пределах принадлежащей ему земли, недалеко от дома с очагом, и рядом с ними располагался алтарь ларам, предкам рода. Алтари и очаги – это именно святыня. Залог величия человека – в любви к святыне. Святыня животворит, без нее мертва земля, мир пуст и пуста

¹ Пепелище – погорелое место, пожарище; родное, родовое пепелище – наследованный от отца или от предков дом, жилище, место, земля (*Толковый словарь живого великорусского языка* В. И. Даля. М., 2000).

² Пропуск оставлен в оригинале текста А. С. Пушкина. Часто можно встретить другую редакцию третьей строфы: «Душа была б без них пуста, без них наш тесный мир – пустыня, душа – алтарь без божества». Однако эта версия текста принадлежит не Пушкину, а редактору позднее издававшегося собрания его сочинений.

душа, мертв алтарь, лишенный истинного Бога. Так читаю это стихотворение, и его центром, живым нервом является именно этот парадокс «несамобытной самобытности» человека. Осваивая парадокс, ум осмысляет животворящую его святыню.

Парадокс – от греческого «пара-докса» – «вопреки общепринятому». В рамках моего образования общепринятым был уже западный рационализм, гуманизм, пусть в классовой интерпретации марксизма, но на философском факультете доступны были и его первоисточники, согласно которым самостоятельность человека есть его главное достояние, а главная угроза самостоятельности – зависимость от прошлого, от исторического наследия, с которым необходимо разбираться очень решительно. С русским прошлым в советское время разбирались очень решительно, и живое восприятие русских просторов, русских деревень в дни моей молодости, часть из которых я провела в этнографических и архитектурно-археологических экспедициях, диктовало восприятие пушкинской цитаты отнюдь не в римском контексте родовых святынь. Отеческие гробы – это кладбища, запущенные не только на отдаленных просторах России, но и в самом центре Петербурга, например, Смоленское с разрушенной тогда часовней св. Ксении: заросшие травой могилы, покосившиеся кресты. Родное пепелище – это разрушенные храмы и монастыри, брошенные деревни, оползающие пустые пятистенные дома, когда-то вмещавшие в себя полную и радостную жизнь многопоколенных и многодетных русских семей, таких, как семья моих прабабушек. Жизнь, о которой глгали учебники истории – «темное, безпросветное существование нищих людей». «Как вы жили, бабушка?» – спрашивала я своих родных и респондентов в этнографических экспедициях. «Как жили? – Весело жили. Работали... пели...»

Видя эту разруху, чувствуя нарастающую боль в душе, я переживала еще один парадокс русского самосознания – эта боль питала мое сердце. Что это – тот самый «русский мазохизм», «фатальное наследие православия с его культом страдания»¹, который никак не дает нам войти в благополучную семью европейских народов? Или та самая тайна русского духа, из-за которой Россию «умом не понять» и «аршином общим не измерить»²?

Сегодня, когда мне удалось восполнить мое образование знанием русской духовной традиции и жизнью в ней, я могу сказать, что со мною происходило. Это оживала душа, наполняемая образами Отечества.

¹ Терминология американского философа, литературоведа, расиста Дениэла Ранкур-Лаферьера, автора книги «Рабская душа России. Проблемы нравственного мазохизма и культ страдания» (1995).

² Ф. И. Тютчев. «Умом Россию не понять...»

Мертвые и замерзшие не испытывают боли. Боль возникает тогда, когда отходит анестезия и возвращается сознание.

Мертвая душа не отзовется болью на созерцание родного пепелища, у нее возникнет только одно желание – закатать это безобразие в асфальт и построить на нем гипермаркет. Душа, болью пробуждаемая к жизни, – будет возвращаться к ним, угадывая в знаках, оставленных прошлым, образ наследия, переданного нам предками для того, чтобы мы строили на нем наше будущее.

За родником – белый храм,
Кладбище старое,
Этот забытый рай
Русь нам оставила.

В такой редакции пелись мне известные строки стихотворения «Родник» иеромонаха Романа (Матюшина). Рай – вот главное слово. Русская жизнь созидалась в непрестанном памятовании о рае как последней правде о человеке, призванном хранить и возделывать дарованный Богом рай, чтобы жить в нем вечно. В авторском тексте песни стоит не «рай» а «край». Однако в этом прочтении новыми красками играет и само понятие «край» (мое поколение хорошо помнит слова из песни детства, которую мы пели на уроках музыки: «Край родной, навек любимый, где найдешь еще такой?»). Край – это значит «к раю»: земля, устремленная к небу. Русская земля – «подножие Престола Господня», по слову святого Иоанна Кронштадтского.

Наследием, которое мы приняли на пороге нового тысячелетия, оказалась не обустроенная столетиями благополучной жизни комфортная среда обитания, а животворящая святыня – *сокровенного сердца человек в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа* (1 Пет. 3, 4). Именно он оказался образом духовного совершенства, хранимым в русском предании. Этот парадокс ярко воплощается в облике святого Герасима Иорданского. Он сумел подойти к дикому льву, обезумевшему от боли, и вынуть из его загноившейся лапы застарелую занозу, причинявшую боль. Представляя себя рядом с таким львом, постигаю всю глубину формулы кроткий и молчаливый дух. Дух, недоступный для страха, потому что он исполнен милосердия и сострадания, потому что *совершенная любовь изгоняет страх*¹.

Доблести и предания отеческие, о которых свидетельствуют гробы и пепелища, называются еще добродетелями: целомудрие, нестяжание, мужество, кротость, милосердие, сострадание, любовь – наши традиционные ценности. Об их действенности и жизненности свидетельствует наша

¹ 1 Ин. 4, 18.

культура, ее традиции. Залог величия человека – самостояние в добродетелях, унаследованных через любовь к отеческому преданию. Вот как в конце концов прочитались стихи Пушкина. Следовать отеческому преданию без любви не получится. Так высок горизонт совершенства, им очерчиваемый, так велика сила завета, отсекающая похоти человеческой природы.

КТО ЕСТЬ ЧЕЛОВЕК?

Современная наука спрашивает – что есть человек? Различные научные дисциплины дают свой ответ: психология, социология, экономика, политология, медицина, биология и другие, – каждая со своей стороны. Педагогике же нужно интегральное знание о человеке – о его целостном бытии.

Часто возвращаюсь мыслью к строке псалма: *что есть человек, что Ты помнишь его, и сын человеческий, что Ты посещаешь его?* (Пс. 8, 5) А слышится не «что», а «кто»: «кто есть человек?» «Что» – вещь неодушевленная, может ли вещь неодушевленная обращаться к Богу, говоря Ему «Ты»? Знать и чувствовать Его посещение и изумляться этому? Может быть, сам этот вопрос превращает «что» человека в его «кто»?

Думаю, основной вопрос педагогики – человек это «что» или «кто».

На самой заре философии, а это эпоха греческой классики VI – IV вв. до н. э., древние мудрецы, или, как назвал себя Пифагор, «любящие мудрость» (философы) открыли главную особенность человеческого мышления: истину можно мыслить только в противоречиях, парадоксах. «Пара-докса» – в переводе с греческого значит «против мнения». Греки противопоставили друг другу «мир мнения» (то, что «кажется») и «мир истинного бытия» (то, что «есть»). Мир показывается человеку часто совсем не таким, какой он есть. Кстати, русское слово «истина» производное от глагола «есть». Истина – это то, что «есть», а не «кажется». Эту мысль Любомудров-философов отражает русская поговорка: «если кажется – крестись». А стоит она на крепком основании христианской аскетике. Вдумаемся, как глубок ее смысл. Мы говорим «кажется», когда не уверены, когда мысль, пришедшая нам, не удостоверена глубоким сердечным знанием, обретаемом через веру. В христианской традиции это называют «помысл» и учат его «отсекать», не следовать ему и не принимать к рассмотрению. Пришел помысл – крестись, значит, с молитвой призывай на помощь Истину, свет которой или развеет его, как ночную тень, или проявит его настоящее значение.

«Что есть истина?» – в такой форме философия задает человеку свой главный вопрос. Историческое же развитие философии демонстрирует, что человеческое мышление может вопрос поставить, а вот дать достоверный ответ на него оказывается не способно. Так, спрашивая о единой

и единственной истине, мышление обнаруживает ее множественные облики и только стремится к единству.

Но эту единственную Истину открывает Евангелие. Евангельский ответ парадоксален. Отвечая Пилату на вопрос о Его вине, Иисус говорит: Я на то родился и на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать о истине (Ин. 18, 37). Что есть истина? (Ин. 18, 38) – сомневается в существовании истины Пилат и смотрит на Того Кто свидетельствует о Себе: *Я есмь путь и истина и жизнь* (Ин. 14, 6). В христианском понимании истина – это не «что» а «кто». Истина обладает личностным бытием, о ней свидетельствует Христос: *всякий, кто от истины, слушает гласа Моего* (Ин. 18, 37).

Истина не равнодушна к человеку, она не объективна, но абсолютна и беспорна. Она не вне человека, но в нем самом. *Се, человек!* – сказал Пилат, выводя Христа толпе иудеев во свидетельство того, что он не нашел в Нем никакой вины (Ин. 19, 4). Истина обладает преобразующей властью: став на Путь Истины, человек преображается, он обретает Жизнь. Истина милосердна к человеку, ибо Христос свидетельствует о победе над главным злом земной жизни – победе над смертью.

Русская весть о смысле жизни и милосердии накрепко связана с христианским благовестием о спасении и преображении человека.

Сегодня в документах в системе образования (тех самых концепциях, стратегиях, программах) много говорится о традиционных ценностях.

Наши традиционные ценности имеют своим истоком духовную жизнь человека, принявшего весть о Богосыновстве и Богочеловечестве. Человека, который «чае воскресения мертвых и жизни будущего века».

Православную педагогику справедливо называют «педагогикой образа и подобия». Почему? Потому что она основана на святоотеческой антропологии – святоотеческом учении о человеке. Согласно ему, человек создан по образу Божию: *сотворим человека по образу Нашему [и] по подобию Нашему* (Быт. 1, 26) – сказал Бог в шестой день творения. Образ и подобие Божие явлены в первозданном человеке, мужчине и женщине, Адаме и Еве, когда они жили в раю. Но подобие это не было совершенным. В грехопадении человек утратил подобие Божие, но образ Божий в нем не угас. Совершенное Божие подобие явил людям Христос. В Нем природа Бога и природа человека соединились «неслиянно, нераздельно, неразлучно, неизменно» (орос Халкидонского собора). Задача жизни человека на земле – следуя Христу, восстанавливать подобие Божие, усваивая плоды Крестной жертвы и Воскресения – искушение греха и спасение. Это синергийный, двуединый Бого-человеческий процесс, он совершается в личностных взаимоотношениях Бога и человека в Церкви, которую Христос стяжал Своей Кровью. По этому пути идет Церковь, оставляя нам в подражание сонм

образов святых: апостолов¹ и равноапостольных, святителей, преподобных, праведных, мучеников, благоверных, блаженных. Задача человека, согласно христианской антропологии, – стремиться к святости, свидетельствовать о святости, идти путем святости.

Сегодня в документах в системе образования появился новый термин – «духовно-нравственное развитие». Что это такое? – недоумевают педагоги-теоретики не меньше, чем педагоги-практики. В современной педагогической терминологии понятие «развитие» означает развитие каких-либо способностей: интеллектуальных, физических, эстетических. Методисты разрабатывают программы деятельности, развивающей такие способности, а также критерии, позволяющие оценить достигнутый уровень развития. Что же это за духовно-нравственные способности такие, в какой деятельности они развиваются и как их измерить? – растерянно оглядываются методисты. Увы! – в современной педагогической мысли совершенно утрачено понимание того, что человек – это простое, целостное, нераздельное существо, – она умеет видеть его только по частям.

Простое и ясное понимание категории «духовно-нравственное развитие» предложил в своей докторской диссертации архимандрит Георгий (Шестун). Основание духовно-нравственного развития – духовно-нравственное становление человека. «Становление» – строго философская категория. Это онтологический процесс, движение самого бытия. Становится что-то, чего *нет*, чем-то таким, что *есть*. Бог создал человека, Он воззвал его из небытия, и человек «есть» только в той мере, в какой он хранит и поддерживает эту связь с Богом. Образ Божий – дар акта творения, он мерцает в каждом, а подобие человеком завоевывается. Это – *Царство Божие*, которое *внутри* нас *есть* (Лк. 17, 21) и которое от времен Христа *нудится* и *нуждницы восхищают е* (Мф. 11, 12). Духовно-нравственное становление – процесс, охватывающий всю полноту времени земной жизни человека, в конце которой он призван «встать» пред Господом, чтобы дать ответ за все дни своей жизни. В этом заключается разница между педагогикой светской, ограничивающей свои задачи только временем земной жизни человека, и православной, которая учит соединять земную жизнь, текущую во времени, и жизнь вечную.

Это фундаментальное различие – онтологическое и антропологическое. На уровне онтологии мы отвечаем на вопрос: человек существо конечное или бесконечное (хотя и не безначальное, потому как имеет начало в акте творения). На уровне антропологии – на вопрос о финальном призвании человека отвечаем или как Базаров: лечь в гроб и истлеть, или как

¹ Апостол в переводе с греческого означает и «свидетель», т. е. «видевший живой образ», и «следующий по стопам, вослед», т. е. взявший его за образец, подражающий ему.

Христос: войдите, праведные, в Царство, уготованное вам от века, нечестивые же будут ввергнуты *во тьму внешнюю* (Мф. 8,12).

Педагогика образа и подобию – это педагогика становления человека по образу высшего совершенства: *будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный* (Мф. 5, 48).

В научных статьях мы говорим об антропологическом идеале русской цивилизации – человек становящийся. Стремление к высшему совершенству как стояние в правде определяет жизнь человека в полном соответствии с греческим словом «антропос» – что значит «устремленный вверх», «прямо стоящий». *Ищите же прежде Царства Божия, и... все приложится вам* (Мф. 6, 33).

СОВРЕМЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК, КТО ОН ИЛИ ЧТО ЭТО?

Современность – важная тема сегодняшней педагогики. Мы должны воспитывать современного человека. Какой же образ современного человека предлагает нам педагогическая мысль, выраженная в концепциях, стратегиях, доктринах, программах, учебниках, методических разработках, определяющих практику образования?

Парадоксальный образ. С одной стороны, они говорят о духовно-нравственном развитии, традиционных духовно-нравственных ценностях, предлагают к изучению русскую литературную классику и шедевры мировой литературы и искусства, основы православной культуры (правда, по выбору). С другой, – о воспитании конкурентоспособного человека, грамотного потребителя, умеющего обеспечить свое материальное благосостояние, адаптированного к динамике техносферы, готового к изменениям. Каким изменениям? Фигуры умолчания бывают красноречивее явных формул – речь зачастую идет об изменениях социальных норм и ценностей. В постановке целей образования широко используются категории социологии и экономики: нам предлагают «развивать человеческие ресурсы», «создавать человеческий капитал». Господь помиловал, не прижился популярный в 90-х термин «обработка человеческого материала». Кроме того, образование определяется как сфера услуг, а педагоги в новой терминологии «оказывают образовательные услуги». До сих пор действует документ «о минимальном стандарте социальных услуг воспитательного характера», где между прочими предусмотрены такие услуги, как «приобщение к духовно-нравственным ценностям» и «формирование патриотизма». Складывается ли все это в какой-то цельный и простой образ? Отнюдь нет. Вместо него предлагаются сложные многомерные «компетентностные модели» выпускника, разлагающие простую целостность «кто»

на спектр «объективных» характеристик «что», в которых невозможно усмотреть динамику саморазвития.

Отчего утрачен образ? Это достижение или потеря сегодняшнего образования? И утрачен ли он? Может, скрыт в парадоксах? Пишу этюды – пробежимся же, словно быстрыми пальцами по клавиатуре рояля, мыслью по широкому диапазону факторов, влияющих на образование и парадоксальное его состояние.

В начале 90-х годов образованию «дали свободу» и предложили широкое поле для экспериментов. Чего только не происходило в образовании! Там «клубились облака смыслов», создавались «полисистемные мыслеформы», «проектировались акватории (именно акватории) развития» и происходили другие удивительные события – цитирую подлинные формулировки концепций и программ школьных экспериментов. Казалось бы, полная неразбериха. Однако под волнующейся поверхностью «педагогического океана» властно обозначились два могучих течения, сущность которых определяется исходя из анализа цивилизационного развития человечества. Столкнулись и переплелись в схватке за русское образование два цивилизационных принципа. Назовем их «онтологический» и «проектный» и попробуем описать.

Онтологический принцип основан на органическом процессе преемственности поколений, связывающей историю мира в живую цепь времен. Исходя из этого принципа, мы видим мировую историю как взаимодействие цивилизаций. Эти цивилизации, во-первых, возникают на определенных религиозных основаниях, которые и определяют существующую систему ценностей, во-вторых, живут и развиваются по органическим законам длительное время, и в-третьих, исчезают во время оно, однако не бесследно, но оставляя свое культурное наследие грядущим поколениям, принимаемое, трансформируемое или отвергаемое последующими цивилизациями.

Для онтологического принципа ключевое значение имеет традиция, в переводе с латинского – «передача» от поколения к поколению ценностей и смыслов цивилизации. Цивилизация живет до тех пор, пока живы ее религиозные смыслы и порождаемые ими ценности. Вспомним восклицание летописца из пушкинского «Бориса Годунова»: «Да ведают потомки православных земли родной минувшую судьбу». Важнейшая задача летописи – передача потомкам ценностной и смысловой основы деяний предшествующих поколений. Но обратим внимание на форму глагола: не «чтобы ведали», не «должны ведают», – но «да ведают!» Та же форма, которая использована в первой книге Библии: *да будет свет. И стал свет* (Быт. 1,3). Бог творит свободно, по закону совершенному, закону любви – и творение

радостно отвечает Ему, взываемое из небытия к бытию. Для онтологического понимания традиции крайне важно видеть место самого фактора свободы человека. Свобода – это наше онтологическое качество. Апостол Иаков назвал закон любви, в котором наставил учеников Христос, *закон совершенный, закон свободы* (Иак. 1, 25). Кто постигнет его, блажен будет в своем действии (Иак. 1, 25). Традиция призвана научить последующие поколения жить по закону совершенному, закону свободы и, действуя, достигать благих целей. То, что она оставляет грядущим временам, – не набор форм культуры, а образ блага, образ совершенства, выраженный в этих формах. Всякая цивилизация отвечает на вопрос «кто есть человек?» по-своему, и в свободном культурном творчестве создает условия для того, чтобы в каждом новом поколении, в каждый раз новых исторических условиях воссоздавался утверждаемый ею образ человека.

«Проектный» принцип находит свое историческое воплощение в совокупности идей и социальных практик, объединяемых термином «глобальная цивилизация» или попросту «глобализм». Пусть вас не пугает ученый термин «социальная практика» – все очень узнаваемо. Цифровая экономика и электронные документы, Федеральная резервная система и подведомственные ей национальные банки большинства стран, господство нефтедоллара и монополия на средства массовой информации, идеологический диктат «общечеловеческих ценностей» и «толерантности», «потребительский бум» и «гендерная революция» (кто не знает – это означает обязанность повсеместного признания права человека на выбор одного из 36 «гендеров» вместо следования миссии природного пола, которых только два – мужчина и женщина) – это все знакомые нам социальные практики, определяющие облик глобальной цивилизации.

Мы привыкли отождествлять понятия «глобализм» и «западная цивилизация», однако это не совсем верно. Да, глобализм возникает в лоне западной цивилизации. Но возникает именно как проект, идея переустройства «по мере человеческого разума» сначала природного окружения и социальных отношений, а потом и самой природы человека.

Предпримем довольно обширный экскурс в философию, чтобы обозначить важные вехи исторического генезиса этого принципа. Попутно будем сопоставлять его с онтологическим принципом.

Проектный принцип развития цивилизации формулируется в философии XVII – XVIII вв. Он отражает и обосновывает процесс великих цивилизационных преобразований, известных нам как «буржуазные революции». Устами Декарта¹ философы провозгласили: «Мыслию, следовательно,

¹ Рене Декарт (1596 – 1650) – французский философ, математик, физик, физиолог. Автор высказывания «*cogito, ergo sum*» (лат.)

существую». Достоверность бытия держится на достоверности человеческого мышления, а не на достоверности Божественного Откровения. Недоверие Откровению – именно с этого пункта начинаются размышления Декарта, приводящие к его утверждению о власти мышления над бытием.

Постулированное Декартом отношение мышления и бытия решительно противоположно традиции святоотеческой мысли. Богослов XIV века, святитель Григорий Палама, говорил о специфической особенности мышления «сцепляться» и «расцепляться» с бытием. Сцепляясь с бытием, мышление, разум способны видеть истину. Это «теория» (theoria – феория) – истинное созерцание Божественной премудрости, сотворившей мир, человека и промышляющей о них. Расцепляясь с бытием, разум «промахивается» мимо истины и видит только себя, свою непомерно огромную тень, павшую на творение. Это грех разума (по-гречески грех – «амаргейя», на русский переводится как «промах»). Святой Григорий Палама говорит, что это «расцепление» происходит, когда, согласно русской поговорке, ум с сердцем не в ладу, когда сердечное и умственное познание начинают работать в противоположных направлениях, и учит об аскетической практике монаха-подвижника, в умной молитве действительно воссоединяющего ум с сердцем.

Другой мыслитель XVII века, Локк¹, установил началом познания, непосредственный жизненный опыт человека, опирающегося на «здравый смысл». Главное качество «здравомыслящего» человека – это полное недоверие традиции. Локк называет традицией готовое знание, полученное от других людей. Доверять же можно только знанию, которое добывается самостоятельно при помощи правильно воспитанного разума. А как правильно воспитать разум? Вооружить его «правильным методом». На разработку этого метода и должны быть направлены усилия философов, ибо все прежние методы были направлены на обработку чужих свидетельств, на «книжное знание». Новый метод должен быть направлен на обработку собственного опыта. Знание об Откровении, утверждает Локк, получено по традиции, от других людей. Следовательно, ему нельзя доверять. Все свидетельства Откровения, которые человек получит на своем опыте, необходимо проверять посредством правильного метода.

Завершенные очертания проектный принцип получил в философии французского Просвещения в трудах Дидро, Вольтера, Гольбаха, Гельвеция. Ими была создана «Энциклопедия», ставшая «Библией» новой эпохи, то есть ее Главной Книгой. Они подвели фундамент под уже совершившиеся революции и обозначили перспективу будущих революционных пре-

¹ Джон Локк (1632 – 1704) – английский педагог и философ, основоположник либерализма.

образований общества. Гельвеций¹ последовательно развивает все выводы о человеке из основной предпосылки – человек живет ради получения удовольствия и пользы в рамках времени своей земной жизни.

Чтобы наглядно продемонстрировать, к каким выводам приводит принятая им предпосылка, сопоставим две цитаты. Гельвеция: «Будь гражданином, ибо родина нужна для твоей безопасности, для твоих удовольствий, для твоего благополучия», и Е. Н. Трубецкого: «Особенность русского патриотизма заключается в том, что он никогда не воодушевляется идеей родины как такой, служением русскому как такому. Чтобы *отдаться* [выделено автором – монахиня Александра (Захарченко)] чувству любви к родине, нам нужно знать, чему она служит, какое дело она делает. И нам нужно верить в святость этого дела, нам нужно сознавать его правоту. Нам нужна цель, которая бы поднимала наше народное дело над национальным эгоизмом»².

Идея Отечества у Гельвеция строится на общем для всех людей деле достижения земного благополучия. Это характерная черта патриотизма всех наций западной цивилизации. Для русского сознания – это не патриотизм, а национальный эгоизм. Русская идея Отечества строится на понимании общего дела как всенародного служения благу, которое по масштабу больше как индивидуального, так и узко-национального благополучия и признается как правое, святое дело. В русском патриотизме всегда присутствует идеальный план. По замечанию Ф. М. Достоевского, русскому сознанию присуща «всемирная отзывчивость». Как сказал о русских Аджай Гойял³: «Мы в Индии очень хорошо понимаем, что русские – это нация воинов. Воинов не в том смысле, что они все время воюют, а в том, что настоящий (подлинный) воин – тот, кто готов отдать жизнь за свои идеалы»⁴. Русский патриотизм – это не чувство гордости за силу страны как таковую, или за силу, открывающую путь к твоему благосостоянию, – это чувство радости о тех справедливых делах, которые с опорой на силу делает страна, и о своем участии в таком справедливом общем деле⁵.

¹ Клод Адриан Гельвеций (1715 – 1771) – французский философ и литератор.

² Трубецкой Е. Н. Смысл войны // Смысл жизни. М.: Институт русской цивилизации, 2011. С. 568.

³ Аджай Гойял – предприниматель, аналитик по вопросам бизнеса и политики в России. Главный редактор англоязычной газеты «The Russia Journal», издаваемой в Москве и Вашингтоне.

⁴ Куликов Д. Александр Зиновьев и новая постмарксистская философия // https://ria.ru/zinoviev_club/20151029/1310043197.html

⁵ Демури М. О патриотизме как национальной идее // <http://www.putin-today.ru/archives/20531>

Понимание патриотизма как нравственной идеи, которая выводит человека за пределы эгоизма к познанию и принятию идеи общего блага развивают К. Д. Ушинский, И. А. Ильин, М. Е. Салтыков-Щедрин и другие наши писатели.

При этом хочу заметить, что в сочинениях современных школьников Гельвеций цитируется гораздо чаще Трубецкого, Ильина, Салтыкова-Щедрина. Кто сомневается, наберите слово «патриотизм» в поисковой строке «Яндекса».

В книге Гельвеция вполне определилось отношение к христианству как к интересной аксиоматической системе догматов, в рамках которой можно создавать любопытные теоретические построения, однако глупо пытаться жить на основе полученных выводов. Эту «глупость» Гельвеций определял как фанатизм.

В современной науке этот оформленный в рамках философии Просвещения проектный принцип развития принято называть «проект Модерн». «Модерн» часто переводят на русский как «современность». Тогда получается «проект современности». С одной стороны, это сужает значение русского слова «современность» и вносит другое семантическое измерение в значение общего для ряда европейских языков слова *modern*, а с другой – ярко освещает парадокс мышления, который предстоит осмыслить.

Истоки идеи модерна зародились в огне потрясений, которые в Европе называют «великий сдвиг XVI века»: «тектонический сдвиг» в технике, экономике, структуре общества, политике, «высокой» и повседневной культуре, который задал вектор непрерывных, стремительных изменений всех компонентов цивилизации на все обозримое будущее. Смыслом цивилизационного развития стало самоизменение. Европейские мыслители хорошо понимали, что основой этой самоизменяющейся цивилизации стал новый способ мышления о человеке.

Можно сказать, что проект модерн – это обоснование всемирной антропологической революции. Смысл дальнейшего цивилизационного развития виделся в том, что в процессе истории возникает новый человек. Человека этого типа никто не создал и никто не участвует в его изменении. Он изменяет сам себя по собственной своей мерке.

Идея нового человека была ясно декларирована. Им стал человек рациональный, разум которого ставился на службу его земному преуспеянию. Христианство не совсем отвергалось, но подразумевалось, что верить следует «без фанатизма»: если выводы, полученные из догматов, противоречат задачам земного преуспеяния, они отвергаются «здравым разумом». «Здравомыслящее» христианство не мешает земным радостям и достижениям, но дополняет их еще и обещанием индивидуального бессмертия.

В науке этот процесс называется «секуляризацией» – достояние Церкви отнимается в пользу светской власти, светского общества. Можно говорить о секуляризации разума человеческого. В церковной традиции говорят об апостасии – Богоотступничестве. Мир модерна – это апостасийный мир.

Главный водораздел новизны проходит именно по линии установок в отношении к традиции, к Священному Преданию христианства. Новый человек не должен доверять традиции. Ее необходимо проверять посредством правильно воспитанного разума – такова основная установка модерна. Эта установка критического мышления полностью меняет отношение человека к такой способности нашей души, как вера. Веру начинают трактовать как недостоверное знание. Принято на веру – значит, не проверено критическим мышлением. Для христианина же вера – это особая способность души, которая позволяет воспринимать Божественное Откровение. В основе Священного Предания – не открытия человеческого разума, а Откровение Бога и внимающий ему *сокровенный сердца человек в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа, что драгоценно пред Богом* (1Пет. 3, 4).

Сокровенный сердца человек, воспитанный Вселенской Церковью, по замыслу авторов модернизации, должен исчезнуть и уступить место новому, модернизированному человеку, ориентированному на земной успех, рациональному и здравомыслящему. В идеологии глобализма современный мир – *modern world* – это новый мир. Он решительно утверждает себя как мир, способный пересоздать человека и утвердить совершенно новые условия его существования. Это мир, свободный от «пут истории», от «ига традиций» и «оков религии». Он так же беспощаден к традициям западноевропейской христианской цивилизации, как и к восточному христианству, сформировавшему русскую цивилизацию. Вот почему следует различать «западную цивилизацию» как сложное целое и «глобальную цивилизацию» как порожденный ею проект, под властью которого исчезает ее гуманистический облик.

Современный человек – более точно называть его «модернизированный человек» – это человек, выходящий за пределы всех исторически известных и выраженных в культуре образов человечности. Это «безпрецедентный сверхчеловек», преодолевший границы человеческой природы. Глобализм уже заявил перспективу «трансгуманизма» – «преодоления природы человека» разными способами и в самых различных формах – от клонов и киборгов, до трансгендеров и биороботов.

Да не будет! – откликается сокровенная глубина нашей души, наш *сокровенный сердца человек*. Что же, христиане не могут и не должны быть

современными? Что, современность – ложь и ведет ко лжи? Нет, современность – не ложь. Современность парадоксальна, и этот парадокс необходимо осмыслить.

ПАРАДОКС СОВРЕМЕННОСТИ

Modern world – это мир, порывающий с прошлым и открытый будущему. На идее «открытости» следует остановиться. Открытое общество, открытое образование, открытое сознание, – такие категории наполняют документы ведомств, отвечающих за образование. Это основной термин идеологии «толерантности». «Открытость» в русском языке – слово однокротное со словом «откровение». Личность другого человека открывается нам не хитрыми инструментами «научного человековедения», но через откровение, собеседование. Нашу душу лелеет понятие открытости: открытая душа, откровенный разговор, день открытых дверей, когда все гости будут к нам и мы открываем им себя в лучшем виде. Но вместе с тем семантический круг предупреждает и об опасности безмерной открытости: сокровенность остается строго охраняемой внутренней сутью человека, где он наедине с Богом, молча собеседует с Ним и проверяет себя Его словом. Там, в кротости и молчании сокровенного сердца человека, Бог открывает Себя. Родной кров необходимо строго блюсти от разорения, оставляя части внутреннего пространства дома под покровом, недоступным для посторонних.

В английском языке слово open «открытый» не пересекается с семантическим полем слова Откровение (revelation). «Открытость» проекта «Модерн» вовсе не сродни «всемирной отзывчивости». Открытость означает отсутствие заданного образа. Мишель Фуко¹ правильно заметил, что в философии Просвещения сдвигается направление активности человека. Человек христианской цивилизации (в западной ее ветви) стремится «обреести» себя, вернуть утраченный образ. Новый человек себя «изобретает». Изобретает как нечто беспрецедентно новое, сознательно откидывая все образцы и руководствуясь только набором целей и задач, которые признал здравыми его разум. Это буквально инженерия духа – новые образы жизни и социальные практики проектируют, как мосты и автомобили, изобретают, как компьютеры и оружие массового поражения.

Новый человек – это человек без образа. Он изобретает себя, свои ценности, свой способ жизни, и чем меньше в нем подобия чему-то, что уже существует, тем значимее результаты его деятельности.

В одной из педагогических дискуссий, где обсуждалось различие основоположений модернизированного образования и православной педаго-

¹ Мишель Фуко (1926 – 1984) – французский философ, историк культуры.

гики, прозвучало остроумное противопоставление. Если педагогика Православия – это педагогика образа и подобия, то педагогика модернизации – это педагогика неподобного без-образия. Желаящие могут переставить ударение во втором слове и убрать дефис.

Глобализм вырос на принципах проектности и декларирует открытость человеческого бытия как пластичность, изменяемость человеческого обличия. Вместо образа здесь «имидж». Человеку предписано облекаться в самые разные личины, свободно конструировать свои «имиджи». В категориях глобального проекта бессмысленно говорить о каких-то идеалах. Понятие об идеале несет онтологическое измерение и имеет регулятивный смысл, обосновывая направленность изменений смыслами и ценностями. Вместо идеала глобалисту необходимо вести речь о «кодах», «шифрах», «матрицах», то есть о чем-то таком, что сконструировано и может быть разобрано на элементы и переконструировано. Нет антропологического идеала – есть антропологическая матрица. Это матрица потребления. Человек глобального проекта – это «человек потребляющий», если пользоваться терминологией Жана Бодрийяра¹.

Идеология глобализма изымает из человека образ совершенства как внутренний принцип самоорганизации и замыкает его в круг потребностей, продуцируемых системой общественного производства.

Внутри глобального проекта важное место отводится глобальному образованию. Оно должно «обработать человеческий материал» так, чтобы запечатлеть в нем матрицу «человека потребляющего». Эта модель образования безапелляционно присвоила себе название современного, то есть единственно отвечающего духу времени, в котором мы сейчас живем. Глобалисты говорят: быть современным, идти в ногу со временем – значит, воспитывать вкус к потреблению, быть грамотным потребителем. Так сказал и бывший министр образования: наша задача – воспитать грамотного потребителя, то есть современного человека.

Методистам же, разрабатывающим курс ОПК («Основы православной культуры») поставлена задача: написать современные учебники, дать детям современное понимание христианства. Что же это значит, дорогие? Неужели такое понимание христианства, которое позволит сделать ценности и смыслы христианства предметами потребления модернизированного человека? И вот уже стало привычным, что из методических материалов изымают вопросы об отношении христиан к смерти, вопрос о вечной жизни размывается до неопределенности. Не удивительно – ведь христианское понимание смерти, воскресения и вечной жизни никак не вписы-

¹ Жан Бодрийяр (1929 – 2007) – французский философ-постмодернист, культуролог, фотограф.

вается в потребительскую матрицу, где место смерти предусмотрено, но только в качестве реестра страховых предложений от бюро ритуальных услуг по организации респектабельных похорон на любой вкус.

Волнующий нас парадокс современности обнаруживает себя в семантике русского слова «современность». Современный – значит, имеет серьезные отношения со временем, живет во времени, со-бытийствует с ним: «Времена не выбирают, в них живут и умирают»¹. Русское слово «современность» обращает нас к смысловой интуиции времени как такового, всех его измерений.

Слово «modern», происходит от латинского «modernus», «modo» – «недавно, только что» и выражает только одно измерение времени: «здесь и сейчас», на церковно-славянском «ныне». Вроде бы можно перевести на русский как «настоящее». Но не стоит спешить. Смысловая глубина русского слова «настоящее» не ограничивается понятием «здесь и сейчас». Она ведет в иные измерения и служит определением истинного, подлинного бытия, обладающего качеством вечности: настоящий человек, настоящее дело. Настоящее время в русском языке отражает точку смыкания «сейчас» со «всегда», что выражается формулой церковного славословия Богу: «и ныне, и присно, и во веки веков».

Палитру восприятия одного слова всегда дополняют смыслы других слов, сходных по звучанию: с «modern» переключается «modus» – «мера, предел, граница, способ». По смыслу получается – мера, способ жизни, появившийся только что, недавно. В русском же языке другая переключка – «настоящий» и «стоящий, стоять, устойчивость, достойно». Получается такое «сейчас», которое устойчиво стоит, стоящее прямо и стоящее внимания, достойное.

В слове «модерн» звучит идея новизны. Но она звучит и в русском слове «настоящее». Идея новизны не изобретена в эпоху Просвещения. Moderni – так называли в римской империи христиан. Возможно, именно они наполнили смысловое пространство слова «moderni» переживанием беспрецедентной новизны совершившегося только что. В древнем мире христиане стали новыми людьми. Христианство вообще – это новое слово о человеке. Господь говорит: *се, творю все новое* (Откр. 21, 5). Он обновляет «естества чин». Христианский завет – это новый завет. Человек, последовавший за Христом, – это новый человек.

Христиане были не такие, как все, они явили в Римской империи новый, другой образ жизни. Но не просто другой, – многие узнавали в нем что-то давно утраченное, родное и естественное. Как будто закон жизни

¹ Первая строка стихотворения Александра Кушнера.

христиан был написан в сердце у каждого человека, и эти новые люди учили читать его и превращать в основание жизни. Достоинство христиан отвечало ценностям римской доблести, унаследованной от отцов (*patri*) и составившей славу Отечества (*patría*), но утратившей силу определять реальную жизнь римлян. Доблести и предания отеческие превращались в мечту о прошлом, но утратили власть над будущим. Будущее римского мира оказалось во власти стихийных сил, стало игрищем мощных человеческих страстей. Христиане – *moderni* – как будто запускали время в немислимую петлю: то, что было прошлым, – доблести и предания отеческие – становилось властно зовущим будущим, обновленным, но узнаваемым и родным. Новые люди возвращали силу и власть отеческих доблестей их потомкам. В римском мире христианство совершало то же, для чего родился святой Иоанн Предтеча: детям возвращались сердца отцов, непокорные обретали образ мыслей праведников (см. Мал. 4, 6).

Об этом захватывающем преображении древнего мира христианством хорошо сказал Пушкин: «...величайшее событие истории есть христианство. В сей священной стихии исчез и преобразился мир»¹.

В современном (*modern*) мире можно различить два модуса (*modus*) его бытия: мир модерна и мир настоящего. Мир модерна оккупирует настоящее, пыгается сузить его горизонт. Модерн разрывает связь времен, сворачивая настоящее в точку «здесь и теперь», превращая эту точку в границу и меру (*modo*) времени. Время теряет непрерывность, становится дискретным. В информационном пространстве прошлое дробится, как в разбитом зеркале, в миллионах мифов (не в греческом смысле этого слова), анекдотов, авантюрных романов, идеологических стереотипов, полезных только здесь и теперь, они бездумно тасуются без всякой заботы об их связности. Будущее разворачивается, как веер самых фантастических возможностей, в диапазоне от мечты о дивном новом мире до уверенности в скорой мировой катастрофе. Будущее все больше перемещается в виртуальное пространство, уже не пересекающееся с реальным ходом истории. Посмотрите, многие серьезные блогеры и аналитики констатируют: мы оказались в мире, который уже не понимаем. Реальная же история все более проявляет себя как регресс качества общественных связей, регресс человечности. Все чаще звучит важная мысль о том, что будущее образования связано с борьбой за человека. За сохранение облика человечности, узнаваемой как образ «настоящего человека», неизменного на протяжении веков и в различных культурах. Человека сотворенного, в котором сквозит и мерцает нетленный образ Творца.

¹ Пушкин А. С. Заметки о русском дворянстве // Полн. собр. соч. в 10 т. М., 1982.

Настоящее – это не точка разрыва полноты времен, это Вселенная, в которой прошлое превращается в будущее. О том, как это происходит, хорошо сказал архимандрит Георгий (Шестун). Сначала настоящее становится прошлым. Люди, живущие в настоящем, всегда уходят в прошлое. Покидая историческое время, они входят в вечность, и там историческое прошлое смыкается с будущим, к которому стремимся и мы, направляемые образом совершенства, открывающимся нам в доблестях и преданиях отческих. Тот, кто остался в прошлом, оказывается в нашем будущем, ожидая нас в вечности. Там, в будущем, нас встречает история нашего народа, все те, к кому мы с любовью обращались, вглядываясь в прошлое. Настоящее соединяет в себе прошлое и будущее. Живите настоящим – значит, живите во времени перед лицом вечности¹.

Мир настоящего – это настоящий мир. Доверяя родному, мудрому и могучему – могущему открывать смыслы – русскому языку, услышим правильно: подлинный, истинный мир. Мир, каков он есть. Настоящее время – это время полноты времен, в нем свернуто прошлое и будущее. Пушкин очень хорошо назвал христианство событием. Это событие не ушло в прошлое. Это настоящее событие – оно продолжается как настоящее, современное всякому времени. В этом событии – истоки русской веры в вечную, непобедимую, преображающую силу добра и конечное торжество справедливости.

В современности сосуществуют и сталкиваются в непримиримой схватке преходящее и вечное, безвременность смерти и время жизни. Антропологическая матрица (код, шифр, модель) глобального проекта – это «модернизированный человек». Матрица стремится оккупировать педагогическое сознание, слиться, мимикрировать под русские смыслы, связанные с пониманием современности как текущего времени, обновляющегося настоящим и обновляемого «приснобытием», вечностью. Современность не разделяет поколения, но связывает их через родное предание, традицию. В одном времени живут разные поколения, современниками становятся дети и отцы, деды и внуки. Они все переживают настоящее как ток времени своей жизни, каждый в меру своего возраста. В русском мирозерцании укоренен наш антропологический идеал – настоящий человек, стремящийся к совершенству по образу Отца Небесного. И духовный смысл отечественного образования – утверждение в непрерывности поколений облика настоящего человека.

¹ Георгий (Шестун), архим. Назад в будущее // Покров. 21 февраля 2017// ruskline.ru/monitoring-smi/2017/fevral/2017-02-21/nazad_v_buduwee/

«Духовный Собеседник» в 2018 году

Судьба Царя – судьба народа. Публикации к 100-летию трагических событий в России.

Поучения святых отцов о стяжании Духа Святого.

Жизнеописания отечественных подвижников благочестия, праведников, боголюбцев, исповедников российских из архива митрополита Мануила (Лемешевского).

Беседа главного редактора «ДС» с известным грузинским иконописцем Зурабом Модебадзе.

Продолжение публикации трудов российского мыслителя, политолога и публициста Александра Сергеевича Панарина.

Последняя работа русского философа В. Н. Тростникова «Логика и Логос в богословии».

1-я стр. обложки: Открытие памятника святому равноапостольному князю Владимиру на площади около Софийского собора 6 мая 2018 г. Самара. Фото Е. Жевак.

2-я стр. обложки: Прпп. Иосиф Песнописец и Роман Сладкопевец. Афины. Церковь Богородицы Капникареи, именуемая «Священный Университетский Храм», т. к. принадлежит Афинскому университету. Одна из старейших православных церквей греческой столицы (ок. 1050 г.). Настенная роспись храма выполнена большей частью известным греческим художником и иконописцем Фотисом Кондоглу и его учениками в середине XX в.

3-я стр. обложки: Архиерейская служба в храме святых Петра и Февронии. Литургию возглавил митрополит Самарский и Тольяттинский Сергей. 8 июля 2018 г. Самара. Фото Е. Жевак.

Издание зарегистрировано Министерством Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ №77-7592 от 19.03.2001 г.

Учредитель Самарская Епархия Русской Православной Церкви.

№5(97). Отпечатано в типографии ООО «Экополис», адрес 443034, г. Самара, ул. Енисейская, д. 43.

Подписано в печать 31.07.2018 г.

Тираж 1500 экз. Выходит один раз в два месяца. Возрастное ограничение: 12+.

**ПРИГЛАШАЕМ
ОФОРМИТЬ ПОДПИСКУ
на журнал «Духовный Собеседник»
(144 стр.; 1 раз в 2 месяца)
на 2-ое полугодие 2018 года.**

**Духовный
Собеседник**

- **В любом почтовом отделении России** – наши подписные индексы:
39582 – в объединенном каталоге «Пресса России» (зеленом)
П3160 – в электронном каталоге «Подписные издания. Официальный каталог Почта России»
3160 – в официальном каталоге Почты России «Подписные издания».

Напрямую (через банк или иным способом) перечислив денежные средства (из расчёта **290 рублей** за один экземпляр журнала с учетом доставки до адресата - только на территории России) **в редакцию по следующим реквизитам:**

Получатель: ООО «ИТЦ «Софит»

ИНН 6316126890 / КПП 631601001

р/с 40702810003000022347 в Приволжском филиале ПАО «Промсвязьбанк» г. Самара
БИК 042202803 к/с 30101810700000000803

Назначение платежа: Подписка на журнал «Духовный Собеседник» на 2-ое полугодие 2018 года.

на ___ номеров.

КОНТАКТЫ РЕДАКЦИИ:

эл.почта: albina063@mail.ru

почтовый адрес: 443110, г. Самара, ул. Радонежская, 2.

телефоны: +7(846)334-12-72, 336-84-41.

Наложённым платежом, обсудив и оформив заказ по указанным телефонам.

**Духовный
Собеседник**